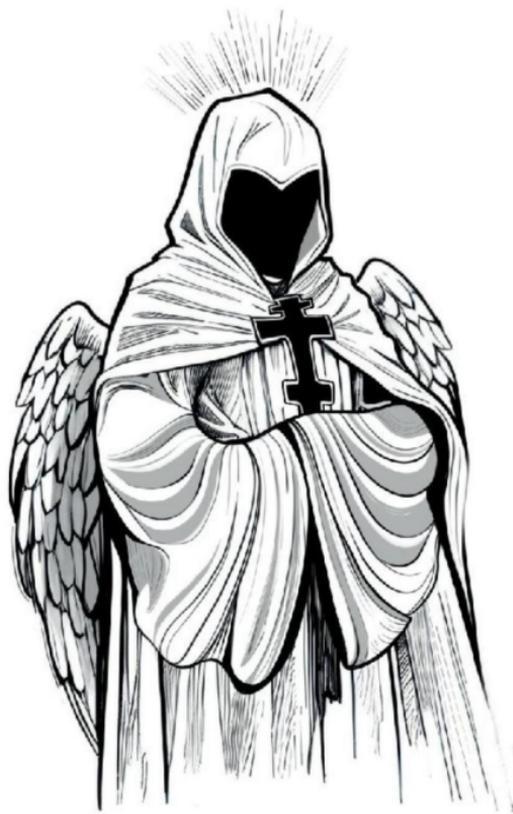

Дмитрий
Кондратенко

Зигуя

Дмитрий Кондратенко

Зигун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70066420

SelfPub; 2023

Аннотация

Попавший на Земле в автокатастрофу Зигун оказывается на небе и становится там ангелом. Помимо ангелов на небе есть демоны, которые противостоят ангелам. Герой повести ищет причины вынесения себе на небесах смертного приговора, разбирается с непростыми взаимоотношениями ангелов и демонов, принимает активное участие в судьбе своей подопечной Машеньки и вспоминает о земной жизни, пытаясь проанализировать все свои грехи и понять, достаточно ли их было для вынесения вердикта.

Дмитрий Кондратенко

Зигун

Как-то незаметно человек перестал быть личностью с правом иметь свое мнение. Если твое мнение отлично от большинства (хотя кто знает, большинства ли), значит... ты автоматически враг своему государству. Все решения в стране принимаются по понятиям, игнорируется Конституция и свобода слова. Законы потеряли свое значение, все основано на лжи и обмане. Точнее, на самообмане, поскольку так проще жить. Отстраненность и равнодушие правит в этом мире.

Равнодушие – самый страшный грех. С согласия молчаливых совершаются самые страшные преступления. Значит, где-то там все наши прегрешения складываются для вынесения нам приговора.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

«Многие не грабят; а скорее милосерды, но они блудодействуют и, таким образом, в других отношениях оказываются нечистыми. Итак, Христос повелевает при других добродетелях хранить и чистоту, или целомудрие, не только по телу, но и по сердцу, ибо помимо святости, или чистоты, никто не увидит Господа. Как зеркало, оно чисто, только тогда отражает образы, так и созерцание Бога и

разумение Писания доступно только чистой душе».

Толкование Мф. на 5:8.

Глава 1

Ангелом Зигун стал работать недавно – после того, как трагически погиб в автокатастрофе. Точнее, это он думал, что произошла трагическая случайность. Кстати, тот парень, что вылетел ему навстречу, тоже успел подумать, что ему не повезло и это стечение обстоятельств. Но оказалось, что все не так просто. Вернее, все совсем не просто.

Очнулся Зигун в темной комнате на кровати. Из одежды на нем был только белый халат с капюшоном. Это был даже не халат, а балахон неопределенной формы.

Зигун встал с кровати, огляделся. Он находился в комнате небольших размеров. В углу стояла кровать. Рядом с кроватью письменный стол и стул. На столе лежали Библия и Евангелие. Над столом было небольшое окно. Окно располагалось выше головы Зигуна, и он видел только падающий свет от него. Это не было солнечным светом или светом от лампы. Свет падал... словно в осенний хмурый день, когда вроде и не холодно, но при этом не ощущаешь солнечного тепла.

Зигун оглядел себя. Он стоял голыми ногами на полу и при этом не чувствовал холода или тепла. Раньше у него всегда мерзли ноги, поэтому он ходил в носках, кроме жарких летних дней, когда довольствовался сланцами и шортами.

Чувствовал он себя как обычно, только будто во сне: мог двигаться, ходить, все понимал и все помнил... но при этом ничего не чувствовал. Он сделал шаг, но не почувствовал напряжения в ногах. Поднял руку – она поднялась. Он это увидел, но ничего не почувствовал.

Подошел к двери, толкнул ее. Она открылась, но привычного ощущения от толчка не было. Он шагнул вперед – и замер от яркого света. Сделав несколько шагов, он оказался в центре белого зала со столами, стульями и прочей стандартной мебелью. Вдоль стен располагались огромные стеллажи. На них стояло множество весов, самых обычных, на которых в стародавние времена взвешивали с помощью гирек. На одной чаше у всех весов лежали белые шарики, на другой – черные. Где-то белых было так много, что весы перевалились на один бок, где-то перевешивали черные. В большинстве случаев же шариков обоих цветов было примерно поровну, разве что на некоторых белые перевешивали.

На столах были разбросаны белые папки с личными делами. На каждой обложке можно было увидеть фамилию, имя, отчество и дату рождения.

Подойдя к столам ближе, Зигун удивился: на некоторых папках стояли номера приговоров, даты вынесения их и даты смерти. При этом даты смерти не совпадали с датой приговора. На таких папках была печать: «Приговор приведен в исполнение». Но лежали и папки, где был номер и дата приговора, но не было даты смерти. Получается, приговор еще

не исполнили.

Холодок пробежал у Зигуна по коже. Он поднял глаза и осознал, что находится посередине огромного зала, где стоят миллионы таких весов, что перед ним, и лежат миллионы личных дел на каждого человека с момента рождения. Опустив глаза, он более внимательно всмотрелся в надписи на папках. На многих было выведено: «Вынесен приговор», – но не было надписи «Приговор исполнен». Получается, эти люди были обречены, только они об этом не знали. И при этом совсем не важно, как *это* произойдет, но оно произойдет в любом случае.

Зигуну стало тяжело дышать, захотелось на воздух. Выходит, что... ему тоже вынесли приговор?.. Но как, за что?.. Что такого плохого он сделал?! Он ведь никого не убил, не ограбил, он хороший и порядочный человек. По крайней мере, так считал он сам и окружающие его люди. А может, они так и не считали...

Все еще надеясь, что это ошибка, он подошел поближе к группе молодых людей, среди которых была милая девушка. Они что-то бурно обсуждали, пока рядом стояли молча двое в черном и просто наблюдали.

Говорила эта девушка. Обращалась она к самому старшему:

– Николай Фёдорович, у нас образовалась группа из тридцати человек. Все едут на экскурсию завтра рано утром. На двадцать пять человек из них вынесены приговоры. Я счи-

таю, нельзя упускать такой случай. Выезжают они ночью, там дорога в горах, серпантин крутой. Ночь, горы, крутой поворот – обычная авария. Это же сколько мы времени и сил разом сэкономим!..

От удивления у Зигуна рот открылся сам собой. Ему даже захотелось что-то крикнуть этой милой девушке, но он не смог. Вот тебе и миленькая девица...

Справа от нее стоял юноша, с виду ботаник. Хлипкий какой-то, в огромных очках с толстыми стеклами. Тем удивительнее было, когда он резко вскочил, заявив:

– Я категорически против! У пятерых человек нет вынесенных приговоров. С ними вы что будете делать? Или опять хотите по беспределу, как в прошлый раз, когда самолет упал? Сколько же невинных людей погибло!..

– Егор, – обратилась девушка к нему, – тогда, и ты сам это прекрасно знаешь, произошла ошибка. Это была... недоработка, человеческий фактор. Все эти люди, у которых не было приговора, должны были опоздать на рейс. Но почему-то этого не произошло.

Она при этом покосилась на людей в черном. Они же как стояли невозмутимо, так и продолжали наблюдать, ничем не выдав, что слова были адресованы им.

Как потом выяснил Зигун, один из этих черных был старшим. Звали его Суркан, он имел прямой выход на Самого. В этот раз Суркан стоял молча и не проронил ни слова, только внимательно слушал.

Задачей черных – это Зигун тоже узнал позже – было отправить на тот свет как можно больше людей. И им по большому счету было не важно, имел человек приговор или нет. По закону же, если у человека не было вынесенного приговора, он должен был доживать до старости и умирать своей смертью. Но это по закону... На деле же черные при любом удобном случае пользовались своей возможностью и «помогали» людям не дожить до старости. Чтобы этого не происходило, существовали ангелы, которые должны были следить за своими подопечными. Кроме того, черных могли отправить в суд, если было точно установлено и доказано, что те действовали без приговора. За это могли отлучить от работы и отправить в ад.

Адом по сути было вечное уничтожение. Медленное, но верное тление в абсолютной темноте. Не зря говорят – гореть в аду. Все так, только огонь этот медленный и вечный. Поэтому черные крайне редко использовали свои широкие возможности, разве что когда были полностью уверены в безальтернативности ситуации. При этом, как правило, в зону риска попадали люди без ангелов. Во вторую очередь шли «на убой» те, кому был положен ангел, но таковых человеку не выделяли по причине нехватки кадров, поскольку ангелом мог работать не каждый. За такими присматривали свободные от работы другие ангелы. Дальше по очередности риска шли люди с имеющимися у них ангелами, а высшей кастой были люди аж с двумя ангелами-хранителями.

По какому принципу шло такое разделение – никто толком не знал, информация об этом была закрытой. Решение принимал *Сам* своими секретными указами. Насчет остального были только догадки. Как правило, ангела давали при рождении, но были случаи, когда этот вопрос решался и много позже. Некоторым же предоставляли второго ангела – видимо, это было результатом должных мыслей и праведных действий человека.

Некоторые из черных имели прямой доступ наверх, отправляясь туда с докладами отчитываться о проделанной работе. При этом они не упускали возможность высказать и свою точку зрения на происходящее вокруг, не забывая акцентировать внимание на ошибках ангелов и на их просчетах, если таковые случались, конечно. Этим они старались как можно сильнее ослабить влияние ангелов на принятие решений. Мечтою черных было расставить вокруг на посты как можно больше своих, нейтрализовав до минимума работу ангелов. Ангелы, к слову, все это знали и понимали, работая в противоположном направлении.

У ангелов старшим был Николай Фёдорович, он тоже лично ходил докладывать наверх. Поэтому Суркан старался присутствовать на всех мероприятиях, где появлялся Николай Фёдорович. Ангелам это, конечно, не нравилось, но воспринимали они такое спокойно, ведь вся работа велась в открытую, скрывать ангелам было нечего. В итоге складывалась система некоего взаимного контроля и сохранялся ба-

ланс, при котором ни у одной стороны не было возможности захватить, так сказать, власть.

Все это Зигун узнал позже, а сейчас прямо на его глазах решался вопрос жизни и смерти невинных людей.

– Что значит «человеческий фактор»?! – взорвался Егор. – А кто должен был все перепроверить? Не надо с большой головы валить на здоровую. Отвечала тогда за все ты!

– Я же уже сто раз объяснялась по той ситуации! – возмутилась девушка. – Или ты меня подозреваешь? – гневно спросила она, слегка подавшись вперед. Казалось, еще немного, и она бросится на Егора как дикая кошка.

– Да нет, что ты... – испуганно пролепетал Егор.

– Тогда все, тема закрыта! – резюмировала его собеседница, после чего повисло тягостное молчание.

Все это время напротив девушки сидел мужчина лет тридцати пяти и не отрывал глаз от нее – это явно бросалось в глаза, потому Зигун сразу понял, что тот неровно дышит к ней. Ведь только две вещи, как говорится, нельзя скрыть – любовь и богатство. Девушка при этом не замечала влюбленного взгляда или искусно делала вид, что не замечает.

Что-то в девушке Зигуну не нравилось, но он никак не мог понять, что же именно. Красивое лицо, голубые глаза... блондинка с шикарной фигурой. Бедра были шире, чем в классическом общепринятом стандарте, но это придавало особую грациозность фигуре, особенно когда она сидела нога на ногу. В общем, это была девочка с рекламного постера,

мечта поэта, но что-то в ней Зигуну мешало. Он никак не мог понять причину этого чувства и был, признаться, сильно этим озадачен.

– Алёна права, – сказал мужчина. (Значит, ее зовут Алёна, подумал Зигун. Прекрасное имя и чарующая внешность – и это совершенство хочет преспокойно отправить на тот свет невинных людей. Конечно, это, наверное, ее работа, а люди, может, и не такие невинные, а он мысленно нападает на нее, не зная всех обстоятельств.) – Я тут посмотрел личные дела этих пятерых человек, – продолжил он. – У четверых уже давно весы на черной отметке.

– И думать не смейте об этом, уважаемый Кирилл! – тут же отреагировал Николай Фёдорович.

Этого влюбленного в Алёну, выходит, зовут Кирилл. Он сразу не понравился Зигуну. И последнее его предложение об ускорении процесса вынесения приговоров только подтвердило это.

Кирюха... Зигун поймал себя на мысли, что давно не любит это имя, стал вспоминать, где и при каких обстоятельствах встречался с людьми с таким именем, – и, между прочим, вспомнил. В институте у них в группе был парень по имени Кирилл, все его звали Кирюхой. И как-то этот Кирюха пытался подгадить Зигуну, оттуда и негативные ассоциации с именем.

Дело было на первом курсе института. Всех студентов тогда отправили на картошку. С Зигуном из одногруппников

особо никто не дружил: в группе были только москвичи, лишь один Зигун приехал издалека. А после колхозных сборов, когда вернулись в Москву, всем студентам за хорошую работу выдавали талоны на распродажу. В то время все было в дефиците, а что-то по-настоящему нужное и редкое можно было купить только с этими талонами. Распродажи были в ЦУМе, ГУМе и в других крупных магазинах, раздавали талоны на одежду, обувь, косметику и прочие нужности.

Собрали тогда всех студентов в небольшом парке у института и начали раздавать талоны. При этом давали один талон на двоих – похоже, начальство из профсоюзов, распределяющее талоны, уже в то время умело делить в свою пользу. Но никто не задавал лишних вопросов – на двоих так на двоих. Все одnogруппники тогда разбились по парам, лишь Зигун оказался в гордом одиночестве. И оставаться без талона, честно говоря, было обидно.

– Ну что – без пары? – ехидно поддел тогда Кирюха.

– Выходит, что так... – ответил Зигун.

– Не повезло! – с довольной ухмылкой сказал Кирюха.

– Подожди, – сказал Зигун, – а где Андрей? – это был их одnogруппник, который не пришел на раздачу талонов.

– Видимо... ему было не нужно, – пожал плечами Кирюха.

– Тогда я получу за себя и за него, – кивнул довольно Зигун. И он не мог предположить, что произойдет дальше, иначе смолчал бы.

Начали раздавать талоны. Нужно было подойти к началь-

ству, назвать две фамилии – и получить талон. И тут Зигун увидел, как сквозь толпу продирается Кирюха и кричит, что нужно подходить только парами.

Вот же какой гаденыш, подумал Зигун. Сначала его проигнорировали, а теперь он должен лишиться талона... Ну уж нет!

Зигун ринулся к столику, пока в толпе орали, желая как можно быстрее получить талоны. Кирюха у столика оказался первым и стал что-то объяснять организаторам. В итоге из-за толпы сложно было понять, где пары. Зигун протиснулся следом и назвал две фамилии – свою и того самого отсутствующего товарища.

– А где второй? – спросили Зигуна.

– Да там он!.. – кинул рукой Зигун в толпу.

– Ладно... – и Зигуну отдали талон.

При этом Кирюха пытался что-то кричать и доказывать несправедность получения талона Зигуном, но его никто слушал. С тех пор имя Кирюхи Зигун запомнил навсегда.

Воспоминания Зигуна прервал голос Николая Фёдоровича:

– Это не наше дело – смотреть, в каком положении весы. На все воля божья. И без суда и приговора не смей трогать личные дела... – тихо, но жестко сказал Николай Фёдорович этому Кирюхе.

– Давайте что-то придумаем, – не унималась Алёна. – Если не сейчас, то потом такого случая не будет, придется с

каждым решать вопрос индивидуально. У нас и так людей на всё не хватает, приговоры лежат не исполненные по несколько месяцев.

– А ты чего так переживаешь? – вставил Егор. – Это их проблемы, – кивнул он на людей в черном. – Они *исполнители*.

– А с нас – подготовка всех материалов! – вскипела девушка. – И потом на совещании они все свалят на нас, что это мы затянули с оформлением. И это не тебя будут ругать, дорогой мой Егорушка! И не тебе стоять с понурой головой.

Один из тех, кто был в черном, довольно при этом ухмыльнулся.

– Хватит! – отрезал Николай Фёдорович. Ему это, кажется, начинало надоедать. – Какие конкретно у тебя предложения? – обратился он к Алене.

– Ну у них отель так себе – две звезды... Ресторан тоже никакой... Предлагаю этим пятерым устроить отравление, чтобы они не поехали.

– А если все-таки поедут? – не унимался старший.

– Значит, надо так отравить, чтобы и мысли о поездке у них не возникло! – дерзко ответила спорщица.

– Какой вариант на подстраховку? – не унимался Николай Фёдорович.

– Не надо вариантов. Я лично сегодня не буду спать и контролирую все сама.

Николай Фёдорович медленно покачал головой:

– Хорошо... – Он как будто искал повод отсрочить приговор, хотя на самом деле, кажется, просто не хотел смерти невинных людей. – Хорошо, – повторил он, – с группой все понятно. А что будет с водителем? У него все черное, его дело в суде, но приговора нет.

– Я вчера написала прошение в Высший суд с просьбой решить вопрос в срочном порядке. Сегодня на вечернем заседании приговор будет.

– Вот сука! – вырвалось у Егора.

Все сделали вид, что ничего не услышали.

– Заседание закрыто, – объявил Николай Фёдорович. – Готовьте документы на исполнение и передавайте, – он кивнул в сторону молчаливых людей в черном. – За тех пятерых отвечаешь лично, – тяжело взглянул он на Алёну.

Она с довольной ухмылкой ответила:

– Будет сделано.

– А вы что стоите, молодой человек? – обратился он к Зигуну. Зигун аж вздрогнул. – Жду вас в своем кабинете. – Зигун в ответ смог только промычать что-то нечленораздельное. – Дверь в конце зала и направо. – Молча кивнув всем, старший быстро пошел в конец зала.

Зигун пошел в конец зала. Сначала он никак не мог найти дверь, которую ему указали, но тут увидел небольшой коридор и справа дверь. Он открыл ее и очутился еще в одном зале, только поменьше. Там были люди в таких же белых балахонах, как и у него. Оглядевшись, он обнаружил неподда-

леку и группу людей в черном.

Мимо пронесся парень, чуть не задев его.

– Тебе туда, – бросил спешащий ему на ходу. – В конце зала, дверь справа.

«Опять в конец зала и опять дверь справа. Сколько же тут этих залов... и откуда этот паренек знает, куда именно мне нужно?..» – подумал Зигун.

Все двери выглядели одинаковыми. Зигун шел через зал, на стеллажах увидев огромное количество личных дел и рядом с ними весы. Некоторые весы немного пошатывались то в одну, то в другую сторону – на них было одинаковое количество шариков, и в любой момент весы могли склониться в ту или иную сторону. Любой, кто проходил мимо, мог случайно задеть их – и все, доказывая потом, что шариков было поровну, никто пересчитывать не будет. К некоторым весам подходили люди в белом или в черном. Каждый кидал белые или черные шарики: белые – за добрые дела, а черные – за грехи.

Люди в белом, как понял Зигун, были ангелами, теми, кто всю жизнь оберегает людей и контролирует работу черных, чтобы те действовали в рамках закона. В черном были демоны. Их задачей было фиксировать все грехи, а после вынесения приговора приводить его в исполнение. Это и было своеобразной системой сдержек и противовесов – даже тут все было как на Земле.

Стоя перед дверью, Зигун раздумывал о том, что на каж-

дого из людей, оказывается, с рождения заводится личное дело, в котором постоянно пополняют статистику хороших и плохих действий и мыслей. Все это измеряется шарами – белыми или черными, разными по размеру, в зависимости от значимости. И у тех, кто дожил до старости и умер своей смертью, весы так и остались в белой зоне – и приговоров им не выносятся. Всех остальных же рано или поздно ждал суд и приговор. Получается, ему тоже вынесли приговор. И тому парню, что в него въехал. Вот какие молодцы – объединили двух приговоренных в одну аварию, и всё, дело сделано. Если, конечно, снова кто-то не накосячил. Как стало понятно из разговора Алёны с Егором, такое тоже случается.

Тут Зигуна бросило в жар: а вдруг и с ним... косяк?! Он сейчас войдет, с его делом разберутся, принесут извинения – и он... очнется! Эта мысль Зигуна обрадовала: конечно, именно так все и будет. Он держался за ручку двери – и не знал, что его ждет за ней. Так или иначе, терять ему было нечего.

Внутри он увидел небольшой кабинет, письменный стол, заваленный папками. За ним сидел Николай Фёдорович. Непонятно было, как он успел появиться тут быстрее Зигуна. На вид хозяину кабинета было лет пятьдесят пять, у него оказалось довольно добродушное лицо, как теперь разглядел Зигун, начавший проникаться к Николаю Фёдоровичу симпатией, пока тот не огорошил вопросом:

– Ну что, долетался, шумахер?

Вопрос поставил Зигуна в тупик. Он пытался оправдаться тем, что детали аварии не имеют никакого значения, раз приговор был, судя по всему, уже вынесен. Но его интересовало другое.

– За что? – негромко спросил Зигун. Николай Фёдорович словно не услышал его, продолжал сетовать на неосторожный стиль езды собеседника. – За что?! – громче повторил Зигун.

Кажется, Николай Фёдорович понял, что от него не отстанут.

– Вы Библию читали, молодой человек?

– Ч-чего? – спросил Зигун, хотя прекрасно слышал вопрос. Просто ответить ему было нечего.

– А Евангелие? – продолжил интересоваться Николай Фёдорович.

Зигун опустил глаза: ничего этого он не читал. Несколько раз порывался почитать, но так и не решился.

– Глава один, пункт двадцать один, Святое Евангелие... – медленно произнес Николай Фёдорович. Спрашивать, о чем это он, не стоило, как понял Зигун.

Пока Зигун стоял в замешательстве, хозяин кабинета кинул папку на стол:

– Принимай дело, – приказным тоном сказал он. – Сегодня должна родиться девочка. Назовут ее Марией. Будешь ее ангелом.

Мария... Слезы выступили у Зигуна на глазах: у него на

Земле ведь остались дети, два сына и дочь, а он до сих пор даже не вспомнил о них. Как они теперь там без него, что переживают.

Николай Фёдорович встал из-за стола и молча подошел к Зигуну. Кажется, чувствовал он себя при этом неудобно, будто это он выносил тот приговор нынешнему собеседнику. Хотя... может, и он.

– Ну ладно... хватит... – тихо сказал Николай Фёдорович. – Мы позаботимся о твоих детях... еще больше.

– Еще больше? – удивился Зигун. – Это как?

– Ну... – замялся Николай Фёдорович, – предоставим им еще по одному ангелу. В особых случаях мы можем делать это. Но при этом мысли у таких особенных людей должны быть чисты... или у них должен быть особый знак при рождении. У твоих детей мысли чистые, они очень переживают, что тебя нет рядом.

В этот момент Зигуну стало еще хуже – лучше бы ему такого не говорили.

– Можно мне их увидеть?

– Нет, – последовал короткий ответ. – Ты никогда их не увидишь. Разве что абсолютно случайно вы окажетесь в одном месте в одно время. Чисто *случайно*, – повторил Николай Фёдорович.

Зигун посмотрел на личное дело. Потом поднял глаза на Николая Фёдоровича:

– Что мне надо делать?

– Беречь и защищать подопечных от всяких напастей. Особенно будь внимателен, если будут рядом черные. И ты можешь влиять на человека только опосредованно: через его мысли и поступки. Все действия человек совершает сам, думая при этом, что он сам так решил. На самом деле, твоя работа – грамотно подвести человека к правильному принятию решения. У тебя для этого целый набор инструментов. Человек совершает поступки на основе информации, которую он получает. Твоя задача – грамотно давать эту информацию, чтобы подопечный принял правильное решение и совершил правильный поступок. Ты можешь, например, подкинуть ему нужную мысль в нужное время. Направить его взгляд, чтобы он посмотрел в нужном направлении и увидел необходимое. Можно обострить его слух, чтобы он услышал нужную информацию. Решение при этом может быть моментальным... либо ты можешь дать подсказку, которая позволит человеку двигаться в правильном направлении несколько лет. Твоя задача – все это прогнозировать, и это целая наука. Со временем ты узнаешь все тонкости. Ну а пока ребенок маленький, надо контролировать все его контакты через окружение.

– Я буду оберегать ее... как свою дочь, – сказал Зигун.

– Я знаю, – сказал Николай Фёдорович.

– Так все-таки... за что мне вынесли приговор?

– На этот вопрос ответ знает только суд. Но там тебе никто ничего не скажет: все заседания закрытые, да и дело уже в

архиве. Сам найди ответ на этот вопрос.

– А как я сам узнаю?

– Как, как... В свободное от работы время вспоминай всю свою жизнь, все хорошее и плохое, и мысленно кидай шарики на весы. Так, может, чего и поймешь. Может быть, даже созреешь прочитать Библию или Евангелие. Но имей в виду, что простых ответов нет и не будет. Все тут... непросто.

Зигун вышел из кабинета. В руках у него было личное дело будущего младенца. Сегодня у него появится этот маленький человечек, потому он дал себе слово быть всегда с ней рядом и защищать ее. Она еще не родилась, а он ее уже безумно любил всем сердцем.

Снова он вспомнил про своих детей – и ему опять стало грустно. Как бы он хотел, чтобы они не страдали без него. Если бы он мог вернуться, наверное, он бы им попытался объяснить, что если не станет кого-нибудь из близких, то не стоит терзать свое сердце: все уже произошло, ничего не исправишь, так какой смысл убиваться... Он бы все сейчас отдал, чтобы оказаться рядом с детьми и объяснить им все это.

Очень давно он где-то прочитал или услышал от кого-то фразу про то, что надо с детства учить детей *терять*. Он тогда не понял смысл этой сентенции, только сейчас у него открылись глаза. Мы все оберегаем детей с детства от лишней и ненужной информации, считая неправильным травмировать детскую психику. Но если что-то важное не объяснить в детстве, потом это может оказаться для человека таким уда-

ром, от которого не все смогут оправиться.

Когда сыну Зигуна было шесть лет, он взял его на кладбище – прибраться на могиле своего отца. Они тогда вместе покрасили оградку, убрали мусор – и присели отдохнуть.

– Когда-нибудь и меня тут положат, – сказал Зигун. – А ты будешь иногда меня тут навещать.

Какое сильное впечатление на сына произвели поход на кладбище и беседа, он узнал следующей же ночью. С женой у Зигуна состоялся очень тяжелый разговор – она доказывала, что не надо было водить сына на кладбище, он сегодня боится засыпать и постоянно спрашивает маму, кто и когда умрет, что будет потом, переживая по этому поводу.

Зигун тогда переживал, что поступил опрометчиво, но со временем почувствовал, что отношение сына к нему изменилось – тот стал как-то более трепетно, что ли, относиться к отцу. Кажется, он понял, что все в этой жизни не вечно, ценить надо все, что ты сейчас имеешь. Так он получил своеобразную прививку от будущего шока, когда бы случилась смерть близкого человека. Когда-то такую прививку получил и Зигун...

Зигун открыл дело. Так... Роддом номер... Адрес... Время. Пора быть там... – и он сразу же оказался в нужном месте! У ангелов это все было просто: где захотел, там и очутился.

Маленький комочек уже лежал на животе у мамы. Такой сладкий, пухленький и мокрый. И плакал совсем негром-

ко. А когда девочка немного успокоилась, она сразу открыла глаза и стала оглядывать всех. Зигуну даже показалось, что и его она увидела.

Тут только он и сам стал оглядываться. На кровати лежала мама, на ней был клубочек – *его*, Зигуна, клубочек; рядом были папа, врачи, медсестры. Зигун неподалеку заметил еще одного ангела – это, наверное, был ангел мамы. Это хорошо, подумал Зигун, но тут же обнаружил за спиной этого ангела черного демона, и у него все похолодело: какого черта, что он тут делает?!

Зигун перевел взгляд на маму девочки – выглядела она не слишком хорошо. Врач что-то ворчала и неодобрительно смотрела на приборы.

– Введите лекарство! – скомандовала она медсестре.

И тут Зигун увидел, как черный демон меняет ампулы – и медсестра берет не тот флакон. Он ринулся исправить ошибку, но белый ангел резко его остановил:

– Куда ты лезешь?

– Ну как! – заорал Зигун. – Ты же все видел!

– Видел – и что? У тебя своя работа. Тебя за ребенком поставили следить.

– А ты?! – закричал Зигун. – Что же ты!

– А ты подумай... – получил он короткий ответ.

И тут его осенило: *приговор*. Приговор маме его девочки.

Руки у него опустились – как же он сразу не понял: если черные тут, значит... это приговор. Бедная девочка... Толь-

ко родилась – и уже без мамы.

Медсестра ввела последнюю порцию инъекции, и аппарат истошно запищал, а после прерывисто загудел. Врачи и медсестры забегали и закричали, лишь отец девочки стоял молча – видимо, он оказался единственным, кто все уже понял.

Так закончился первый рабочий день Зигуна.

* * *

Начались серые будни. Работы у Зигуна было пока мало – Машенька оказалась не слишком беспокойной девочкой. С няней им очень повезло, а может, и Зигун постарался, что скромничать. Когда почти выбрали няню, отец передумал и принял верное решение поискать еще. И лишь со второй попытки семья нашла хорошую помощницу. Так что работы у Зигуна было мало, это позволило ему наконец-то попробовать осмыслить, что произошло с ним и что теперь ему делать с этим. У него не было ответа на единственный вопрос: за что? За что ему вынесли этот приговор?

Он начал читать Библию и Евангелие, но все стало казаться еще запутаннее. Он изучил и Евангелие, ту главу, о которой говорил его руководитель. В ней шла речь о рождении Иисуса: «Родит же сына. И наречешь ему имя: Иисус. Ибо он спасет людей своих от грехов их».

Речь шла о том, что Иисус – спаситель, и он спасет всех людей от грехов их, ибо прощать грехи свойственно одному Богу.

Ясности пока это не принесло, и Зигун изучал тему дальше. Заодно он вспоминал и записывал самые яркие позитивные и негативные моменты своей жизни, тщетно пытаясь найти причину вынесения себе приговора. Пока все, что он вспомнил, было мелочью, кардинально вряд ли решившей судьбу приговора.

Самые ранние воспоминания о плохом и хорошем, о жизни и смерти были связаны со смертью бабушки – бабули, как ее называли в семье, самого близкого человека для Зигуна в детстве. Конечно, родители стояли для него формально на первом месте, но они были целыми днями на работе, а с Зигуном оставалась бабуля. Такой преданности и самозабвения ради внуков он не встречал потом нигде.

Семья Зигуна жила на окраине города, квартира бабушки была в центре. На дорогу до внука у нее уходило минимум полтора часа, потому она вставала с рассветом и приезжала каждое утро, чтобы покормить Зигуна завтраком, обедом и приготовить на всех ужин. В детский сад он не ходил из-за слабого здоровья – у мальчика обнаружили проблемы с глазами. Ночью, пока он спал, глаза гноились, и к утру этого гноя скапливалось в уголках глаз так много, что невозможно было разлепить веки. Бабуля приезжала каждое утро и тихо сидела у кровати, поджидая, когда Зигун проснется. Иногда она возилась на кухне и не слышала, что он проснулся, тогда Зигун тихо звал ее, и она появлялась с приготовленной пиалой с отваром ромашки. Бабуля аккуратно смачивала его

глаза до тех пор, пока он не открывал их. И конечно, первым, что он видел, открывая глаза, была бабуля.

Это продолжалось каждый день довольно долго, до тех пор, пока Зигун с родителями не поехал в Одессу в специализированную глазную клинику, лучшую в стране, где ему назначили лечение – уколы прямо в глаза, точнее, в уголок глаза. Уколы ставили огромной иглой, и родители не могли спокойно на это смотреть. Зигуну было тогда лет пять, но вел он себя на редкость спокойно для маленького ребенка, несмотря на риск малейшей ошибки при уколе. То ли он не понимал всей серьезности действия, то ли уколы были не такие уж и болезненные, за давностью лет уже и не вспомнить, но он мужественно перенес все лечение – и проблемы со зрением исчезли навсегда, будто их и не было.

Даже когда Зигун выздоровел, бабуля продолжила приезжать к нему каждое утро, чтобы накормить его завтраком и просто побыть с ним вместе и поговорить. О чем они говорили – пожилая женщина и маленький ребенок? Кажется, о чем-то детском, волнующем его в то время. Но был разговор, кусочек из которого Зигун запомнил. Тогда в ответ на какое-то его сетование бабуля посмотрела на него очень серьезно, помедлила – и после сказала негромко:

– Большим человек ты станешь, когда вырастешь, помани мои слова. Жаль, меня тогда уже не будет.

Он почему-то запомнил эти слова, хотя так никогда и не понял, что бабуля имела в виду под «большим человеком». А

тогда он не понял даже, что это значит – не будет бабули. Где же она будет, ведь они с ней вместе и навсегда?! Оказалось, что всё на свете – не навсегда. Совсем не навсегда.

Однажды, когда Зигуну было одиннадцать лет, ему приснился странный сон, в котором он вставал с кровати, а у в ноге у него обнаруживалась большая черная дыра, через которую была даже видна кость.

Тогда его разбудила мама, которая сказала, что надо ехать к бабушке, с ней что-то случилось. Зигун думал, что бабуля поправится, но по глазам мамы понял, что произошло что-то по-настоящему нехорошее.

Бабуля стояла в очереди за продуктами – хотела внукам купить что-то вкусненькое, и попала в толпе в давку, где ей, видимо, сломали ребро. Она никогда никому ни на что не жаловалась, промолчала и тогда, решив, что переживет. Но не пережила...

Зигун тогда впервые узнал, что такое смерть. В его голове не укладывалась мысль, как это может быть: с тобою был рядом человек, но в один миг этого человека просто вдруг не стало. Он не придет утром, не сделает завтрак, не погладит по головке, не поговорит, не обнимет. Со временем он, конечно, понял, что жизнь может оборваться в любую минуту. Все на Земле это понимают, но живут так, будто собираются жить вечно.

Если человеку сказать, что завтра он умрет, в первую очередь он, наверное, захочет побыть с детьми, позвонит роди-

телям, признается в чувствах любимому человеку, попросит прощения у тех, с кем был в ссоре. Может, он вернет долги, насладится вкусом воздуха и посмотрит на все окружающее совсем другими глазами – глазами человека, которому больше никогда этого не увидеть. Андрей Миронов в одном из интервью сказал по этому поводу так: «А может, то, что нам кажется важным, это не важно... А то, что кажется второстепенным, главное и есть. Я раньше думал, что слова *моменти мори*, помни о смерти, это страшно и мрачно. Но это прекрасно. Это весело. Это замечательно. Это значит – умей радоваться жизни. Умей забывать плохое и помнить хорошее. Не может быть, чтобы у вас в жизни не было ничего хорошего. Так не бывает...»

Когда бабули не стало, Зигун не был готов к этому, только тогда задумавшись о жизни и о смерти. Он понял, что наступит момент, и все это закончится – его просто не станет. Он больше не увидит небо, не потрогает траву, не почувствует вообще ничего. Ребенку было все это осознать очень сложно, но ведь и взрослому непросто.

Уже тут, наверху, начав читать Библию и Евангелие, Зигун стал сопоставлять то, что там написано, с реальным положением дел. Ведь ладно обычные люди – грешники, не выполняющие законы божьи. Но есть священнослужители, которые, наверное, должны подавать другим пример: довольствоваться малым, не купаться в роскоши. Но ничего такого не происходит, все это видят и понимают, но молчат, как

покорные рабы.

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут».

«Изгнавши болезнь тщеславия, Господь далее говорит о нестяжении, ибо люди заботятся о приобретении многих имуществ по причине своего тщеславия. Он показывает бесполезность земного сокровища, потому что червь и тля истребляют пищу и одежды, а воры похищают золото и серебро. Затем, чтобы кто-либо сказал „не все же крадут“, он указывает, что, хотя бы и ничего подобного не было, но разве то самое, что ты пригвожден заботой о богатстве, не есть великое зло? Поэтому Господь и говорит: ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, или свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»

Он говорит, что если ты пригвоздил свой ум заботой об имуществе, то ты погасил свой светильник и омрачил свою душу, ибо как глаз когда чист, то есть здоров, освещает тело, а когда худ, то есть нездоров, оставляет его во мраке, так и ум ослепляется заботой. Если ум омрачен, то душа делается тьмой, а тем более тело». (Толкования на Мф. 6:19.)

И возникает вопрос: как же все это соотносится с богатством и имуществом наших священнослужителей? Как

человек может прийти в религию, если видит эту нечестность?..

Глава 2

Следующий рабочий день начался неожиданно: ввалился Егор, сказал, что срочно надо идти на совещание. Видимо, планировалось что-то важное.

Зигун оказался в большом зале, где помимо известных ему лиц было много незнакомых, которых он видел впервые. Очень много при этом было людей в черном. Они, как и всегда, сидели в стороне, поодаль от всех.

Заседание вела дама преклонных лет.

– Господа, – обратилась она ко всем, – из отдела мониторинга нам пришла информация о большом количестве людей, имеющих приговор, все они живут в одном городе. Вся информация у вас в папочках на столах. Мы пригласили специалистов из отдела катастроф, отдела несчастных случаев, отдела по техногенным авариям, отдела по стихиям и землетрясениям. Обращаю ваше внимание, что отдел по стихиям и отдел по землетрясениям теперь объединены в один отдел. Данное решение было принято в целях оптимизации всей работы. Кроме того, принято решение о создании отдела по профессиональным ошибкам – по так называемому человеческому фактору. Появление данного отдела назревало давно. К сожалению, общий уровень образования и халатность в работе зачастую приводят к смертельным исходам. Масшта-

бы стали такими, что мы вынуждены были создать дополнительный отдел, учитывая наш дефицит кадров – квалифицированных ангелов. Статистика говорит о том, что количество людей, способных служить ангелами, сокращается. По этому поводу нами подготовлена программа по развитию данной отрасли и сокращению дефицита работников. Руководителем нового отдела назначается Никаноров Михаил Львович.

В зале после этих слов послышался гул, многие открыто усмехались.

Егор наклонился к Зигуну:

– Она давно к нему неровно дышит...

С соседнего ряда старичок в очках вдруг решил высказать свою позицию:

– А почему этот новый отдел не сформировать вместе с отделом катастроф? Их деятельность зачастую пересекается между собой.

По залу снова загудели – теперь одобрительно. Выступавшая дама явно не ожидала такого поворота дел, но виду не подавала:

– Не беспокойтесь. Работы так много, что мы вынуждены принимать меры.

– Ага, – сказал Егор, – а потом в целях оптимизации сольют два отдела в один – и руководителем поставят Никанорова. Только сначала раскрутят его и покажут, как же хорошо он работает.

– А почему дефицит кадров? – спросил Зигун. – Вон у вас

сколько дел с приговорами лежат, все они ведь потенциальные ангелы, разве нет?

– Не каждого можно взять на должность ангела. Приговор – это просто исполнение. А причины приговора – совсем другая история. И есть еще комиссия, которая решает, можно ли допустить человека до такой работы или нет.

– Значит... меня допустили? – спросил Зигун.

– Значит, да. Если ты тут, у тебя не все так плохо было при той жизни.

– Но за что мне вынесли приговор?

– Этого никто не знает. А тот, кто знает, никогда не скажет.

– И как же мне узнать?

– Тебе наверняка старший сказал: изучай Библию и ищи причины вынесенного приговора в своей жизни.

– А ты нашел?

– Пока нет... – вздохнул Егор.

Оказалось тем временем, что на них неодобрительно косятся. Они так увлеклись, что не заметили, как зал успокоился после обсуждения кандидатуры начальника нового отдела.

– Итак, – сказала дама, – давайте перейдем к обсуждению повестки. Какие будут предложения?

– Город находится не в сейсмозоне. Поэтому землетрясение не подходит, – первым начал высказываться начальник отдела по стихиям и землетрясениям. Видимо, решил сразу

проявить себя. – Может, попробуем стихийное бедствие?..

– Вы геоположение смотрели? – устало поднял глаза дяденька в очках. Стало очевидно, что он давно на этой работе. – Какое стихийное бедствие? Смерч, ураган? Как мы целый город уничтожим?..

– Есть еще нюанс... – сказала дама. Помолчав, она добавила: – Пятнадцать процентов населения не имеют приговоров. Что будем с этим делать?

В зале опять неодобрительно зашептались.

– Что, что... – буркнул дяденька в очках. – Ангелам придется поработать больше обычного. Каждый ангел будет решать судьбу своего подопечного. Как и всегда.

– Это понятно, – парировала дама. – Значит, нужно такое решение, чтобы была возможность спасти всех невинных.

Зал притих. Все понимали, что это дело отдела катастроф, такие проекты могут реализовать только там. Но никто пока ничего интересного не придумал, все начальники молчали.

– Я тут кое-что изучил... – неуверенно начал Егор. Все посмотрели в их сторону.

– Продолжай! – нетерпеливо сказала председательствующая дама.

– Город находится в низине. Выше в горах есть плотина. Если ее ночью прорвет, то весь город затопит. А мы разбудим тех, у кого нет приговора.

Зал одобритительно загудел.

– А что, это мысль! – воскликнул начальник отдела ката-

строф, понимая, что эта работа по нему. – Как организуем? – весело спросил он. – Как прорыв плотины по причине ветхости и старости? Я надеюсь, этот вариант всех устроит?

– Можно провести научный эксперимент по установке нового оборудования... и неквалифицированный персонал допустит ошибку, в результате будет маленький взрыв – и все! – заулыбался новый начальник отдела Никаноров.

Дама неодобрительно на него посмотрела – видимо, понимала, что за этим последует. После предложения и впрямь начался небольшой междусобойчик с выкриками «Я же говорил!», но даме удалось всех успокоить, беспрекословно резюмировав:

– Дело передаем в отдел катастроф. Начальнику отдела подготовить все материалы и назначить дату трагедии, предварительно оповестив всех ангелов. И чтобы не одной лишней смерти.

Заседание было окончено.

* * *

Наконец-то Зигун смог вернуться к своим прямым обязанностям, к своему «солнышку». Он поймал себя на мысли, что у него впервые теперь есть работа, которая доставляет истинное удовольствие: оберегать маленького ребенка от всех невзгод. Для этого у него имелись все возможности с неограниченными ангельскими полномочиями. Правда, касались они исключительно подопечных: ангел не мог вмеши-

ваться в чужие судьбы и не имел права оберегать на все сто процентов. В его задачи входило решать проблемы, реально влияющие на возможную смерть и непоправимый ущерб для здоровья. Хотя, конечно, все ангелы не соблюдали правил и вмешивались в текущие дела подопечных. Да и кто же не станет пользоваться таким безграничным правом улучшить жизнь – подложить соломку помягче, выключить ветер, чтобы не простыл ребенок, если няня забыла надеть шапочку. Таких моментов в жизни младенца было много, и справляться с мелкими трудностями Зигуну было очень приятно. Увы, на Земле у него не было работы, от которой бы он получал такой кайф. Наверное, там были такие люди, которым повезло с работой, какие-нибудь признанные писатели или художники. Но если их не признавали, это было для них трагедией. Хотя в признании и непризнании тоже все относительно: сначала творцы надеются, что хоть кто-то купит их картину или роман, а после начинают мечтать о гигантских гонорарах и тиражах, никогда не оставаясь удовлетворенными. Как говорится, богат не тот, у кого много денег, а тот, кому их хватает. Чувство меры – вот что самое главное в делах земных.

* * *

«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться».
«Посему, то есть почему. Потому что благами отторгаются люди от Бога, как душа, не имеющая тела, не ест, но Гос-

подь сказал это по общему обыкновению, ибо душа, по видимому, не может оставаться в теле, если плоть не питается. Господь не запрещает трудиться, но запрещает целиком предавать себя заботам и пренебрегать Богом. Должно и земледелием заниматься, но должно заботиться и о душе». (Толкования на Мф. 6:25.)

Настал день, когда Машенька сделала первый шаг. Зигун, конечно, был в это время рядом. Они вообще проводили много времени вместе. По утрам, когда няня забывала прикрыть занавеску, чтобы солнечный свет не разбудил «солнышко», он закрывал солнце тучками, и тогда Машеньке удавалось еще поспать. Они вместе вставали, одевались, умывались и завтракали. Потом вместе гуляли, снова ели – и после спали. Так проходил день за днем. При этом с няней Зигуну повезло, и работать ему практически не приходилось.

Жила девочка с отцом в загородном доме, гостей у них практически не было, поэтому от микробов и болезней защищать особенно не требовалось. Отец девочки все время был на работе и видел дочь только перед сном. Зигун сильно переживал по этому поводу, но ничего сделать не мог.

У Машенькиного отца при этом был свой собственный ангел. А может, его и не было – Зигун точно не знал, поскольку никого из «своих» рядом никогда не видел. Глава семьи чем-то не нравился ему, хотя он не смог бы объяснить, чем

именно, да и причин осуждать у него не было, кроме уделения дочери не слишком много времени. И вообще, это грех – осуждение кого-либо: «Не судите, да не судимы будете».

«Господь запрещает осуждать, а не изобличать, ибо изобличение служит на пользу, а осуждение является обидой и унижением, тем более в том случае, когда кто-либо сам, имея тяжелые грехи, поносит других и осуждает тех, кто имеет гораздо меньшие грехи, за которые может судить только один Бог». (Толкования на Мф. 7:1.)

Читая это, Зигун вспомнил, как в институте, когда он учился, преподаватель завел разговор о религии и рассказал о разговоре двух священников. По его словам, эти священники были непростые и занимали весомые места в иерархии священнослужителей.

– Выбери самое главное в религии, – сказал один из священников, обращаясь к другому, – чтобы одним словом сказать о ней. Сможешь?..

– Прощение, – ответил второй священник.

– Нет, не прощение. Если ты кого-то простил – значит, сначала осудил. Иначе нет прощения... Не суди – это и есть главное. Ведь тогда и прощать не придется...

Глава 3

При изучении Евангелия у Зигуна порою возникало больше вопросов, чем он получал ответов. В частности, не слишком понятны были ему строки про прелюбодеяние.

«Вы слышали что сказано древним: не прелюбодействуй».

«Одно дело прелюбодеяние, другое блуд. Прелюбодеяние – это грех с замужнею, а блуд со свободною». (Толкования на Мф. 5:27)

«Сказано также, что если кто разведется с женой своею, пусть даст ей разводную».

«Моисей повелел, чтобы если кто возненавидит свою жену, развелся с нею (дабы не случилось худшего, ибо та, которую возненавидели, могла быть и убита) и дал разведенной разводное письмо, которое называлось отпускным, так чтобы отпущенная никогда не возвращалась к нему и не произошло раздора, когда муж станет жить с другою». (Толкования на Мф. 5:31)

Но были и другие строки.

«А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

«Господь не нарушает Моисеева закона, но исправляет его, запрещая мужу по неразумным причинам ненавидеть жену. Если он отпустит ее по основательной причине, то есть как прелюбодействовавшую, то не подлежит осуждению, если же помимо прелюбодеяния, то подлежит суду, ибо принуждает ее прелюбодействовать. Но и тот, кто возьмет ее к себе, прелюбодей, ибо если бы не взял ее, она, может быть, возвратилась бы и покорилась мужу. Христианину должно быть миротворцем и по отношению к другим, а тем более по

отношению к своей жене». (Толкования на Мф. 5:32.)

Получается, если разводишься со своей женой не по причине прелюбодеяния, то вы оба грешные. При этом практически каждый второй брак заканчивается разводом. И вообще, если вникать во все грехи, то получается, что всем живущим уже по нескольку приговоров должны были выписать – за алкание излишества, наживу, искушение, тщеславие, страсть к богатству, осуждение, прелюбодеяния, блуд.

Особенно Зигуна поразила глава о милостыни.

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас; иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного».

«Возведя к самой высшей добродетели, любви, Господь восстает теперь против тщеславия, которое следует за добрыми делами. „Внемлите, остерегайтесь (смотрите)!“ – он говорит как бы о звере лютном. – Берегись, чтобы не растерзал он тебя. Но если имеешь своей целью тщеславие, то хотя бы делал то и в клети своей, будешь осужден. Бог наказывает или увенчивает намерение». (Толкования на Мф. 6:1.)

«Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улице, чтобы прославляли их люди».

«Лицемеры не имели труб, но Господь осмеивает здесь их намерение, так желали, чтобы об их милостыни трубили. Лицемеры – это те, которые по виду являются другими, чем каковы они в действительности. Так они кажутся милостивы-

ми, но в действительности иные». (Толкования на Мф. 6:2.)

И получается, что звезды, которые устраивают благотворительные аукционы, или люди, которые подают в суд на других и заявляют, что деньги им не нужны, они их отдадут в случае выигрыш на благотворительность, – лицемеры.

* * *

Зато Зигун кое-что стал понимать в том, кто такие ангелы и демоны.

«Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве небесном».

«Под малейшими заповедями понимает те, которые Он Сам намерен был дать, но не заповеди закона. Малейшими Он называет их в силу Своего смирения, чтобы и тебя научить быть скромным в учении.

Малейшим наречется в Царстве Небесном означает: в воскресении окажется последним и будет брошен в геенну, ибо он не войдет в Царство Небесное; нет, но под царством разумей здесь воскресенье». (Толкования на Мф. 5:19.)

Это и были люди в черном.

«А кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве небесном».

Это оказались ангелы.

«Сначала стоит сотворить, а потом научить, ибо как я буду руководить другими на пути, по которому я сам не ходил? С

другой стороны, если я делаю, но не учу, то я не буду иметь такой награды, но, может быть, понесу наказание, если не учу по зависти или лени». (Толкования на Мф. 5:19.)

Глава 4

Зигун с Егором решил зайти в кафе на первом этаже здания, где они обитали. В углу за столиком сидели Алёна с Кириухой.

– Вон наши, – сказал Зигун. – Идем к ним.

– Никакие они не наши. – Кажется, Егор тоже хотел привлечь внимание Алены, но не хотел переходить дорогу Кириллу.

– Да ладно, – похлопал Зигун Егора по плечу, – видно же, что она тебя нравится.

– Ну... нравится – и что?! – выпалил вдруг Егор.

Ух ты, подумал Зигун, как в точку попал. А он же ее сухой называл – и все равно она ему нравится.

– Да уж, тут все серьезно, – улыбнулся Зигун. – Браки со стервами самые крепкие.

В этот момент Алёна их увидела и помахала рукой:

– Идите к нам, мальчики.

Ага, подумал Зигун, значит, Кириуха ее не особо интересуется, если нас зовет. Интересная картинка складывается.

Присаживаясь за столик Алёны, Зигун кивнул в знак приветствия Кириллу, не протягивая руку, а тот не особо и ждал рукопожатий. Ну и хорошо, решил Зигун, не нужно будет

строить из себя белого и пушистого.

– Как дела, обживаешься? – обратилась к Зигуну Алёна, при этом окинув его томным взглядом. От Егора этот взгляд не ускользнул, и Зигун почувствовал беспокойство и ревность коллеги. Эта ситуация его даже позабавила, и он улыбнулся:

– Все нормально.

– Слышали, скоро большое мероприятие планируется? Что-то очень крупное. Всех будут собирать, – сказала Алёна

– Не-е-т... У нас никто не слышал.

Странно, подумал Зигун, откуда же она-то слышала. Не в какие комиссии не входит – и кто тогда мог сообщить ей эту информацию... Такие вопросы решались, по словам его товарищей, на самом верху.

Кирилл встал:

– Я пошел. – Он был явно чем-то расстроен – кажется, с Алёной у него не складывалось.

– Так, – сказал Зигун, – мне тоже пора бежать, дел невпро-ворот, – и вышел, благородно оставив Егора вдвоем с Алёной.

* * *

Работа шла своим чередом. Помимо того, что надо было оберегать Машеньку, приходилось участвовать в комиссиях. Примерно в таких, на заседании которой Зигун присутствовал в первый день. Считалось высшим классом нена-

роком собрать в одном месте как можно более приговоренных людей, чтобы облегчить исполнение приговоров им. За это исполнители получали заслуженные награды и похвалы. Самым же сложным в таких делах было не погубить людей без приговора – редко, но ошибки случались. И тогда, в лучших традициях государственной политической машины, создавались комиссии, выявлялись виновные, но реально это уже никак не влияло на исход дела. Поэтому ангелы людей, которые находились в зоне риска, должны были быть начеку, надо было посещать все эти комиссии и быть в курсе, где и как планируют исполнить приговор.

У Зигуна его подопечная обычно была дома, поэтому он слушал вполуха новости, думал о своей семье и о том, как они там без него. Как ни парадоксально, но Зигун хотел, чтобы его поскорее забыли и не переживали. При жизни все хотят оставить после себя какую-то память, но при этом никто не думает о том, что чем больше воспоминаний о себе оставляют, тем дольше воспоминания об ушедших тревожат души оставшихся. И нужна ли такая память – большой вопрос. Ведь так устроен мир, что одно поколение сменяет другое. И не должна смерть близкого человека переворачивать всю жизнь ныне живущих, вряд ли так задумывал Создатель.

В природе случается, что после гибели кого-то из пары животных оставшийся тоже умирает. Зачем страдать в таких случаях людям, Зигун не нашел ответа на это даже в Библии. Пока не нашел.

Еще Зигун понял, что почти все живут не так и не для того. И даже воспитывают детей не совсем правильно. Взрослые при этом считают себя всегда умнее детей и всегда правыми. И даже если они неправы, то продолжают настаивать на своей правоте. При этом дети такое чувствуют.

Однажды Зигун незаслуженно отругал сына. Но при этом он оправдывал себя совсем другим проступком ребенка, не имеющим прямого отношения к нынешнему. Тогда Зигун понял, что он неправ, и попросил прощения у сына. Тот же, как оказалось, очень ждал этих слов, и они немедленно помирились. Всему этому Зигун научился слишком поздно, как теперь понимал. И при этом не смог вспомнить, когда у него самого родители просили прощения.

Многие не имеют мужества признать ошибку и попросить прощения. Был у Зигуна один товарищ, который помогал ему в строительных делах. Знали они друг друга долго, с помощью товарища он много чего отремонтировал в доме. Это был неплохой человек, но однажды довольно сильно накосячил – и оправдывался тем, что его неправильно проинструктировали. И когда Зигун стал вспоминать все прежние косяки товарища, то оказалось, что тот ни разу не признал свои ошибки, не говоря уж о какой-то материальной компенсации за них, хотя ему-то как раз всё оплачивали исправно. И Зигун тогда понял, что признать ошибку и попросить прощения может только сильный человек.

Как-то тот же товарищ попросил у Зигуна денег в долг.

Ему подвернулась хорошая машина, нужно было срочно отдать за нее задаток. Зигун помог без проблем – он собирался строить дом, потому было договорено, что долг будет отработан на стройке к обоюдному удовлетворению. Но строительство никак не могли начать по разным причинам, и прошло так несколько лет. Кстати, все эти годы у заемщика было две машины – старую он так и не продал. Когда окончательно стало понятно, что стройка очередной раз переносится, Зигун попросил вернуть деньги. Первая реакция товарища обескуражила Зигуна:

– Мы же договорились, что я отдам долг работой.

– Верно, – ответил Зигун, – но работы, увы, нет, и неизвестно еще, когда она появится.

– Но отдача долга не входила в мои планы, сейчас денег нет, – пожал плечами должник.

При отсутствии большой стройки товарищ все же продолжал оказывать услуги Зигуну по мелочи в разных строительных надобностях. Потому Зигун предложил вычесть стоимость этой работы из долга – или продать машину. Товарищ согласился, деваться было некуда.

Сделано было не слишком много. Стоимость работы Зигун заранее не оговаривал, но надеялся, что подсчитано все будет по льготному тарифу – ведь он как-никак давний кредитор и заказчик. В итоге товарищ предоставил смету, изучив которую, Зигун изрядно удивился.

Оказалось, что посчитано по максимуму, к тому же в сме-

ту вошли уже оплаченные строительные работы – возведение гаража. Теперь же в смете стоял строка – «проект гаража». Оказалось, оплачена только стройка, а работу над проектом товарищ обсчитал только сейчас: там ведь надо было «рассчитать все нагрузки».

А еще товарищ умудрился включить в смету встречу, которую провел по просьбе Зигуна, но вместо часа из-за напрасной болтовни разговор тот растянулся на три часа.

– А это что? – спросил Зигун.

– Ну как же – это же мое потраченное время, оно тоже стоит денег, – удивил его товарищ.

– Ладно, – согласился Зигун. – Если так, давай тогда уж посчитаем минимальные банковские проценты за три года и приплюсуем их к долгу.

В итоге товарищ еще раз прислал письмо, где повторно рассказал, сколько он потратил бензина и времени. И провел взаиморасчеты на основе своих данных. По поводу же процентов, которые Зигун предложил включить в расчеты, товарищ написал: «А за деньги, которые ты мне дал, огромное тебе спасибо».

Глава 5

И вот настал день, точнее, ночь реализации катастрофы. Все были на месте и готовы начинать. Постарались по максимуму убрать из города невинных. Всех приговоренных загрузили днем по-полной – кого работой, кого бурным отме-

чанием, – чтобы крепче спали. В городе был один ночной клуб, там заранее устроили поломку электроэнергии, оставив работать бар, который закрывался в полночь. В итоге все перебрались туда и напились до упаду. Бармен тамошний оказался поразительно щедрым и порядочным, спиртного не разбавлял, всем наливал сверх меры – такое у него случилось настроение. Бедолага при этом не знал, что тоже в черных списках.

По расчетам специалистов, на затопление города должно было уйти около часа, если дамбу сильно прорвет. Всю неделю черные работали не покладая рук, «состаривая» металл и бетон.

Начало катастрофы назначили на три часа ночи, чтобы к четырем утра все закончить. Все ангелы были у кроватей своих подопечных. С людей из черного списка ангелов сняли и поставили там демонов.

В итоге демоны сработали четко, и в 3:00 дамбу прорвало, вода хлынула на город. Учитывая, что дамба на самом деле была старая, а служба ее контроля недобросовестно относилась к своим обязанностям, поток хлынул гораздо больший, чем ожидалось. Это могло усложнить задачу ангелам по предотвращению ненужных смертей, о чем их и предупредили.

Зигун был на пункте, куда оперативно стекалась информация: ему хотелось получить представление, как действовать в экстремальных ситуациях.

Итак, вода начала затапливать город. Людей из черного списка погрузили в крепкий сон, а счастливых из белого списка ангелы стали будить: у кого-то зазвонил будильник или не выключенный телефон, кому-то приснился кошмар, и он проснулся, на кого-то стала капать вода сверху от нерадивых соседей. Каждый ангел, конечно, хорошо знал, как именно разбудить своего подопечного. Сложнее было тем ангелам, где в одной семье оказались люди из двух списков, им приходилось работать в этом случае в паре с черными. Хоть ангелы и не дружили с черными, но сейчас у них было одно дело и общая цель: спасти людей из белого списка и не дать выжить попавшим в черный.

Работу МЧС в городе тем временем заблокировали после отключения связи. Спецмашины ни у кого не заводились, распоряжений от руководства не поступало, и спасатели не знали, что им делать.

Судя по сводкам, все шло более-менее по плану. Вода прибывала быстро, ангелы будили своих и уводили на верхние этажи.

Вдруг раздался крик одного из ангелов: его семья была вся целиком в белом списке, но их дом не выдержал, и его снес поток.

– Помогите, – кричал этот ангел, – я один не справлюсь!

– Чья семья?.. Кто ангелы? – заволновались в зале.

Назвали имена.

– Почему не проверили дом на устойчивость и не приняли

меры? – возмутился Николай Фёдорович.

– Мы не думали, что поток будет такой сильный, – послышалось в оправдание.

– Пусть отправят лодку в этот район. Там в конце улицы сужение, рядом вижу грузовик. Перегородите грузовиком проход. Пусть дом застрянет там. На какой вы улице? – Ему назвали улицу. – Разблокируйте МЧС в этом районе. Пусть сузят поток воды и получают звонок от потерпевших.

Ангелы, остававшиеся на подстраховке, исполнили все четко: дом застрял в узком проходе и не разрушился, семья уцелела на верхнем этаже. К этому времени прибыли спасатели на лодке и начали оказывать помощь.

Все облегченно вздохнули.

– Отделу контроля занести в журнал происшествие, – приказал начальник. Все поняли, что потом будет разбор полетов, и кому-то достанется, но сейчас было не до этого.

– В третьем квадрате в подвале тонет ребенок из белого списка, – доложили по громкой связи.

– Где его ангел, почему не работает?

– У ребенка сократили ангела по причине нехватки специалистов.

– Черт знает что! – вскипел начальник штаба. – Почему не поставили временного на период операции?! Кто поблизости? – Тут же кто-то отозвался, и Зигун понял, что это Егор. – Как у тебя? – спросил главный.

– Все хорошо, мои в целости и сохранности.

– Давай в третий квадрат, там ребенок в подвале.

– Вас понял.

– Дайте чертеж подвала, – продолжал отдавать приказанья начштаба. Ему быстро нашли чертеж. – Так... Внизу есть канализационная труба, она закрыта заслонкой. Открой заслонку для начала.

– Вас понял, – ответил Егор.

– Осмотрись. Что видишь?

– Большая коробка плавает в подвале.

– Что в коробке?

– Пенопласт упаковочный от телевизора.

– Отлично. Подтолкни его к ребенку.

– Сделано. Вода уходит.

– Где его родители? – спросил Николай Фёдорович, обращаясь уже ко всем.

– В черном списке... – раздался голос черного. Пожалуй, впервые за всю эту операцию Зигун услышал голос демона.

– Та-а-ак... Понятно... Кто рядом есть? Соседи, может?

– Никого нет. Они жили на окраине.

– Вижу собаку, – послышался голос Егора.

– Отлично. Пусти собаку к ребенку, пусть вытащит из подвала. МЧС есть поблизости?

– Едет неподалеку машина.

– У водителя есть ангел?

– Да, есть, я рядом, – отозвался ангел спасателя.

– Отлично, веди его к дому с ребенком.

– Сделано... Всё, мой увидел ребенка, всё хорошо...
Всем ощутимо полегчало.

Так продолжалось всю ночь.

В самый разгар операции в штаб зашла Алёна, покрутилась, посмотрела на мониторы и быстро ушла. Зигун решил посмотреть, что же она увидела на мониторах. Ничего особенного там не было – обычный район, жилые дома, дом престарелых и поликлиника. Ничего так и не поняв, он забыл об интересе Алёны к мониторам и вернулся к себе на место: наступал самый ответственный момент операции.

* * *

К утру все закончилось, и стали подводить итоги. Практически все из черного списка или утонули, или пропали без вести – черные сработали хорошо. Погибло тридцать два человека из белого списка.

– Как так получилось? – спросил руководитель штаба.

– У них не было ангелов... и все они были в одном месте, – как-то странно ответили ему и отключили микрофон.

Все это занесли в журнал – для будущего разбирательства.

Зигун подошел к уставшему оперативному дежурному, поинтересовавшись:

– А как так получилось, что тридцать два человека без ангелов?

– Так это дом престарелых, – вздохнул дежурный. – Не

смогли выбраться. А ангелов у них забрали по причине ненадобности: они никуда не ездят, риски минимальные. Как правило, с такими ничего не случается. Ангелов ведь не хватает, вот главный и издал указ – сократить. Все как обычно.

Дом престарелых... У Зигуна было чувство, что где-то он видел о нем упоминание, но так и не вспомнил, где именно, слишком тяжелый день у них всех выдался.

На командном пункте Зигун случайно познакомился с демоном. Тот закончил свою работу одним из первых. Ранее Егор говорил о нем как о лучшем работнике – среди демонов, конечно. Звали его довольно странно – Трезор. Видимо, при жизни он так нагрешил, что сейчас его поставили на такую работу. Было любопытно, но Зигун решил не расспрашивать собеседника о жизненных грехах, ведь демон тоже мог не знать, за что именно его приговорили.

Демон оказался интересным собеседником. Работал он уже давно, более десяти лет. Учитывая, что он был ненамного старше Зигуна, его приговорили в довольно юном возрасте. Он тщательно изучил Библию и Евангелие, четко знал свою работу и никогда не затягивал исполнением приговора – на это у него обычно уходило три дня. Работа у черных была тоже не сахар и состояла из своих нюансов, ведь смерть не может случиться просто так, каждый случай требовал проработки и подготовки. И чем лучше было подготовлено событие, тем быстрее росла квалификация черного.

Трезор как раз имел высшую квалификацию. Ведь это

только новички могли себе позволить глупые смерти – например, убедить дочку положить папе в чашку кофе крысинаго яда. Это, конечно, срабатывало, но было таким банальным.

Работа Трезора отличалась особой красотой. Он по-своему любил работу, делал всё с выдумкой и любовью. Зигун подумал, что это поразительное сочетание слов: убить с любовью.

Трезор рассказал о нескольких интересных случаях из его практики.

Как-то ему поступили документы на исполнение приговора в отношении одного человека. Он был разведчиком у себя в стране, при этом работал на вражескую разведку – был двойным агентом. Учитывая высокий профессионализм разведчика, к нему было очень тяжело подобраться: здоровье у него было отменное, он не пил, не курил, не заводил отношений, был крайне осторожным за рулем, не позволяя никаких опасных маневров. Красиво решить с ним вопрос никак не получалось, но однажды он написал два донесения: одно в свою разведку, другое в чужую. При этом информация там содержалась очень важная. Он запечатал донесения в специальные капсулы и отправил адресатам, и Трезору осталось только устроить так, чтобы курьер перепутал капсулы, а дальше мстительные спецслужбы сами сделали свое дело.

Или был еще один случай: пришли документы на человека, который всю жизнь пил, гулял, ездил за рулем пьяный и

не ценил жизнь. Но после того, как был выписан приговор, а делом занялся Трезор, все вдруг резко поменялось – непонятно почему. То ли отобранный перед приговором ангел напоследок дал ему знак, то ли приговоренный сам что-то почувствовал, но он перестал пить, садиться за руль, не вылезал из дома и никуда не выбирался. Он не занимался более чревоугодием, не позволял себе никаких излишеств, при этом здоровье у него было отменное. Жил он в своем доме, где нечему было сваливаться на голову или ломаться.

Трезор в итоге три дня ждал удобного момента – и это было самое долгое в его практике исполнение приговора. Но в итоге все получилось.

Было начало зимы, прислуга приговоренного отпросилась на выходной. Выпал первый снег, и Трезору осталось только подморозить снег на ступеньках. Его подопечный поскользнулся и ударился головой о перила. Помощь оказывать было некому, потому грешник медленно умер. В целом все получилось банально, но в той ситуации ничего более красивого Трезор придумать не смог.

Глава 6

Как и предполагалось, вскоре отдел по катастрофам и отдел по человеческому фактору объединили в один в целях оптимизации. Начальником поставили того протезе.

Стало, пожалуй, даже удобнее: любую катастрофу можно было оперативно устроить, опираясь на тот самый челове-

ческий фактор. А первым делом после объединения новому начальнику доверили организовать катастрофу круизного лайнера.

Во-первых, за это выступали экологи – этих лайнеров и всяких прогулочных судов столько развелось, что экологии стал наноситься значительный ущерб. Был расчет, что после катастрофы, как это у нас принято, начнут проверять все прогулочные суда и лайнеры. Может, тогда и наведут порядок, запретив выходить в море всякому старью. Во-вторых, именно это круизное судно прославилось своими, скажем так, свободными нравами. Люди там отдыхали на полную катушку – со спиртным и развратом до утра. А владелец судна был при этом настолько жаден, что решил сэкономить на ремонте и на страховке судна.

Ну а самой главной причиной будущей катастрофы было то, что, по данным отдела статистики, количество приговоренных на этом судне должно было достигнуть максимальной отметки за последнее время – около 80 % от общего числа. Последний пункт и сыграл решающую роль в принятии решения.

Собрали всех начальников ангелов и черных, работающих по этому району. Были подготовлены «белые» и «черные» списки – приговоренных и случайных посетителей. Надо было определиться с конкретной датой, местом и временем – от этого зависели судьбы других людей.

На заседании присутствовал новенький черный, которого

раньше Зигун не видел, его как раз закрепили за этим районом.

Обсуждение деталей будущей катастрофы и ее последствий затянулось, стороны никак не могли прийти к консенсусу. Вдруг слово взял тот самый новый черный:

– Я недавно приступил к своим обязанностям. У меня на территории есть мост через реку, по которой пройдет лайнер. Так вот... по этому мосту постоянно ездит автобус, который возит рабочих с ближайшей стройки, все эти рабочие воруют стройматериалы – и многим выписаны приговоры. Может, столкнуть автобус с моста в тот момент, когда судно будет проходить под ним, и автобус упадет прямо на судно? – предложил новичок, вызвав хохот в зале.

– Вам, молодой человек, только в Голливуде фильмы снимать! – давась от смеха, сказал седой старичок, который сидел за спиной новичка. – А что будет дальше? – не унимался он. – Автобус – он двенадцать метров длиной. А судно – все сто пятьдесят. Ну, допустим, упадет автобус на судно сверху... и что дальше? Только часть людей погибнет, а нам надо реализовать *все* приговоры. Вот если бы бензовоз опрокинулся, тогда еще можно было бы подумать...

– А у меня на территории и бензовоз есть. Давайте бензовоз! Правда, у водителя нет приговора, – черному так хотелось проявить себя в первом же деле, что он был готов на всё. Отсмеявшись, все снова принялись думать.

– Ну, пожалуй, самое правильное – дожидаться, когда суд-

но выйдет в море... – начал новый начальник совмещенного отдела. – Потом организуем шторм. Капитан перед этим расслабится, напьется – и судно наскочит на скалу, получит пробоину и быстро затонет. В шторм вероятность спасения невелика. В общем, все как обычно – классический вариант.

– У капитана, кстати, приговор есть? – услышался голос с задних рядов.

– Нет. У него нету, – признался начальник.

– И что мы с ним будем делать?

– Ничего... выживет.

– Это прекрасно. Но если он выживет, а после выяснят, что по его вине погибли люди, то ему уже земной приговор вынесут. И реальный срок. И что вы с этим делать будете?

– А давайте... он не будет пить, – не сдавался начальник. – Устроим шторм посильнее. Остановятся двигатели... лучше сразу все. Судно понесет на риф, и тогда уже капитана никто не попрекнет.

Зал одобрительно закивал:

– Да... Так лучше...

– Ну и отлично, хоть с этим решили! Значит, так... – осмелел начальник отдела, решив взять все в свои руки и организовать все «от» и «до». – Пробоина будет на правом борту. Поэтому ангелам, у которых нет на руках приговоров, организовать посадку своих подопечных на левый борт. У кого не получится, организуйте каюты спасаемых поближе к спасшлюпкам – авось выживут, – недобро буркнул он. – Это

уже будет ваша забота, решайте в ручном режиме на месте, как именно спасать... Далее... Отделу погоды – организовать шторм. Но только после выхода судна в море, иначе его не выпустят. Направление и силу ветра получите после изучения карты фарватера. Надо рассчитать так, чтобы судно напрямиком разбилось о скалы.

– Надо еще найти эти скалы... – послышался несмелый голос с галерки.

– Это само собой. Займутся всем этим в отделе исследований морского дна, – распорядился начальник. – Черным организовать поломки двигателей в условленное время. Идеально, конечно, было бы не допустить до поездки тех, у кого нет приговоров – нам меньше возни было бы. Так что ангелам принять все меры для этого. Рейс все-таки для взрослых, и будем надеяться, что у родителей хватит мозгов не брать детей в этот круиз.

– Все равно найдутся такие, – послышалось из зала.

– Все в ручном порядке решайте. В ручном, – весомо повторил начальник.

– Если шторм затянется – как будем спасать невинных людей? – снова задали вопрос из зала.

Встал пожилой старичок из отдела стихий:

– Можно организовать для них течение, которое унесет подальше от судна. А там мы уменьшим силу ветра, и их смогут подобрать спасатели.

– Красивое решение, – одобрил руководитель операции. –

Главное, – продолжил он, – судно должно полностью затонуть.

– Ну... это мы сделаем, – отозвался кто-то из черных.

– После того как судно затонет, проверяем, кто остался в живых. Течением отнесем их подальше в море – и пусть отдел по стихиям дальше с ними решает... Нет возражений? – Предложения поддержали единогласно. – Итак, в целом все всем понятно?.. Следующее совещание по данной катастрофе через неделю. Там уже будем принимать окончательные решения.

Зигун все внимательно записывал. Главное, чтобы отец Маши не купил путевки на этот круиз. За отца он, конечно, не отвечал, но если тот погибнет, дочка будет грустить. А если она будет грустить, будет плохо и Зигуну. Но чего сейчас об этом думать: будет день – будет и пища.

Глава 7

Маша росла, а Зигун тем временем мониторил свою жизнь год за годом. В детстве ничего особенного в его грехах или добрых поступках не нашлось. Хотя, если честно, подсознательно он всегда чувствовал, делая хорошее дело, что ему это где-то когда-то... зачтется. Откуда это у него взялось – непонятно, но такая уверенность была с самых ранних пор.

Еще Зигун решил вспомнить, когда ему могли помочь ангелы. Лет за десять до смерти одноклассник Зигуна позвал его сдать нормативы на сертификат по дайвингу в Египте. С

тех пор у них появилась возможность регулярно встречаться, хоть и жили они уже в разных городах и даже в разных странах. Теперь раз в год-два они бросали все дела и уезжали куда-нибудь понырять – и этот драйв был именно тем, что им так не хватало в обыденной жизни. Со временем у них подобралась классная компания дайверов, и Зигун соглашался на любые поездки, лишь бы встретиться со старыми друзьями. При этом, погружаясь раза по четыре за день, они получали отличную физическую нагрузку, забывая о делах на суше.

Дайвинг – довольно опасное занятие, требующее в первую очередь хладнокровия, так как большинство бед под водой происходит из-за паники. Если что-то после погружения пошло не по плану, ни в коем случае нельзя паниковать: море такого не прощает. Попадал и Зигун в такие ситуации, которые могли закончиться плачевно.

Один такой случай, впрочем, оказался не очень опасным. Зигуна с напарником выкинуло из глубины на поверхность. Опытные ныряльщики знают, что при резкой смене глубин можно получить серьезные баротравмы. С ними же все случилось в самом начале занятий по подводному плаванию, когда большого опыта у них еще не было.

Они тогда поднялись с большой глубины ближе к поверхности. При всплытии из баллонов необходимо периодически стравливать воздух, иначе ныряльщика может выкинуть на поверхность. Всплывать нужно медленно, а на глубине от трех до шести метров нужно еще «отвисеться», как гово-

рят дайверы, пройти декомпрессию. Побывать на этой глубине нужно время, которое показывает компьютер, который есть у каждого дайвера.

Они тогда всплывали, и в какой-то момент Зигуна чуть не унесло течение. Он схватился за скалу, при этом его ноги оказались выше головы. Клапаны для стравливания воздуха находятся сверху и снизу оборудования – специально для таких случаев. И когда Зигун стал нажимать кнопку на основном, «головном» клапане, воздуха там не оказалось. В позе вверх ногами Зигуну никак не удавалось отыскать другой клапан, и в этот момент камень, за который держался Зигун, отломился, и дайвера потянуло наверх. Напарник был рядом и схватил Зигуна, но не смог удержать его на глубине, в итоге они оба вылетели на поверхность. При этом напарник рисковал своей жизнью, подвергая себя опасности, и поступил очень мужественно.

– Что случилось? – первым делом на поверхности спросил напарник.

– Не смог сдуться, – ответил Зигун.

– А клапан тебе для чего дан?! – заорал товарищ. – Давай вниз! – и они снова ушли под воду – проходить декомпрессию.

Слава богу, на здоровье Зигуна и его друга тот случай не отразился – глубина была не очень большая.

А вот второй случай был более неприятный. Нырjali на Филиппинах в местах малоизученных, с местными гидами.

С Зигуном в этот раз был другой напарник. Погрузились они как обычно, довольно быстро ушли на двадцать метров вниз. Гиды предупреждали, что тут может быть небольшое течение, но опыта справиться с такими проблемами уже хватало, потому никто не тревожился. У каждого дайвера был свой аварийный буй, который надувался при всплытии, так что в случае чего – если унесет в море, например, – поиски упрощались. Но случилось то, с чем Зигун до того еще не сталкивался.

Группа плыла вдоль рифа, когда напарник на что-то засмотрелся и оказался от Зигуна на расстояние большем, чем было положено. Зигун же почувствовал, что его подхватило течение и начало уносить в открытое море – как говорят дайверы, в *синьку*. Зигун сначала пытался сопротивляться течению и вернуться к рифу. Но течение было настолько сильное, что дайвера все дальше уносило в море.

Зигун занервничал: одному оказаться в открытом океане – не самое приятное времяпрепровождение. Только тогда он пытался привлечь внимание напарника, но видимость была плохая, и стало понятно, что Зигуна никто уже не видит.

Главное было – не паниковать. Зигун проверил запасы воздуха – его было много, это немного успокоило. Он решил, что сейчас подвсплывет, отвисится на пятиметровой глубине, поднимется выше, выбросит аварийный буй – и его найдут. Но, посмотрев на компьютер, Зигун ужаснулся: за время борьбы с течением он с двадцати метров опустился до трид-

цати пяти метров. Глубже сорока метров Зигуну нельзя было нырять, сертификат не позволял, но дело было даже не в этом. В баллонах у Зигуна был простой воздух, а на нем глубже сорока пяти метров нельзя погружаться, поскольку наступает кислородное голодание, после – потеря сознания... и, собственно, все.

«Без паники! – успокаивал себя Зигун. – Сейчас продуюсь немного, поработаю ластами – и всплыву. Воздух есть, беспокоиться не о чем». Впрочем, беспокоиться было о чем: тридцать пять метров – это совсем не двадцать, долго находиться на такой глубине нельзя, иначе потом придется долго проходить декомпрессию, и вот тогда может не хватить воздуха.

Думая обо всем этом, Зигун нажал кнопку поддува воздухом жилета и стал работать ластами, пытаясь всплыть выше как можно быстрее. При этом его по-прежнему уносило течением в открытый океан с довольно большой скоростью.

Через несколько секунд дайвер бросил взгляд на компьютер – и когда увидел цифры, занервничал по-настоящему. Первой мыслью было: неужто это все?! Компьютер показывал сорок один метр глубины. Получается, что после надувания жилета и работы ластами вместо всплытия Зигун получил еще большее погружение.

Уже потом, на берегу ему объяснили, что он попал в нисходящее течение. Его не просто уносило в море, но еще и вводило на глубину. Такое редко, но случается, и теперь Зи-

гун испытал это на себе, понимая, что помощи ему ждать неоткуда. Но тогда он еще не знал ничего про ангелов...

Зигун отчаянно нажал на кнопку поддува жилета и продолжил усиленно работал ластами, пытаясь всплыть. И то ли законы физики, то ли помощь ангелов сделали свое дело: надутый воздухом жилет стал поднимать дайвера. При этом Зигун понимал, что если слишком сильно надуть жилет, то можно быстро вылететь с глубины сорока метров, и это... мгновенная смерть. И выходило, что, с одной стороны, нисходящее течение тянет его на глубину, где ждет смерть, а с другой стороны, надутый воздухом жилет, стремительно поднимая Зигуна с глубины, высвободит его из течения, и когда сопротивления уже не будет, с полностью надутым жилетом его выбросит на поверхность, где у него разорвет внутренние органы от перепада давления.

Течение его по-прежнему несло в океан; Зигун давил на кнопку поддува, работая ластами что есть мочи, и внимательно следил за компьютером на руке. Он сначала поднимался медленно, потом быстрее и быстрее. 38 метров... 35... 30... 25... В какой-то момент он понял – пора, и отчаянно нажал на кнопку травления воздуха, одновременно следя за глубиной. Он почувствовал, что течение уже не тянет его вниз, и теперь нужно стравливать воздух, чтобы его не выкинуло на поверхность.

Тем временем дисплей показывал двадцать метров, воздух был выпущен. Он перестал всплывать и теперь начал

медленно уходить ниже.

Кажется, пронесло, подумал Зигун. Он теперь уже спокойно слегка поддул жилет и поработал ластами – компьютер показал девятнадцать метров.

Теперь надо было постепенно всплывать, а то в этой борьбе он потратил слишком много воздуха. Зигун посмотрел на манометр – воздуха было еще достаточно на то, чтобы отвиться в декомпрессии и всплыть. Если бы все случившееся произошло в конце погружения, воздуха Зигуну точно не хватило бы на борьбу с течением и на безопасное всплытие. Для таких случаев и нужен напарник, который должен поделиться своим воздухом, но Зигун оказался один на один со стихией.

И уже после того, как Зигун оказался на глубине чуть выше двадцати метров, произошло нечто странное. Все это время Зигуна уносило в открытый океан, да еще и утягивало на глубину. Но теперь Зигун вдруг увидел перед собой риф, к которому он пытался приблизиться в начале заплыва. И какое же его было удивление, когда он заметил неподалеку свою группу. Тогда логичного объяснения событию Зигун не нашел, но теперь он понимал, что, видимо, поработали ангелы. Может, конечно, течение шло вокруг рифа, и Зигун сделал полный оборот. Или, например, помимо нисходящего течения выше оказалось прямо противоположное. И когда Зигун немного всплыл, его подхватило «возвратное» течение и вернуло к рифу. Так или иначе, он присоединился

к своей группе и поплыл дальше вместе со всеми, как будто ничего не произошло.

Для него это был, пожалуй, самый опасный момент за все время его погружений. Даже когда они однажды ныряли ночью, поднялся шторм, а за волнами их не мог найти катер, было не так страшно, поскольку в этот момент он был не один.

Теперь же на все эти события Зигун смотрел уже совсем по-другому.

* * *

Он снова вспомнил аварию, в которой погиб. Это сцена периодически возникала перед ним.

Он тогда медленно угасал, теряя сознание и при этом осознавая, что умирает. Описать это чувство практически невозможно, и лучше, наверное, умирать мгновенно. А когда это происходит... неторопливо, то приходит осознание того, что всё кончено. И то, что перед глазами умирающего якобы проходит вся его жизнь, – это бред: ничего перед глазами не проходит.

Он четко помнил все происходящее в момент аварии и после, все свои мысли, помнил все ощущения – как в замедленном кино. Последней мыслью перед аварией было: «Неужто это все?» Потом удар. Он четко видел, как сминаются капоты его и встречной машины. Он даже видел лицо того парня: он был гораздо моложе Зигуна. Может, если он был постар-

ше и поопытнее, то все сложилось бы иначе, и они избежали бы аварии. Но молодость и бестолковость сделали свое дело.

На лице парня было отчаяние и страх. И понимание неотвратимости столкновения.

Глава 8

Подготовка к катастрофе с морским лайнером шла полным ходом. Объем работы был огромный, надо было все учесть, особенно тщательно прорабатывали тему с теми, у кого не было приговора. Ближе к назначенной дате катастрофы совещания проходили все чаще. Событие приходилось на тот день, когда не приговоренных людей на корабле должно было быть меньше всего. Специальные ангелы строили масштабные планы и графики, исходя из планов их «подзащитных». Одним из них не позволяли продать билеты на нужную дату, других вынуждали уехать раньше.

На одном из совещаний подняли вопрос с побудкой. Невинных собирались разбудить и спасти, но они могли разбудить виновных. Что тогда делать?.. А еще найдутся приговоренные, которые не будут спать.

Снова раздали задания, и теперь ангел и демон готовили отчет о привычках, здоровье, образе жизни всех участников. В соответствии с этими отчетами строились планы – как поступить, если что-то пойдет не так.

То, что не все приговоренные погибнут, это было понятно. Главным было уберечь невинных. Поэтому каждый ан-

гел прорабатывал свою часть плана поминутно: кто, когда и что делает, какие варианты для критических случаев. Инструкции готовились практически на любой такой случай, ну или так было принято считать, ибо все не предусмотреть.

Зигун присутствовал на этих совещаниях без практической необходимости – просто набирался опыта, ибо каждому ангелу он мог пригодиться. Зигун был при этом уверен, что именно ему-то такое точно не пригодится, но, увы, если бы он знал, как ошибался.

«Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы с локоть?»

«Господь говорит: “Как бы ты не заботился, то ничего не сделаешь помимо воли Божией. Зачем же утруждаешь себя понапрасну?”». (Толкования на Мф. 6:27.)

Однажды, выйдя из зала, где проходило совещание, Зигун проходил мимо кабинета руководителя. Почему-то ему захотелось зайти, он робко постучался и приоткрыл дверь.

– О, легок на помине! – воскликнул Николай Фёдорович. За столом помимо него сидели двое ангелов. – Кстати, познакомься, – сказал шеф и кивнул в сторону ангелов: – Твои.

Твои?! У Зигуна застучало в голове: значит, их у него было двое! Двух ангелов просто так не давали одному человеку. И, тем не менее, ему вынесли приговор.

Все стало еще более запутанным. Он, конечно, мог спро-

силь у ангелов о причинах произошедшего, но они наверняка не знали, просто делали свое дело, а потом в один прекрасный момент получили уведомление о приговоре в канцелярии и передали его демонам. Демоны выбрали момент, нашли на дороге еще одного с приговором... – и всё, дело закрыли. Обычно реализация приговоров так и происходила. Но как бы хотелось Зигуну сейчас попасть теперь на Высший суд – может, там что-то прояснилось бы. Но такой расклад был невозможен.

Зигун всегда чувствовал, что иногда ему не просто везло, а кто-то будто вел его и предостерегал. Наверняка таких случаев было много, начиная с детства, но в силу возраста он им, конечно, не придавал значения.

Окончив школу, Зигун поступил в институт – и их тогда сразу отправили на картошку. Он уже возвращался мыслями к той поездке на картошку, познакомившись там с Кириллом, но теперь вспомнил совсем о другом.

На картошку везли тогда всех студентов. Нынешние студенты и не знают что это такое, а тогда весь институтский поток селили в пионерском лагере, каждое утро вывозили на картофельное поле, а вечером забирали обратно. Установлена была и такса, по которой у студентов покупали мешки картошки. При норме в пятьдесят мешков в день выходили – пока в теории – приличные деньги. Большинство из студентов были городскими, не очень понимающими, что это такое

– собирать картошку. И все эти белоручки, воодушевленными большими деньгами, ринулись в поле.

Хватило студентов ненадолго. Уже к обеду стало понятно, что план никто не сделает, вообще-то это ох какой нелегкий труд. Энтузиазм падал на глазах, потому самое большое количество мешков студенты собрали в первый день. На второй день собранный урожай сократился в два раза, а когда молодежь посчитала те копейки, что заплатят, если все продолжат так работать, желание трудиться совсем пропало.

Зато все последующие дни были почти сказкой. Студенты собирали для виду по два-три мешка, потом разжигали костер, пекли эту самую картошку, слушали группу «Кино», потому что других кассет не было. Ну и, разумеется, не обходилось без спиртного, вот только запасы, привезенные из дома, быстро закончились, и вот возникла проблема – что делать дальше.

На вопрос, у кого есть деньги, все промолчали, лишь Зигун по простоте душевной ответил, что у него что-то завалось, и вытащил из кармана все, что там было. Пара товарищей из группы, державшиеся вместе, переглянулись, и что-то в этом Зигуну не понравилось.

– Но это все, что у меня есть, – признался Зигун.

– Ничего, давай, – сказали ему, – потом по приезду скинемся.

– А сколько стоит водка? – не унимался Зигун, уже понимая, что дело нечистое.

– Как раз хватит.

За водкой надо было идти в деревню.

– Мы сходим, – сказала та странная парочка, с ними вы-
звалось пойти еще несколько человек.

Понимая, что на нем, видимо, хотят еще и заработать, Зи-
гун предложил:

– Тогда я с вами, только переоденусь, – и метнулся в ком-
нату переодеться.

Его не было буквально несколько минут, но когда он вы-
шел, парней уже и след простыл. Сам Зигун дороги не знал,
догнать приятелей не мог, потому расстроенный вернулся к
себе.

Прошел час. Потом другой. Потом еще... В итоге парни
вернулись. Оказалось, что их поймали деревенские, избили
и отобрали деньги.

Теперь же Зигун призадумался: неспроста ведь он не по-
шел с ними, мог тоже попасть в разборки, и значит, тут по-
работали ангелы.

И таких историй можно было вспомнить еще много.

*«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали, лю-
ди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и проро-
ки».*

«Показывает краткий путь к добродетели, ибо мы люди
и поэтому уже знаем должное. Если хочешь, чтобы благодетельствовали, благотвори; если хочешь чтобы любили враги,

любви и ты сам врагов. Ибо и закон Божий и пророки говорят то же, что повелевает нам и закон естественный». (Толкования на Мф. 7:12.)

Глава 9

Утром было очередное совещание, на нем составляли планы по реализации приговоров на ближайший квартал. Зигун слушал вполуха – приговоры его мало касались. При этом совещания нынче были сплошь однотипные: аварии, катастрофы, где-то землетрясения, наводнения, несчастные случаи – и остальные варианты исполнения приговоров.

– Семнадцатого октября на пятом шоссе на сто двенадцатом километре в четырнадцать ноль-пять бензовоз попадет в аварию с автобусом, – услышал Зигун. – Ангелам просьба быть внимательными, так как разлив бензина может быть неконтролируемым и привести к невинным жертвам. Просьба всем ангелам, у которых нет предписаний о назначении приговора на руках, оградить своих подопечных от поездок в этот район в это время.

Пятое шоссе... Это же где-то рядом с Машей, подумал Зигун, на секунду отвлекшись от своих мыслей, и снова погружился в них, решив, что поскольку Машенька никуда не ездит, то волноваться ему не о чем.

* * *

День начался не просто плохо, а очень плохо. Ночью в

небе столкнулись два самолета. В одном из них было много детей. Другой самолет был грузовой. Никаких операций при этом не планировалось, дежурным ангелом в ту ночь была Алёна, которую оставили одну, остальных отпустили отдыхать: какой смысл держать кучу ангелов в одном месте, если нет никаких операций.

Сразу после катастрофы были проведены оперативные мероприятия, взяты показания. Показания дежурного демона подтвердил Суркан. Показания Алёны подтвердил Егор. По его словам, он заходил на командный пункт и видел там Алёну – она была на месте. Больше никакой информации о причинах происшествия добыть не удалось, ну или кто-то ее аккуратно подчистил. Дело закрыли и списали все на человеческий фактор – мол, сами люди во всем виноваты, недосмотрели.

* * *

Зигун уже довольно хорошо изучил Библию и Евангелие, но ни на шаг не приблизился к разгадке причины своего приговора. Конечно, исходя из заповедей, чем старше он становился, тем больше за ним накапливалось грехов. Но это были не такие грехи, за которые могли приговорить к смерти, даже по совокупности, иначе тогда приговаривать пришлось бы каждого второго, успокаивал себя он. Он снова и снова возвращался мысленно в прошлое в надежде найти причину вынесения ему приговора.

Вспомнил он, как при поселении в общагу первым делом украл стол из столовой вместе с друзьями. Но что им было делать, если у них в комнате стола не было. Их было четверо первокурсников в пятнадцатиметровой примерно комнате. Они отправились тогда к кастелянше, маленькой, полненькой и всегда подвыпившей бабке. Они еще не знали, что к ней надо ходить с бутылкой, тогда она исполнит любое желание. В ответ она им сказала, что столов нет, идите лесом. Они и пошли – через дорогу в институтскую столовую.

Руководил набегом Зигун. Стол стоял в коридоре на третьем этаже. Одного парня, звали его Максимом, Зигун поставил этажом выше на шухер. Второго, Рому, этажом ниже. Рома был натуральным «ботаником» – по крайней мере, выглядел он именно так. Ходил он в толстых очках и выглядел совсем не спортивно, чистый ботан – похоже, в детстве у него были проблемы со здоровьем. За столом же отправились Зигун с Саньком, самым здоровым из них, кэмээс по лыжам. У Санька кулаки были – как голова Зигуна, да и плечи в два раза шире. Зигун был при этом самым щуплым и низеньким из них. Трое соседей Зигуна были земляками, из одного города, а он – из совсем другого.

Зигун с Саньком и понесли стол. Спокойно и не торопясь спустили его на первый этаж, перенесли через дорогу и зашли с ним в свою общагу. Оторопевшая кастелянша ничего им не сказала, и они стали затаскивать стол к себе на пятый этаж. Это было не так просто, но они справились.

Кстати, в соседней комнате жил земляк Зигуна – и у него не было шкафа для одежды. Но шкаф был в соседней общаге, в комнате, куда еще никого не заселили. Шкаф был огромным, пришлось выносить его ночью, чтобы никто не увидел, ведь общага – это не столовка. Хохотали они всю дорогу, но это были цветочки. Ягодки случились, когда студенты, наконец, занесли шкаф в свою общагу, а он не пролез по ширине на лестнице. В итоге полуразобранный шкаф всё же впихнули в комнату, после чего старшекурсники смотрели на дружок Зигуна как на ненормальных.

Вспоминая то время, Зигун удивлялся, что все проблемы они тогда решали быстро и просто. Поселившись с тремя физически крепкими ребятами (кроме Ромы разве что) из одного города в одной комнате, он опасался, что ему от них достанется. Но перед заселением познакомился с пятикурсником, звали его Алан, который оказался земляком Зигуна, да еще и боксером. Тот спросил, все ли у Зигуна нормально, и в итоге за главного в комнате стал Зигун. Жили они при этом мирно, но посуду каждый вечер беспрекословно мыл Рома.

Как-то друзья решили подшутить над Ромой: чего это он такой самый правильный и ходит на все пары. Все остальные учились как придется, на первую пару вообще не ходили, поскольку вставать рано никому не хотелось. Рома же вставал раньше всех, сборами своими будил соседей, хотя старался не шуметь. И вот в один прекрасный вечер его решили

проучить. У Ромы был большой будильник, который каждое утро его будил. Были еще наручные часы у Ромы, других часов в комнате не было.

После того как Рома лег спать, соседи перевели его наручные часы на час вперед вместе с будильником. И вот утром зазвенел будильник – на час раньше, разумеется. Рома пошел на кухню, попил чаю, оделся и ушел. Через полчаса он вернулся, когда все уже проснулись, и рассказал, что когда пришел в институт, тот оказался закрыт. Постучался – вышел заспанный охранник, не понимающий в чем дело. Охранник спросил Рому, куда он приперся. Как куда – учиться... Тогда он послал Рому трехэтажным матом за то, что ходят тут всякие ни свет ни заря, учиться-мучиться мечтают раньше времени.

Ржали в итоге над Ромой всей общагой еще долго.

Так начиналась студенческая жизнь Зигуна. Но вряд ли за кражу стола накидали ему много черных шариков, ведь они тогда ничего не украли, просто взяли институтскую мебель и перенесли ее в институтскую же общагу.

Изучая Библию, многих заповедей Зигун не понимал. Точнее, их невозможно применять в обычной жизни. Тем более, если ты студент.

«А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

«Злым Господь называет здесь дьявола, который действу-

ет посредством человека. Итак, разве дьяволу не должно противостоять? Да, должно, только не ударом со своей стороны, но терпением, ибо огонь угашают не огнем, а водою. Но не думай, что здесь идет речь только об ударе в щеку, но и о всяком другом ударе, и о всякой вообще обиде». (Толкования на Мф. 5:39.)

Как это – соблюдать и воспитывать на этом детей – Зигун не понимал. Ведь в зрелом возрасте, наверное, такое более доходчиво. Но если сказать ребенку, мальчику, что если тебя будут бить, то ты, милый, не сопротивляйся и подставь другую щеку, – что он должен был подумать?.. Зигун учил сына другому: если видишь, что драка неизбежна, а ты прав, то бей первым. Интересно, и сколько же черных шариков насыпали за это Зигуну...

Много, конечно, было за все эти годы и плохого, и хорошего. Хотя, признаться, действительно что-то значимое хорошее Зигуну вспомнить не удавалось. Но, может, это и правильно, ведь не должен человек запоминать свои хорошие дела: сделал хорошее дело – и забыл, пошел дальше.

В итоге же Зигун так и не мог понять причину того, почему он находится здесь, на небесах.

Глава 10

Тем временем Зигун вернулся к своей основной работе. Он целыми днями был со своей подопечной Машенькой, сдувая с нее каждую пылинку. Он понимал, что, кажется,

перебарщивает, и ребенок должен падать и плюхаться, получать синяки и ссадины, но ничего не мог с собой поделаться, всегда и везде подстраховывал.

Был выходной, и отец Маши решил выехать на природу с дочкой, в загородный зоопарк. Погода была чудесной, чему был рад и Зигун, решивший проветриться. Папа сел за руль, няню усадил рядом на переднее сиденье, Машу пристроили сзади в детском кресле. Было около часа дня.

Отец забил нужный адрес в навигатор:

– Так... приедем через час-двадцать, поедем по пятому шоссе.

Номер шоссе что-то напомнил Зигуну, но что именно – он не мог вспомнить.

Ехали весело. Дорога была сухой, машин было не слишком много, все было в порядке. Они проделали уже большую часть пути, когда машина заехала на заправку.

– Кому куда надо? – весело спросил глава семейства.

– Нет. Мы в машине посидим, – ответила няня.

– Сейчас заправимся – и поедем.

Пока стояли на заправке, мимо них проехало несколько машин в сопровождении черных, а потом и автобус с ними. Черные явно готовились к серьезной работе, и где-то должна была случиться беда.

Зигун посмотрел на часы – было 13:50, 17 октября. Только теперь он все вспомнил: сегодня авария на пятом шоссе, 112-й километр, в 14:05, бензовоз с автобусом – их преду-

преждали.

Папа Маши уже оплатил бензин и сел в машину. Сейчас он догонит автобус... и может случиться все что угодно. Как же Зигун мог забыть про этот день, почему не записывал ничего на совещании!..

Он лихорадочно думал, что же можно сделать. До аварии оставалось меньше пятнадцати минут. Точно определить, в каком месте в это время окажется машина с Машей, Зигун не мог: слишком мало данных.

Пока он думал, машина тронулась. Автобус с черными умчался куда-то далеко от них. Может, не догоним, надеюсь Зигун.

Часы показывали 14:01, автобуса впереди не было видно. Маша тем временем пожаловалась, что ей надоело ехать, и ее папа чуть прибавил хода. В 14:03 Зигун увидел автобус, машина догоняла его так стремительно, что рядом они могли оказаться уже через несколько минут. Зигун торопливо придумывал, что же делать, ведь повлиять он мог только на Машу.

Вдруг Маша резко заплакала. При этом плач быстро перерос в крик. Няня пыталась успокоить ребенка, но у нее ничего не получалось. Она распеленала девочку.

– Нам нужно поменять подгузник, – обратилась няня к отцу Машеньки. – Остановитесь, пожалуйста.

Маша еще громче заплакала.

Было 14:04.

– Ну ладно, – папа остановился на обочине, съехав с трассы, и не успела няня достать девочку из ее кресла, как впереди, метрах в трехстах, послышался сначала скрип тормозов, а после громкий треск, за которым последовал столб огня. Зарево окрасило все небо, и жар чуть опалил даже машину семейства – настолько сильный оказался пожар.

Только сейчас, кажется, папа Маши понял, что в этом месиве должны были оказаться они. Поняла это и няня.

Няня быстро поменяла подгузник, и они молча сели в машину. Они до конца еще не могли осознать, что было бы, если бы не остановились.

Неподалеку уже начала образовываться пробка. Люди выбегали из машин в надежде помочь пострадавшим, но в этом огне никого уже было не спасти, поэтому оставалось только смотреть на ужасный пожар. Большинство же достали телефоны и снимали происходящее.

Глава 11

У демонов был свой этаж, и ангелы обычно туда не поднимались. Но иногда возникали общие вопросы, особенно при подготовке к крупным мероприятиям, тогда могли кого-то из ангелов послать к черным с документами.

Зигуна вызвал НФ и дал поручение срочно передать документы черным, самому Суркану. Когда Зигун входил в кабинет, Николай Фёдорович разговаривал по телефону:

– Да, только что принято решение по авиационной ката-

строфе. Готовьте материалы, – сказал Николай Фёдорович в трубку и нажал кнопку селектора. – Вот конверт, отнеси его Суркану. Это срочно.

Зигун отправился на этаж к черным. Где находится кабинет Суркана, он не знал, потому брел вдоль коридора и разыскивал нужную табличку. Лишь в самом конце коридора обнаружилась дверь с табличкой «Суркан».

Зигун робко постучал. Ответа не последовало, и он вошел. Это оказалась приемная. Секретаря не было на месте. Зигун подошел к кабинету, где висела еще одна табличка с именем Суркана. Он немного нервничал, поскольку помнил, как Суркан на него посмотрел, когда он случайно подслушал разговор.

Зигун постучал и быстро открыл дверь – пожалуй, слишком быстро. У окна стояли Суркан с Алёной. И находились они как-то уж очень близко друг к другу, при этом рука Алёны выскользнула из руки Суркана при появлении гостя.

– Я... – Зигун замешкался. – Вот документы! – в итоге выпалил он.

– Это по катастрофе? Сколько же можно их ждать! – возмутилась Алёна.

– Я не знаю, что это за документы, – признался Зигун.

Алёна поняла, что сболтнула лишнее: о принятом решении мало кто знал – только НФ и Суркан. И получается, что Суркан уже поделился этим с Алёной. Хотя после сцены у окна Зигун уже ничему бы не удивился.

– Спасибо. Можете идти, – резко сказал Суркан. На этот раз его взгляд нес прямую угрозу.

Зигун быстро вышел. Он догадался, что Суркан все понял. Лишь вернувшись на свой этаж, Зигун немного успокоился: что, собственно, ему может сделать Суркан? При большом желании, конечно, сможет, но это будет непросто, при этом придется посвящать кого-то еще в это мщение, что непросто.

Происшествие несколько выбило из колеи Зигуна, и ему нужно было время спокойно все обдумать. В любом случае – что случилось, то случилось, ничего уже не исправить.

Глава 12

Машенька росла не по дням, а по часам. Стали случаться мелкие проблемы. То пчела залетит, и Зигуну пришлось гоняться за ней полдня. То Маша крутиться начнет на пеленальном столике. Няня справлялась, но приходилось все время ее подстраховывать. Отец по выходным возил дочь в парк, и уж там Зигун страховал по полной, а пока они ехали – следил за дорогой, за другими ангелами и черными, которые могли случайно сработать против семейства. По этой причине Зигун все реже появлялся на совещаниях, и это сыграло с ним злую шутку.

Вскоре отец Машеньки отправил няню вместе с дочкой в Испанию – отдохнуть и погреться на солнышке. Сам он поехать не смог, и последние дни были заняты приготовлением

к поездке. Няня очень переживала, но держалась молодцом.

И вот настал день отъезда.

В аэропорт Зигун со своей подопечной приехали впритык. Няня нервничала, но он не вмешивался: они, по его подсчетам, вполне успевали. Но как только все вошли в зал аэропорта, Зигун сразу понял: что-то не то, сам еще не понимая, что ему не понравилось.

Няня с Машенькой быстро прошли досмотр и отправились к стойке регистрации. Зигун посмотрел на часы: до окончания регистрации оставалось десять минут, успевают. Он огляделся – и только сейчас сообразил, что его смутило: вокруг было слишком много демонов. Обычно ангелов вокруг всегда хватало, но черных встречалось не так много, зато сейчас аэропорт буквально ими кишел.

Внезапно в углу аэропорта он увидел начальника отдела катастроф – и теперь до конца все понял. Вот что значит не ходить на совещания! Надо было срочно выяснить, что же тут намечается.

По громкой связи объявили, что регистрация на рейс в Барселону заканчивается. Няня нервно смотрела на часы.

Вдруг Зигун увидел рядом Егора.

– Егор, что тут готовится? – быстро спросил Зигун, не здоровавшись.

– А ты не знаешь? Самолет, отправляющийся в Барселону, должен упасть после взлета.

– Как? Что случится?!

– Птицы попадут в оба двигателя.

У Зигуна все внутри похолодело.

Егор удивился.

– А что случилось? – спросил он.

Зигун кивнул в сторону Машеньки:

– Они летят в Барселону... – убитым голосом сказал он.

– Так что же ты стоишь – делай что-нибудь! – закричал

Егор.

– Что? Что я могу сделать? – растерялся Зигун.

– Не пусти их на рейс!

Зигун собрался – некогда было паниковать. До окончания регистрации оставалось пять минут. Перед ними было пять человек, на каждого уйдет по минуте. Получается, надо кого-то задержать...

Зигун немедленно занялся сотрудниками аэропорта, у каждого из которых образовались внезапные проблемы: у кого-то закончилась бумага, у кого-то завис компьютер. В результате очередь замерла. Это было хорошо, но стоек регистрации было слишком много, и Зигун просто не успевал заняться всеми ими. Можно было попробовать разом вырубить все компы, но тогда бы поднялся шум, и регистрацию продлили бы для всех.

Вдруг откуда ни возьмись появился молодой сотрудник аэропорта со словами:

– Кто опаздывает на рейс Москва – Барселона?

– Мы! – закричала няня и ринулась сквозь очередь.

– Проходите на пятую стоечку, – сказал сотрудник.

Зигун тоже кинулся к пятой стойке. Там все было приготовлено и заправлено, все работало. На стойке регистрации так быстро все оформили, что он не успел ничего сделать. Сотрудница, посмотрев документы няни и девочки, даже не спросила визы и нотариальное согласие – понимала, что клиенты опаздывают.

Оставались еще таможня и досмотр, но что же можно устроить там?..

Зигун метнулся к стойкам таможни. Надо было найти самого неудовлетворенного жизнью таможенника... Есть! Молодая и красивая, старший прапорщик, но така-а-ая недовольная: все ей было не так. Даже и мужчины у нее не было очень давно – все потому что никто ее не устраивал: кто лысый, кто бедный, не угодишь. И сегодня она была особенно злой.

Няня отправилась к стойке, где было меньше всего народу.

«Машенька, давай помогай!» – взмолился про себя Зигун.

Вдруг Маша начала капризничать и плакать, а пока няня замешкалась, к стойке подошли люди. Тем временем очередь в окошко, куда хотел отправить своих Зигун, уменьшилась.

– Билеты, посадочный, – сухо сказала товарищ старший прапорщик. Няня подала документы. – А родители где? – недовольно спросила таможенница.

– Нету родителей, – резко ответила няня, беспокоившаяся

за то, что времени на посадку не хватит. – Вы что, не видите, я же вам положила нотариальное согласие родителей! – она была уверена, что с документами все в порядке, но не учла придирчивость людей в форме.

– Это все документы? – строго переспросила таможенница.

– Конечно, все. А что вам еще надо? Вот загранпаспорт ребенка, – няня уже начала жалеть, что начала с грубостей.

– Свидетельство о рождении ребенка... – медленно сказала неудовлетворенная дама.

– Какое свидетельство, если у ребенка есть свой загранпаспорт?! – няня, уверенная в своей правоте, снова начала повышать голос.

– Вы тут не кричите на меня! Пройдите в крайнее окошко, там старший смены, он пусть решает.

– Мы же опаздываем на рейс! – взмолилась няня уже без прежней уверенности.

Но не зря Зигун выбрал «правильного» сотрудника. Товарищ прапорщик решила оторваться по-полной, и положение налаживалось. Теперь была надежда на старшего смены, чтобы тот не пустил пассажиров на рейс. К старшему при этом не было никакой очереди, и няня быстро объяснила ему ситуацию. Заменить старшего или повлиять на него у Зигуна уже не оставалось времени. Тот же оказался хорошим человеком, с детьми и любимой женой, потому отказать милым людям не мог, даже нарушив инструкции. Если бы он только

знал, что, делая добро, обрекает семью... Молча выслушав няню и посмотрев документы, он быстро поставил штампы:

– Проходите.

«Все! – обреченно подумал Зигун. – Есть еще досмотр, но что там можно сделать? Сломать рентген установку? Но их много...» Зигун обреченно смотрел, как няня с Машенькой быстро прошли досмотр и отправились на посадку.

– Посадка на рейс Москва – Барселона закрыта, – объявили по громкой связи.

Пока ехал автобус, Зигун лихорадочно размышлял. Что бы он сейчас ни сделал, это скажется на всей операции. Можно было представить, сколько и как тщательно она готовилась. Он снова пожалел, что перестал ходить на нудные совещания. Конечно, вся эта ситуация обсуждалась, и его семье достаточно просто поменять билеты на другой рейс: просто при покупке на данный рейс не оказалось бы в тот момент билетов, только и всего. Но он этого не сделал, ибо был не в курсе.

Это было проблемой ангела. Нельзя было подойти сейчас к начальнику отдела и сказать ему: мол, извините, я не знал, давайте отменим операцию. Тот даже слушать не будет – это Зигун прекрасно понимал.

Все пассажиры зашли в самолет. Зигун смотрел на их лица и понимал, что через несколько минут никого не останется в живых. Все они были в приподнятом настроении, отправляясь на отдых за границу.

Сколько же тут детей, подумал Зигун, а их то за что? Куда же смотрят их ангелы?.. А он-то чем лучше, куда смотрел сам...

Он понимал, что невозможно все так устроить, чтобы самолет упал и лишь двое выжили, это было просто нереально. Да и не факт, что у него вообще получится хоть как-то помешать, ведь практически за каждым пассажирским креслом стоит черный, да и за пилотами наверняка стоят они. И даже если у Зигуна что-то получится, то после его лишат чина ангела, переведут в демоны... или вообще отправят в ад. А ад – это просто пустота. Вечная пустота. Сначала огонь, муки. А потом – пустота.

Ну что же, пустота так пустота! Он сделал ошибку – и ему за нее отвечать, твердо решил Зигун.

Он зашел в кабину пилотов. Оба пилота показались ему слишком молодыми – вряд ли у них хватит опыта спасти самолет. Еще в кабине был один черный. Он явно не понимал, что Зигун тут делает, но ему было не слишком интересно, поскольку операция была согласована на самом верху.

Если сломать сейчас самолет, будет только хуже: руководство узнает, в чем дело, Зигуна отсюда заберут, самолет починят или заменят – и операцию все же продолжат. Оставался еще вариант спасти самолет от катастрофы. Но как?..

Егор говорил про птиц. Если не пропустить птиц к самолету, а это Зигун смог бы устроить, то черные оперативно сообразят какую-нибудь поломку, так или иначе решив во-

прос. Так что с птицами – увы, не вариант. Эх, если бы Зигун присутствовал на подготовке всех катастроф, может, чему-нибудь и научился...

– Разрешите взлет... – запросил командир.

– Взлет разрешаю, – донеслось из динамика. – В конце взлетно-посадочной полосы были замечены птицы.

– Может, задержим вылет? – предложил второй пилот.

Тут черный напрягся и подошел к командиру корабля, что-то ему прошептал.

– Все нормально. Прорвемся! – весело ответил командир.

Да уж, так просто решить вопрос не получится...

– Бортпроводникам приготовиться к взлету и занять свои места, – прозвучало в самолете.

Обороты двигателя стали расти. Лайнер резко сорвался с места и стал набирать скорость. В штабе были свои специалисты по авиакатастрофам – там знали, что организовать поломку лучше после взлета, иначе рейс задержат.

– Скорость сто пятьдесят... сто восемьдесят... двести... – докладывал второй пилот. Скорость продолжала расти.

– Отрыв.

– Есть отрыв... Взлетаем, – отчитался второй пилот.

– Убрать шасси.

На приборах начали моргать лампочки.

– Отказ двигателя... Правого.

– Птицы, командир! – вскрикнул второй пилот.

На приборах все заморгало. Черный при этом стоял за ко-

мандиrom и контролировал ситуацию.

– Правый двигатель не работает, – снова доложил второй пилот.

– Дотянем на одном, – сказал командир сквозь зубы. Похоже, спокойным он был только снаружи. – Земля, разрешите аварийную посадку. Возвращаемся назад. Нештатная ситуация.

– Посадку разрешаю, – донеслось из динамиков.

– Левый отключился! – закричал второй пилот. – Что делать будем?

– Сажать! – моментально отозвался командир.

Демону это не понравилось: что-то у них пошло не по плану. Скорее всего, птицы попали в двигатель слишком поздно, и у капитана появилось время на принятие решения.

Демон опять наклонился к командиру и что-то прошептал. После этого командир будто завис на долю секунды, и с этого момента все пошло не по инструкции. Командир теперь сконцентрировался почему-то лишь на одной задаче – как завести двигателя. Высота тем временем падала, но командир не выпускал шасси и не готовился к посадке, как было положено по той же инструкции.

Славно работает демон, подумал Зигун. И когда тот опять наклонился к командиру, Зигун схватил черного сзади за голову и сильно ударил о металлическую стойку. Демон медленно осел.

Шасси было выпускать уже поздно, земля стремительно

приближалась. Зигун склонился ко второму пилоту.

– Шасси поздно, – сказал тот.

– Да, согласен. Шасси не выпускаем, – сказал командир. – Попробуем на брюхо.

Второй пилот хотел оповестить бортпроводников, чтобы они приготовились к жесткой посадке, но передумал, прекрасно понимая, что и без того сейчас творится в салоне самолета.

Только сейчас Зигун обратил внимание на тишину вокруг. Огромный самолет приближался к земле на скорости почти в тишине. Из салона самолета тоже ничего не было слышно за закрытой дверью.

– Закрылки, следи за закрывками! – крикнул командир. – Ровнее, ровнее... Садимся как можно более плавно...

– Что происходит? – раздался голос из центра управления операцией. – Кто ответственный в кабине пилота?

Демон лежал без сознания.

Самолет коснулся земли и после глухого удара заскользил по высокой кукурузе. Она сыграла роль амортизаторов, и самолет более-менее прополз по полю на брюхе, вскоре остановившись.

Второй пилот включил рацию:

– Экипажу приготовиться к экстренной эвакуации... Диспетчер, нам нужна скорые и спасательные бригады.

– Открыть люки и спустить надувные трапы.

– Сколько у вас пострадавших? – спросил диспетчер.

– Не отвлекайте, идет эвакуация, – последовал ответ пилота.

– Что происходит? – снова загремел голос начальника отдела катастроф.

Молчать Зигуну не было смысла: так или иначе, все уже кончено.

– Операция сорвалась. Демон лежит без сознания, – доложил Зигун.

В эфире повисла мертвая тишина. Больше никаких звуков не было слышно. Похоже, что все, кто был задействован в операции, были в шоке.

«Ну что, дорогой, – сказал себе Зигун, – даже тут ты смог отличиться».

Он в последний раз посмотрел на Машеньку – и вспомнил свою дочь. Как же ему будет не хватать детей... и как же мало он сделал для них при жизни. А теперь умудрился на небесах потерять и вторую дочь. Видимо, правильно ему тогда вынесли приговор – плохим он был отцом. Жаль, что так и не узнал причину вынесения, хотя сейчас это уже не важно.

Он несколько не жалел о том, что спас самолет: ничего, демоны поработают с каждым своим подопечным индивидуально. А его самого ждут вечные мучения в аду и пустота.

Глава 13

Зигуна заперли в карцере, отлучив от работы и от всех дел. Тут он и ждал суда. Шуму, конечно, было много. Но

одновременно заговорили и о подолгу не решаемых проблемах в организации. Много критиковали устаревшую систему оповещения, да и вообще всю работу. Говорили о необходимости цифровизации и введении электронного документооборота. Затронули и тему нехватки сотрудников. В общем, поступок Зигуна стал катализатором обсуждения проблем, копившихся годами, и доставшихся «из нашего прошлого», как любил говаривать заместитель Самого Главного.

За то недолгое время, что провел тут Зигун, он убедился, что на всех совещаниях говорится одно и то же: мол, нам нужен рывок, раскачиваться нет времени, ну и все такое. Рывки срабатывали только у демонов – и все у них работало как часы, потому что не было проблем с кадрами. При этом там все были преданы работе и довольны ею, демонами было удобнее всего управлять, и черных холили и лелеяли.

Но что же мешало сделать рывок по другим направлениям – непонятно. Были только разговоры про то, что времени на раскачку нет, а все наши нынешние проблемы – это, мол, наследие прошлого. Да если бы не это прошлое, у вас бы ничего не было – ни настоящего, ни будущего!

На одной из встреч с ангелами тот самый зам Самого Главного на жалобу ангелов о том, что на всех людей ангелов не хватает, поэтому растет смертность, ответил так:

– Ангелов нет, но вы держитесь.

Как держаться? За что же держаться, если наверху говорят о необходимости увеличении продолжительности жиз-

ни, а после тут же случается сокращение ангелов. Ангел ведь – он врач души, а на Земле и без того со здравоохранением просто беда. И складывалось ощущение, что человечество целенаправленно уничтожают через уничтожение здравоохранения. Сначала сократили фельдшерско-акушерские пункты в маленьких селеньях и «лишних» врачей по всей стране в госмедицине. Они пошли в коммерческие клиники, а часть врачей и вовсе вообще ушли из профессии. А после случилось протрезвление у власть имущих: не хватает нужных многопрофильных медицинских центров, не хватает врачей... А кто их всех сократил? Кто за это ответил или хотя бы признал ошибку?.. Нет таких.

Ранее Зигун думал, что виноват в провале здравоохранения руководитель этого направления у ангелов. Потом же понял, что тот ни при чем, ибо вообще ничего не решает. Он просто сидит себе, берет весь негатив на себя и исполняет чужую волю. Зато его начальники всем довольны.

Самое интересное тут случалось раз в году, когда каждый имел право обратиться напрямую к руководству и попросить у него чего-нибудь нужное. И если на тебя обратят внимание, то все возьмут на контроль. А то, что подобная проблема у других таких же бедолаг, так это никого не волнует – достаточно помочь тебе, что бы все видели отзывчивость начальства.

А пока что шло бурное обсуждение, что делать с Зигу-

ном, а еще – что делать, чтобы подобное больше не повторилось. Довольно скоро по второму вопросу приняли программу модернизации и внедрения цифровых технологий. Но ситуация с Зигуном оставалась неясной. С одной стороны, его однозначно следовало отправить в ад. С другой стороны, очень многие старшие товарищи за спиной хвалили его. Только на всех совещаниях они или молчали, или говорили то, что надо. Никто не готов был открыто сказать, что нынешняя система прогнила. А если бы и нашелся такой смельчак, то наверх все равно эта информация не дошла бы. С большинством таких смельчаков пытаются сначала как-то договориться, и происходит это по-разному: кому-то дают должность повыше, кому-то привилегии. Если проблема поменьше, то могут просто улучшить условия пребывания. А что, человек слабое существо – чего ему идти против системы, если система лояльна к нему. И получается, что лояльных надо кормить за счет нелояльных, но терпимых, или тех, кому вообще ничего не надо и кто не задает лишних вопросов. И если кто-то из нелояльных начинает задавать вопросы, то сначала ему предлагают продемонстрировать лояльность. Если человек не соглашается, то тогда его сначала предупреждают, а если и это не помогает, то тогда отправляют в места не столь отдаленные. Могут отправить в карцер или, в крайнем случае, сфабриковать дело и отправить в ад.

По сути же тут все как на Земле, в России. За два последних десятка лет правления в стране число лояльных, ко-

торые получают относительно неплохую зарплату, выросло в разы. Только при этом эффективность работы падает, и содержание этого огромного количества лояльных начинает обходиться недешево. Вот поэтому и приходится постоянно сокращать расходы на здравоохранение, образование, экономику, чтобы прокормить лояльных. Вся беда в том, что со временем лояльные хотят еще больше, а нелояльные, видя все это, начинают задумываться, почему у них доходы все меньше.

Таким образом, недалек тот час, когда система не сможет обеспечить всех лояльных, а нелояльные не захотят больше молча смотреть, как остальные жируют.

В таких раздумьях Зигун проводил все свои дни. Зато теперь у него было много свободного времени, и он мог посвятить его поиску причин своего приговора. После того как он узнал, что у него было аж два ангела, произошедшее с ним стало восприниматься иначе.

Только теперь он понял истинное значение одного случая. Дело было зимой, уже после окончания института. Зигун ехал по третьему кольцу в своей машине мимо ипподрома. Был мороз, стекла в «Жигулях» заиндевели. Он посмотрел в зеркало заднего вида – и обомлел: на заднем стекле мороз вывел узор в виде двух ангелов. Зигун смотрел как замороженный, чуть не въехав в переднюю машину. Отвлёкся на миг, а когда посмотрел еще раз в зеркало – видение пропало.

В институте было тоже много странных случаев – и хоро-

ших и плохих, и зачастую непонятных.

Был у него товарищ, земляк, звали его Дэн. Они вместе учились у репетитора-математика перед поступлением в институт. Учил репетитор реально хорошо, но и неплохие деньги драл за это с родителей. Но речь не об этом. Зигун и Дэн поступили в разные московские институты. Начали учиться, потом освоились и стали подрабатывать. Зигун чаще работал грузчиком или курьером. Дэн освоился, как оказалось, гораздо лучше, но, как это бывает, когда человеку хорошо, зачем этим с кем-то делиться. Хотя лично Зигун придерживался другой точки зрения. Есть такая пословица – друг познается в беде. А Зигун считал, что друг познается в радости. Ведь если у друга беда, то положение друга тебя просто обязывает ему помочь. И ты помогаешь, потому что вы друзья и так положено, и если не поможешь, то ты не друг. Но истинный друг – это тот, кто искренне порадует за тебя, если ты нашел на улице миллион долларов. Много ли вокруг нас людей, кому мы позвоним, если выиграем миллион в лотерею? Родственники разве что. Может, еще одному-двум знакомым, да и то не факт. Если же не разрезвонили всем на свете о той находке в первый момент, то вскоре и этот список сократится. А пройдет день – и сообщить о событии захочется только истинному другу, если таковой есть.

Вот и у Дэна все было хорошо, но он ни с кем не делился своими успехами. И однажды он вдруг постучал в дверь комнаты в общежитии Зигуна, не ожидавшего его увидеть.

После формальных приветствий Дэн перешел к делу, рассказав о своем палаточном бизнесе. Такие палатки во множестве стояли у каждой станции метро. Продавали там все что угодно, могли и валюту поменять. При этом никаких лицензий на торговлю не требовалось в те лихие девяностые.

Так вот, у Дэна была палатка на паях с партнером. Партнер вложил деньги, а Дэн осуществлял, как теперь это называется, оперативное управление: занимался закупками и контролировал продавцов. Теперь партнер почему-то решил выйти из дела и забирал свои деньги. А Дэн, получается, терял работу. Для продолжения деятельности палатки требовалась тысяча долларов – деньги существенные по тем временам. Доход обещался в \$600 в месяц, за два месяца вложенные деньги должны были вернуться. Зигуну в дальнейшем он обещал половину от доходов. Собственно, такие же условия были у него с партнером.

Состояние у товарища было возбужденное и разочарованное: перед визитом к Зигуну он побывал в нескольких местах, где ему отказали. И если он в срочном порядке не решит вопрос, то лишится дохода в триста долларов в месяц. Тогда, между прочим, средняя зарплата обычных служащих была около ста долларов, а для студента триста долларов в месяц при неполном рабочем дне были просто сказкой.

У Зигуна, естественно, таких денег не было.

– Ты сможешь достать? Сначала вытащим тысячу долларов, а потом будем зашибать по триста баксов ежемесячно –

я лично их буду привозить тебе, – упавшим голосом сказал Дэн без всякой надежды.

Зигун к тому времени научился всегда отвечать за свои слова и никогда никого не подводить, если обещал. Об этом знали все его приятели в общаге, в том числе начинающие бизнесмены-челночники, летавшие в Китай и Турцию за шмотками.

– Тебе нужна тысяча долларов на два месяца? И потом мы будем получать по триста баксов в месяц – я правильно понял? – спросил Зигун.

– Да, – глаза у приятеля засверкали. – Я эту тысячу даже раньше верну!

– Хорошо, – сказал Зигун и вышел из комнаты.

Отправился он к тому самому земляку-боксеру, к Алану. Разговор был короткий:

– Мне нужна тысяча долларов. На два месяца, – коротко проинформировал Зигун.

Алан слегка опешил, потом достал бумажник и отсчитал тысячу стодолларовыми купюрами.

– Спасибо, – сказал Зигун и вышел.

Дождавшемуся приятелю он, вернувшись, молча протянул деньги:

– Возьми.

– Как это? – Дэн просто обалдел. – Как ты смог?

– Какая разница... – ответил Зигун.

– И ты смог вот так вот запросто найти деньги?

– Ну ты же просил. Это же для дела. Но через два месяца надо вернуть.

Дэн не верил глазам своим.

– И без процентов?! – не унимался он.

– И без процентов. Мы же через два месяца вернем? – спросил Зигун.

– Да, конечно, вернем, о чем речь, – заверил приятель. Ему явно что-то не давало покоя. Наверное, то, с какой легкостью Зигун нашел деньги. Получается, человек за пять минут устроил себе ежемесячный заработок в триста долларов.

Далее разговор принял еще более интересный оборот.

– Слушай, – проямлил товарищ, – если ты так просто нашел деньги... может, просто дашь их мне на два месяца? Просто там работы много, прибыль нестабильная... А я тебе точно верну через два месяца, ну и никаких проблем, – предложил Дэн.

Зигун смотрел на него, не зная, что и сказать. Час назад тот был загнан в угол, был в унынии и не знал, что же делать. Зигун был уверен, если бы он предложил деньги под десять процентов в месяц, товарищ бы с радостью согласился бы на такие условия. Но когда чудным образом его проблема решилась, то и отношение к ней сразу изменилось: зачем платить выручившему, раз ему так легко достаются деньги.

Зигуну нечего было ему сказать. В те время он еще не читал Библию и не знал строк про просящего, но поступил так, как ему подсказала совесть.

– Конечно, – сказал Зигун, – бери.

«Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся».

«Враг ли, друг ли или неверный просит у тебя денег или другой помощи. В займы же, – говорит, – не с ростом, но просто для пользы ближнего, ибо и во время закона давали займы без процентов». (Толкования на Мф. 5:42.)

В карцере Зигун часто думал о том, как проявляется благодарность людей, как они становятся чуть наглее, получив помощь. Есть проблема – мечтаешь ее решить хоть как-то. Как только ты ее решил, начинаешь думать: если все разрешилось так просто, было бы неплохо улучшить результат.

И еще одно: при появлении проблемы мы готовы отдать все за выход из тупика. И когда появляется тот, кто проблеме и впрямь решает, да еще и без всяких условий, мы готовы подарить ему что угодно: машину, дом, дачу, миллион. Чуть поостыв, через время мы понимаем, что квартира – это слишком, а вот машина – она в самый раз. Отдам свою ласточку, а себе потом заработаю и куплю лучше. Через пару дней, вспомнив о желании отблагодарить, мы понимаем, что достаточно и дорогого коньяка. А узнав в магазине, что таковой стоит под сотню тысяч рублей, решаем обойтись банальным Hennessy XO.

Таким образом, чем больше времени проходит с того мо-

мента, как мы решаем отблагодарить человека, тем дешевле подарок.

Глава 14

Спустя всего пару лет история с деньгами и с товарищем, которому дал Зигун займы, повторилась. Только теперь Зигуну пришлось выручать Алана. Тогда товарища пришлось не просто выручать, но еще и отрабатывать за него. Как известно, Зигун смог добыть деньги у Алана из общаги для Дэна. При этом ничего не заработал, но остался должен за широкий жест Алана, который дал ему денег. Это нигде и никогда не оговаривалось, но имелось в виду. Все были хоть и молодые, но, как говорится, с понятиями. И вот настал момент, когда Зигуну пришлось возвращать этот долг, на котором он даже не заработал.

Алан, который так легко ему дал деньги займы, так же легко умудрился спустить все оставшееся. Теперь Алан сам одалживал у других – до тех пор, пока не перестал возвращать деньги. С работой у него не ладилось, с женой дело шло к разводу. Все это видели, понимали и помогали поначалу как могли, но только до поры. И тут ему подвернулось одно дельце, для которого требовалось столько же, сколько он дал займы Зигуну – тысяча долларов. И Алан попросил эту тысячу у Зигуна, прекрасно понимавшего, что ему помогли в свое время, а теперь должен помочь и он сам.

Денег у него не было, но он их смог найти под десять про-

центов в месяц: такие были времена. Передавая эту тысячу, Зигун сообщил все условия их возвращения своему другу.

– Не вопрос, – ответил тот, – вернем через месяц с процентами.

И деньги ушли в неизвестном направлении вместе с Аланом. При этом каждый месяц на них капали проценты. Алан на связь не выходил, и Зигун стал думать, как возвращать эти деньги. Узнав о ситуации, его кредиторы благородно попросили вернуть им хотя бы тело долга, без процентов. Но и их надо было Зигуну как-то найти.

Нет худа без добра. Однажды вечером Зигун зашел в гости к соседям. Там сидели ребята и в буквальном смысле «делили Москву»: они устроились в частное охранное предприятие и теперь распределяли между собой районы для охраны. В те годы все ЧОПы были или бандитскими, или ментовскими. Этот ЧОП был не просто бандитский, а еще и самый отмороженный, охранявший клубы игровых автоматов. И теперь чоповцам предложили охранять школы.

К моменту прихода Зигуна все нормальные центральные районы уже разобрали, и ему предложили взять Юго-Восточный округ, самый бедный район Москвы. Но делать было нечего, и уже через три месяца весь долг был закрыт деньгами, полученными за работу в охранном предприятии.

Когда Зигун отдавал последние \$100, кредиторы вдруг вспомнили про проценты. Зигун молча достал новый костюм, который висел у него в шкафу, и снял с себя золотую

цепочку:

– Вот ваши проценты. Деньги я все отдал, больше ничего нет.

Вещи у него забрали, не возразив ни слова.

После решения проблемы с долгами Зигун стал относиться к жизни иначе: он решил, что работать нужно на себя. Через какое-то время, подкопив денег, он организовал собственный ЧОП. На первый взгляд, этот шаг выглядел не просто нелепым, но даже бредовым. Учитывая, что Зигун, вчерашний выпускник московского вуза, не имел вообще никакого отношения ни к бандитам, ни к ментам. Но у него уже была наработанная база клиентов, и он был уверен, что справится.

Над названием долго не думал (спасибо, пожалуй, ангелам), оно вскоре и спасло ему жизнь.

* * *

Зигун встал с кушетки и посмотрел в маленькое окошко с решеткой. Интересно, подумал он, есть ли ангелы у ангелов? А может, тут тоже есть смерть и последующая квазижизнь? Может, за ним сейчас наблюдают его ангелы, решая, что с Зигуном делать?..

Это же как сон во сне. Может ли ему сниться такой сон? Видимо, нет.

А пока Зигун вспомнил про случай, когда чуть не лишился жизни, но, видимо, его ангелы были начеку и хорошо по-

работали.

Как-то ЧОП, где работал Зигун, взял под охрану детский садик. А охранник утром напился, сел в свои старенькие «Жигули» – и тут же разбил шестисотый «мерседес», стоявший неподалеку. Хозяин мерса оказался не из простых – в то время все на шестисотых были непростые. И разбираться с этим случаем пришлось Зигуну, потому что объект был его. Все, что он знал, – это то, что ДТП произошло в десять утра.

На разборки приехали пятеро «быков»-кавказцев, все с мобильниками – против пейджера Зигуна.

Разговор начался тяжело.

– Ваш охранник разбил нашу машину, – начал владелец мерса.

– Это не наш охранник, – парировал Зигун.

– Как это не ваш?

– Дэтэпэ было в десять часов, а в девять утра был подписан приказ о его увольнении.

Это немного смутило «быков».

– А вы вообще кто такие? Как называетесь?

– «Альтаир», – признался обреченно Зигун, понимая, что сейчас выяснится, что за ними никто не стоит, ни братва, ни менты. И тогда будет два варианта: или его поставят на деньги, которых у него нет, или просто закопают.

– Это те, что Петровско-Разумовский рынок охраняют, – пояснил главному «быку» его коллега.

– А чего это вы и детсады стали охранять? – удивился

старший.

– Нам разрешили, мы и охраняем. Лишние деньги никому не помешают, – Зигун понял, что есть шанс на спасение.

– Тоже верно... – промычал старший.

– Ну что, звонить своим? – осмелел Зигун, показывая на свой пейджер. Выглядело это нелепо, потому что пейджер только принимал сообщения. Но это был ход ва-банк: звонить было просто некому, и его бы после выяснения всего точно бы закопали.

С другой стороны, по понятиям Зигун не был неправым, ведь охранник нес ответственность сам за себя. И если назначить реальную стрелку, то в представлении его контрагентов могли приехать бандиты покруче, которые поставили бы на деньги самих «быков».

Пауза затянулась, главный раздумывал. Зигун пытался ничем не выдать свое нервное состояние.

– Не надо никому звонить, – сказал старший.

Зигун выдохнул.

– Ладно, – сказал он, – я тогда поехал.

Он внешне неторопливо сел в свою машину и уехал, сам боясь продолжения разговора.

Так название фирмы сыграло важную роль, запутав недругов – и кто-то ведь посоветовал так ее назвать...

Глава 15

Зигун продолжал томиться в карцере: видимо, судебная

система на небесах не сильно отличалась от земной. И это напрягало Зигуна: больше всего он боялся, что и тут в суде меньше всего смотрят на букву закона, и учитывая резонанс его поступка, дело будет вполне себе политическим.

Только мысли о Машеньке отвлекали его от тоскливых размышлений. Прошло уже пять лет с того момента, как Зигун оказался на небесах и стал работать ангелом Машеньки. Она выросла и стала еще милее, чем была. Только теперь у Зигуна появились другие заботы. Машенька прыгала и скакала везде, и надо было быть постоянно начеку. Весь мир крутился вокруг нее. Няня девочки оберегала ее и старалась предугадать любое желание. Зигуну это не всегда нравилось, и он переживал, как это скажется в будущем на воспитании ребенка. А пока, если Маша спала, все в доме должны были ходить на цыпочках; если она ела, то никто не должен был отвлекать от процедуры.

С едой тоже было непросто. Утро начиналось примерно так:

– Что будешь кушать Машенька? Омлет хочешь? А может, кашу или яичницу.

Маша выбирала, к примеру, кашу. Папе при этом подавали яичницу, все садились за стол – и тут начиналось:

– Я кашу не хочу, хочу как у папы – яичницу!

И снова все начинали вертеться вокруг Маши, только бы ребенок поел.

Семья была обеспеченная, дело было не в выброшенной

еде, но такое отношение Зигуну не нравилось. К сожалению, он не мог ничего сделать, в его задачи входило только обеспечение безопасности.

На первом месте в семье был ребенок, и постоянно идя на поводу у девочки, няня ей оказывала медвежью услугу. Маше в пять лет постоянно приходилось принимать решения: что она хочет надеть, что съесть и выпить, надо ли ей это вообще или нет. И постепенно она поняла, что мир и вправду крутится вокруг нее. Поняв, что она на первом месте, папу она отодвинула на второе, и никакого уважения к старшим у нее не было заложено в воспитании. Отца это беспокоило, но он ничего не мог с этим поделать – из-за большой любви к дочери и подсознательной вины за отсутствие у нее мамы.

Вопросы воспитания не входили в компетенцию Зигуна, и он практически не вмешивался в процесс, лишь изредка позволяя себе некоторые вольности. Когда Машенька выезжала на отдых с отцом, он ей давал свой планшет или смартфон, чтобы отвлечь чем-то. Так родители вместо того, что просто поговорить или поиграть со своими детьми, спихивают с себя ответственность, позволяя захватить внимание ребенка электронике. У Маши был правильный папа, но и он иногда вручал ей планшет, чтобы не отвлекала его. Тут и приходилось вмешиваться Зигуну, устраивая гаджету проблемы в виде севшего аккумулятора. Хотя и тогда отцу удавалось провести ангела, прихватив запасной аккумулятор или мобильную зарядку.

Сейчас Зигун тосковал от мысли о том, что, наверное, больше не увидит Машеньку. Кого теперь ей дадут вместо него, если Зигуна уберут, да и дадут ли вообще?.. Кто это будет и как он справится с обязанностями?.. Эти вопросы не давали покоя Зигуну.

Скоро уже должны были назначить дату суда, а он так и не продвинулся в понимании причин вынесения ему приговора и того, почему оказался на небесах.

Глава 16

В поисках причин приговора Зигун задумался о том, как отношения с близкими людьми влияют на получение белых и черных шариков.

Случается ведь так, что братья и сестры становятся чужими людьми. А иногда не просто чужими, но и враждующими между собой. Где истоки этого, почему так происходит – ошибки воспитания, наследственность, влияние окружения?..

В *той* жизни у Зигуна был брат. Старший брат. Если задать вопрос, какие это были отношения, то, наверное, самый мягкий ответ звучал бы так: оставляли желать быть лучше.

Зигун долго размышлял над тем, почему так произошло и в какой момент все пошло не так. Но четко так и не смог сам себе ответить. Он прекрасно понимал, что, видимо, что-то пошло не так еще в детстве. Зигун был младшим, и его, естественно, больше баловали и больше заботились о нем. Ви-

димо, детская ревность брата переросла во что-то большее и нехорошее. По крайней мере, всю свою взрослую жизнь братья прожили как-то отстраненно друг от друга. И даже если пришло какое-то понимание, что жизнь не вечна, а близких людей не так и много, то все равно сложившийся уклад не давал им сблизиться. Зигун это все понимал, переживал и ничего не мог с этим поделать. Редкие встречи, редкие звонки – это все, что у них осталось. А для раскаяния было уже поздно – для Зигуна-то уж точно.

В детстве братьям дарят разные игрушки, и у одного из них игрушка непременно будет лучше, а у другого – хуже, по мнению их самих, конечно. И начинается «дай мне – не дам». А есть еще фактор появления младшего брата или сестры в семье, когда раньше все было «мое», а теперь надо делиться – и вниманием, и игрушками.

Родители могли бы говорить, что это ваше, общее, играйте вместе, играйте по очереди. Но этого не происходит.

Главная беда государства в части семейных отношений – отсутствие какой-либо стратегии популяризации семьи и правильных отношений в ней. Может, в этом и есть главная причина катастрофической статистики разводов. Никто толком не знает, как вести себя с детьми, как их воспитывать, как приучать к труду, внушать уважение к родителям и старшим, даже что такое любовь к родине. Раньше этим занимались педагоги в детских садах и школах, теперь у них такой задачи нет. Им нынче главное, чтобы дети поставили галоч-

ку в нужной клеточке на экзаменах ЕГЭ. От этого зависит оценка деятельности преподавателя. А то, что за этими галочками стоят детские неокрепшие души, об этом мало кто задумывается. По телевизору постоянно говорят о каких-то достижениях, только при этом никто не говорит, что Россия занимает ведущие позиции в мире по самоубийствам, в том числе среди подростков. Уже одного этот факта достаточно для постановки отрицательной оценки действующей власти. Но народ у нас слепой и глухой – или делает вид, что все хорошо. На чьей совести все эти смерти? Видимо на совести действующей власти, на совести тех, кто голосует за эту власть, и на совести тех, кто с равнодушием и молчаливо наблюдает за этим со стороны, оправдывая себя: а что я могу сделать, от меня ничего не зависит.

Совесьть – слово, которое потеряло свое значение. Пожалуй, это главное достижение за последние двадцать лет.

«А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду».

«Пророки, намереваясь изложить пророчество, заявляли: „Это говорит Господь“; Христос же, показывая Свою божественную власть, говорит: „Я говорю“. То были рабы, а Он Сын и имеет все, что принадлежит Отцу. Тот, кто гневается на брата своего напрасно, будет осужден, но если кто гневается по разумным основаниям, в целях воспитания или по духовной ревности, тот не будет осужден. И Павел гневные

слова говорит Елиме-волхву и первосвященнику, но не напрасно, а в силу ревности. Напрасно гневаемся мы в том случае, если гневаемся из-за мнения или славы». (Толкования на Мф. 5:22.)

Причины разводов у нас много кто изучает, только толку мало, нет и статистики смертности из-за натянутых отношений в семье. Но в первой тройке смертность от инсультов. Причины инсультов – в том числе психологическое состояние, то есть переживания, нервы. А нервничают люди чаще всего из-за проблем в семье – в широком смысле, конечно. И решать демографические вопросы, получается, нужно комплексно, не только лекарствами.

У страны, где нет государственной политики развития семьи, нет будущего.

«Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнить, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда придя и прinesi дар твой».

«Бог пренебрегает собственной честью, лишь бы мы любили друг друга. К словам „если брат твой имеет что-нибудь против тебя“ не прибавил ничего другого: справедливо ли или несправедливо имеет он, примиришься. Он не сказал «если ты имеешь против него», но говорил: „если имеет что-либо

против тебя, постарайся примирить его с собою“. Повелевает же оставить дар для того, что бы у тебя была необходимость к примирению: пожелав принести дар твой, ты по необходимости должен примириться. Вместе с этим показывает, что любовь есть и истинная жертва». (Толкования на Мф. 5:23.)

Глава 17

Однажды в карцер к Зигуну пришел Егор, и наконец-то они смогли спокойно поговорить.

– Как Маша? – в первую очередь поинтересовался Зигун.

– Все хорошо. Я специально заглянул к ним – живут своей жизнью.

– Ну и дай бог... – кивнул Зигун.

– А ты как вообще сюда попал? – спросил Егор. – Не в карцер, это я знаю, а сюда, наверх.

Зигун удивился, что они толком об этом и не говорили никогда. Как это похоже на его земную жизнь: постоянно куда-то бежать, а о самом важном не поговорить, постоянно откладывая такой разговор.

– Авария автомобильная, – ответил Зигун.

– Самое банальное, что они могут придумать. Видать, твой исполнитель особо не задумывался.

– Так чего думать – я погонять любил, – признался Зигун. – Так что это самое простое и логичное.

– Понятно... Чего же так неаккуратно?

– Вообще-то у меня за весь стаж только одна была серьез-

ная авария. И то не я был виноват.

– Видимо, твои ангелы сработали, если жив остался.

– Да. Еще бы доля секунды – и меня бы не было.

– А как это случилось? – спросил Егор. – Ну та, где выжил.

– Это еще когда я был совсем молодой, со стажем вождения около трех лет. Самый опасный стаж, кстати, когда думаешь, что все можешь, но опыта толком еще нет. У меня тогда была «восьмерка». Обалденная машина, экспортный вариант, сине-голубой металлик с европанелью. Только-только она вышла, не гремела, как бывает на обычных «Жигулях», прорезиненная была. Машина реально была очень хорошая. И вот как-то утром выезжаю я из дома по делам, стою на светофоре в правом ряду. Подъезжает какой-то перец слева – и чем-то он мне не понравился. Видимо, я ему тоже. Ну и ждем зеленого – кто стартанет быстрее. Мне же надо было быть везде первым... Стартанули нормально, он стал уходить быстрее. И вдруг я замечаю краем глаза, что он резко тормозит. И если бы у меня было опыта побольше и мозгов тоже, то я должен был бы подумать, что неспроста это, и мне тоже надо так. Но нет, мне же надо было вперед... А там оказалось, что слева на красный вылетел таксист, торопился клиента отвезти на старой «шестерке». И дальше все было как в замедленном кино: я четко вижу, как таксист выскакивает слева, видит, что я еду ему прямо в бок... Хорошо, что он в последний момент немного отвернул руль, и удар пришелся в левое крыло. В итоге сила удара ушла по касатель-

ной, он улетел на обочину встречи. Хорошо, что никого не задел, а моя машина развернулась на месте на сто восемьдесят градусов... В момент удара почему-то запомнилось, как уходила педаль сцепления из-под ноги. Я ее давил в момент удара, а она ушла вперед... Ну а после ко мне подскочили выбежавшие водители, спросили, живой ли. Я был в шоке в тот момент, но поняли, что живой, что все хорошо... Тому гонщику тоже повезло: ни царапины. И у меня ни царапины. Но самое интересное началось потом. Страховки тогда не было, и ключевым моментом для разбора аварии было определить то, кто же виноват. Все люди видели, как он выехал на красный. Но, как в том анекдоте, были нюансы. Они заключались в том, что мне было около двадцати, и я, воспитанный на советских фильмах про милицию, почему-то был уверен, что сейчас приедет милиция и во всем разберется. Виновник же был в возрасте и прожженным бомбилкой. Видимо, он сразу, как сейчас принято говорить, решил вопрос с сотрудником ГАИ на месте. Иначе таксисту бы пришлось оплачивать мне ремонт, а поскольку машина восстановлению не подлежала, то пришлось бы покупать мне машину. И попадать на деньги таксисту совсем не хотелось. Я сразу почувствовал, что гаишник не особо стремится объективно составить протокол. А когда бомбила заявил, что ехал на зеленый, то я понял, что все плохо. Рядом стояла женщина, которая все видела. Я спросил ее, видела ли она, на какой сигнал светофора ехал таксист. Сказала, что на красный. Спросил, даст ли она по-

казания, та согласилась. Я подошел к гаишнику и попросил его внести в протокол показания свидетеля. Тот отказался, сказал, что не нужно. В итоге женщина мне дала свои координаты, чтобы обратиться к ней, если понадобится... Я был на сто процентов уверен в своей правоте и убежден, что разберутся по совести. В итоге «разобрались», присудив обоюдку и решив, что никто никому ничего не должен... Я по наивности написал жалобу и протест, но там, похоже, занесли всем. В итоге я остался без машины, зато живой и уже с опытом общения с гаишниками. После той аварии за последующие двадцать лет ни одной аварии у меня не было. Видимо, ангелы хорошо работали. До момента вынесения мне приговора, конечно.

– А как произошла та авария, которая после приговора? – Егор пересел со стула на кровать.

– Да ничего особенного, – начал рассказывать Зигун. – Ехал с дачи, спешил. Я всегда старался выезжать, когда меньше пробок. Это было утро субботы, когда все ехали на дачу. Большую часть пути уже проехал, но тут позвонила жена с вопросом, где ее ключи. У нас все ключи лежат... лежали в одном месте на полочке. У каждого члена семьи была своя связка. Отличались они количеством ключей и брелочками. Видимо, в тот день я перепутал ключи и случайно взял не свою связку... Ну и вот, было прекрасное настроение, торопился домой, ну и дорога позволяла – скорость была под сто шестьдесят или поболее. И вот раздается звонок. Я

взял трубку: в одной руке был телефон, другой держал руль. Сказал жене, что мог и прихватить ее ключи. Лезть в карман, чтобы посмотреть, какие с собой ключи, на такой скорости как-то не очень хотелось. А жена говорит: «Я же просила не брать мои ключи!» – и мое прекрасное настроение куда-то улетучилось. И часто, спрашиваю, я брал твои ключи. Не помню, говорит, вроде только один раз. Я тем временем уже взвинченный был – и стоило же из-за одного раза звонить мне в дороге и наезжать. Пообещал, что сейчас приеду и верну – и бросил трубку. А настроение уже никакое, злущий был, а злость – плохой попутчик, да еще и на большой скорости. Ехал я по Липкинскому шоссе – эта дорога идет параллельно МКАД и считается Мытищинским районом, хотя до Москвы тут несколько сотен метров. Дорога имела две полосы. Еду, передо мной фура, навстречу шла еще одна. Теперь я злился уже на них: тут же знаки везде висят – грузовым проезд запрещен. Что ж у нас за порядки такие, которые никто не соблюдает! Втопил я газ – и пошел на обгон. Наверное, такой же шумахер ехал за фурой, которая шла мне навстречу. В итоге получилось так, что мы стали обгонять свои фуры одновременно... ну и, конечно, все наши расчеты пошли не по плану. Летели мы лоб в лоб друг другу, затормозить и уходить обратно на свою полосу я не успевал, он тоже. Машина у меня была мощная, мне уже ничего не оставалось, кроме как завершить маневр и обогнать свой грузовик, чтобы вернуться на свою полосу. И я все же

смог обогнать грузовик и вернулся на полосу! Только теперь из-за того, что пришлось втопить полный газ, моя машина оказалась гораздо ближе к встречной машине, которая тоже отчаянно пыталась обогнать свой грузовик. И обогнала бы, если бы я не был вынужден сильно прибавить скорость. Ситуация патовая: сзади летел грузовик, и если резко затормозить, он влетел бы в меня. А дальше все произошло моментально: удар лоб в лоб не оставил никому шансов, не спасли даже подушки безопасности. А я еще и не был пристегнут... Моя машина перевернулась на бок после удара. Я лежал на боку, зажатый. Подбежали люди, но перевернуть тяжелый джип не смогли, меня вытащить тоже не получилось. Самое удивительное – все это время я был в сознании, все видел и слышал, только еле шевелил руками. Телефон оказался при этом прямо перед моим лицом, и по WhatsApp пришло сообщение от старшего сына: «Мне деньги нужны на подарок. На день рождения к другу иду. Дашь?» Я смотрел на экран – и не знал, что и думать. Стало даже смешно: вместо того, что бы вспоминать всю свою жизнь, как обычно это делают герои фильмов перед смертью, мне надо было решить гораздо более важную проблему – давать или не давать деньги на подарок... «Ну что молчишь?» – пришло еще одно сообщение. Как бы, думаю, я хотел сейчас с тобой поговорить, сынок. Только не о деньгах, а о том, о чем мы никогда не говорили. О семье, о мечтах, о людях... И что только мешает говорить обо всем при жизни. Наверное, че-

ловеческая натура такая...

Зигун замолчал. Этой ночью ему приснился сон: они с братом сидели в маленькой беседке, оба уже взрослые. Беседка была маленькая, сидеть было тесно, мешали высокие подлокотники. Шел дождь, и они пережидали под навесом беседки, когда он кончится. Зигун слегка развернулся в беседке, и его голова оказалась на плече брата. Он вдруг понял сейчас, что при жизни никогда не обнимался с братом, и от этого ему стало невыносимо горько. Мальчишкам было не положено проявлять чувства, но сейчас ему так захотелось обняться с братом, прижать его к себе...

Егор по-прежнему молчал, понимая, что сейчас не стоит говорить. Зигун же продолжил свой рассказ об аварии:

– После сообщений от сына я слышал, как народ вокруг меня чего-то кричит. Кто-то, вызывая скорую, препирался: «Алло, скорая? Срочно пришлите машину на Липкинское шоссе... Что?.. Да. Есть пострадавшие. Тяжелые... Какой адрес?.. Да хрен знает, какой тут адрес. Тут нет домов. Липкинское шоссе. В ста метрах МКАД. Рядом путепровод через него, въезд в Москву. Район Алтуфьево и Бибирево... Нет, это не в Москве. За МКАД... Да... Хорошо... Откуда? – ошарашено переспросил звонивший. – Какие Мытищи, вы что, с ума сошли! Тут на Бибирево станция скорой помощи, ехать пять минут. А до Мытищ минимум двадцать – тридцать. – Видимо, парень был местным и все знал. – Да при чем здесь Мытищинский район! Я вам говорю: тут ря-

дом есть подстанция в Москве». Потом стали кричать другие водители: что сказали? Тот сказал, что ждите, мол, выезжает машина из Мытищ. А я лежал и не мог понять, почему, когда вызываешь такси, твое местоположение автоматически определяется и приезжает ближайшая машина за пять минут, а когда вызываешь скорую, то должен назвать адрес... и приедет машина не ближайшая, а та, которая прикреплена к этой территории. А если мне в поле стало плохо? Как объяснить, где я? Или в лесу... Или в садовом поселке без адреса. Как же надоела эта неэффективность и бестолковость в управлении государством и в частности здравоохранением. О какой заботе, о человеке идет речь, если на первом месте инструкция, а уже потом помощь. Что мешает сделать приложение с автоматическим определением места пациента и приездом ближайшей машины скорой помощи? Какая разница, что я оказался на территории Московской области, хотя в ста метрах Москва, а в километре есть столичная, а не областная станция скорой помощи?! А мне при этом должны оказать помощь не через пять минут, как могли бы, а через двадцать или тридцать. Зато если посмотреть телевизор, то продолжительность жизни у нас растет не по дням, а по часам. И в Сирии у нас все хорошо. Только пока там все хорошо, у нас тут люди мрут как мухи... Пока все ждали мытищинскую скорую помощь, я вспомнил, как лет пятнадцать назад врачи меня чуть на тот свет не отправили. Но, видимо, тогда было рано, меня спасли в последний момент...

Видя, что Зигун остановился, Егор решил отвлечь его от тяжелых воспоминаний:

– Расскажи про мытищинскую скорую, интересно.

– Так я никогда не закончу тебе рассказывать про свою аварию, – улыбнулся Зигун.

– Ничего, рассказывай, потом закончишь. Там тебе скорую вызвали, которая ехала полчаса, я это уже понял, – сказал Егор.

– Ну ладно, слушай... Однажды я поехал на работу. В то время я работал на госслужбе, в центральном аппарате министерства юстиции. С утра чувствовал себя неважно, тошнило и мутило. Была пятница. Подумал, что чем-то траванулся, потому наелся активированного угля – и все равно отправился на работу. На обед ничего не ел и особо не пил. На работе при этом вытерпел еле-еле полдня. Зашел начальник отдела, удивился, что я такой зеленый. Я сказал, что неважно себя чувствую. И хоть он отправлял меня домой, я все равно остался – таким ответственным сотрудником был. Вдруг мне поплохело, еле добежал до туалета, там меня вырвало черным. Немного посидев на рабочем месте, все же отправился к начальнику отдела. Тот отпустил, конечно. Я собрался и спустился в метро, ждал поезд. Вдруг опять стало тошнить. Я кинулся к тоннелю, забежал в закуток, где сидят обычно сотрудники метро. Вырвало прямо на пути. При этом цвет рвоты был черно-красным, что было странным. Еле добрался я до дома, из последних сил со стуком в ушах лег в по-

стель. Сразу стало лучше. Так пролежал всю ночь в надежде, что все пройдет. Утром состояние было вроде ничего. Я поднялся с постели – и снова стук в ушах и вялость. Решил вызвать скорую, дозвонился. Мне сказали, что это не срочный вызов, надо ждать два часа. Но приехали раньше, часа через полтора. Врач предложил попить горячего чая – и все пройдет. А в инфекционку меня везти не хотели – была суббота, раньше понедельника бы мной не занялись. Я отказался от госпитализации, на что врач обрадовался – ему же возни меньше. Когда скорая уехала, позвонил товарищу с вопросом, что же делать. Решил отправиться в Боткинскую больницу «самотеком». Неудобно было просить помочь товарища, но что делать. Через час он приехал, еще через час мы были в Боткинской. Я сам дойти до отделения не смог бы, а на воротах стоял охранник, который сообщил, что проезд только скорым. За сто рублей он все же пропустил машину. В приемном отделении мне попала медсестра, которая, осмотрев, усадила меня и уколола чем-то в палец. Что-то проверив, она закричала, что нужна каталка. Меня уложили и повезли в реанимацию. На мои попытки пройти пешком молодой санитар приказал: «Ложитесь!» Медсестра от меня не отходила. Вкатили в лифт, повезли в реанимацию. И чего, думаю, так все всполошились... В реанимации заведующий сказал, что у них нет мест, все забито. Медсестра сказала, что нужно срочное переливание крови: «Гемоглобин», – и показала что-то. «И откуда вы его такого взяли?» – «Сам при-

шел», – отвечаю. «Шутник, – говорит врач. – Еще немного – и уже отходил бы свое». Меня положили в общую палату под наблюдение. Кого-то увезли, а меня закатали на его место, тут же стали вливать кровь и еще что-то, подключать аппаратуру. Когда главный ушел, я спросил у медсестры, что со мной случилось. У меня оказалась язва с большой потерей крови, гемоглобин упал ниже предельного. Еще немного, и не спасли бы. «Я и сейчас переживаю, – призналась медсестра. – Еще не все ясно. Возможно, будут необратимые последствия». Вот тебе и горячий чайк по совету врачей скорой. Если бы я его выпил, то кровотечение только ускорило бы. А если бы отвезли в Мытищинскую ЦРБ и там бросили до понедельника, то понедельник для меня, скорее всего, не наступил бы... Я лежал тогда и думал, сколько же вот так по всей России людей умирает при таких врачах. И нехватка денег или врачей тут не при делах, важнее отношение к людям и непрофессионализм. В Боткинской больнице рядовой медсестре все стало сразу понятно, а мытищинским врачам скорой – нет. Я думаю, если бы узнать реальную статистику смертей от неправильно оказанной или не вовремя предоставленной помощи, то мы бы сильно удивились. И, кстати, если бы я умер дома, врачи скорой показали бы мой отказ от госпитализации – они не при делах. Если бы я умер в Мытищах – отписались бы, что сделали все возможное, просто меня поздно привезли... Тогда мне просто повезло. Точнее, как выяснилось потом, просто не настало мое время. Ведь

кто-то подталкивал меня на правильные действия... А тогда, пока я пару часов лежал в реанимации, все было спокойно. Справа от меня лежала женщина. По разговору между врачами я понял, что ее нашли на улице. Ей стало плохо – и ее привезли сюда. Сначала все было тихо. Потом аппарат, который был к ней подключен, истошно запищал. Прибежал кто-то из медиков – у соседки оказалось высокое давление. Вкололи ей что-то, аппарат утих, и врачи пошли курить. Через десять минут аппарат опять запищал. Теперь давление оказалось слишком низкое. «Бабка, – возмутился врач, – ты давай уже определяйся – или на тот свет, или на этот». Все рассмеялись, я тоже... Да-а, в кино такого не покажут.

Егор слушал Зигуна заворожено:

– Да уж... Получается, второй раз тебя спасли ангелы твои? Это как минимум. А там уж – бог его знает: может, и три, и четыре, и двадцать четыре... Так чем, кстати, твоя авария закончилась?

– Чем-чем... Пока ждали скорую, я думал про детей, про жизнь, про несказанное и про неделанные дела. И так прошло минут десять. Еще через десять минут я умер, а через следующие десять минут приехала скорая. Так что если бы она приехала из Москвы, то мог бы еще и пожить.

– Не мог бы! – отрезал Егор.

– Да, теперь я знаю – не мог. Но все равно обидно. Спасибо, конечно, боткинским врачам и отдельно медсестре и санитару. А мытищинские в первый раз чуть не угробили,

а во второй раз просто не успели. И как мне теперь к ним относиться, ведь судить нельзя: не суди – не судим будешь...

– Не переживай, их так или иначе ждет суд. А черные, ты же знаешь, работают хорошо.

Егор ушел, а Зигун опять погрузился в воспоминания и пытался все-таки понять, за что с ним так обошлись...

Глава 18

После работы в ЧОП Зигун пошел работать в Минюст. Работа там дала ему представление о том, как действует госаппарат. Там он понял, что без мохнатой лапы, которая будет двигать его по служебной лестнице, делать нечего.

Система выстроена четко: есть команды, их начальники и замы, включая замзамов. Если начальник продвигается вверх, то он тащит за собой своих, хоть и не всех. Если начальник провинился, его меняют, и тогда приходит новый начальник, который ставит на важные посты уже своих людей. Рядовой же сотрудник может очень хорошо работать, но все равно при этом не расти карьерно. Такая перспектива Зигуна не устраивала – и в один прекрасный момент он ушел сам.

Сейчас, анализируя свою жизнь, Зигун увидел, как вела его судьба по жизни. Между прочим, будучи школьником, он хотел быть разведчиком, а в старших классах твердо решил поступать в Высшую школу КГБ. В пятом же классе случилась с Зигуном одна история. Тогда они всей компанией

каждый вечер покупали у бабушек семечки, потом сидели и грызли их. И однажды кто-то из ребят сказал, что семечки как-то влияют на дыхалку – быстро бегать после них не получится. Медленно бегающий разведчик – это было как-то неправильно, и Зигун в тот же день бросил лузгать семечки и не притрагивался к ним никогда, даже когда вырос.

Зигун при этом вполне серьезно настраивался на поступление, но в самый последний момент его отец, который всю жизнь проработал в КГБ, отсоветовал сыну туда идти. И вышло так, что будто ангелы отвели Зигуна от такого судьбоносного поступка, теперь он понимал это. Непонятно только было, почему они так поступили.

У Зигуна был еще один шанс вернуться в органы. Он тогда работал в Минюсте, готовил документы для разных ведомств – и делал это неплохо. И в одном силовом ведомстве обратили внимание на его аналитические способности, даже пригласили на собеседование. Это была Федеральная служба госнаркоконтроля, в то время очень серьезная и могущественная структура, руководитель которой напрямую отчитывался перед президентом страны. Зигуна же прочили в помощники директора этой службы на полковничью должность. Полковника бы он получил максимум через пять лет работы в этой должности, и это, признаться, был великий шанс выскочить в дамки. От такой перспективы у Зигуна захватило дух: должность, звание, ксива, зарплата, пенсия, медобеспечение. Ну и связи, конечно, которые можно было

приобрести на новом месте. Все это судьба давала Зигуну на блюдечке с голубой каемочкой, его же одолевали сомнения. Второй раз в жизни ему нужно было принять такое простое решение. Судьба отвела от работы чекистом, теперь же, спустя много лет, ему давался новый шанс.

В отделе кадров наркоконтроля Зигуна попросили подготовить фотографии и базовый пакет документов, ничего необычного: прописка, счета в банках. В то время Зигун жил на даче недалеко от Москвы, но местожительство указал по прописке. Через несколько дней его вызвали в службу безопасности ФСКН. Зигун решил, что это обычная практика: зададут пару вопросов и отпустят.

Встретили его нормально. Анкета у Зигуна была безупречная, нигде и никогда ни в каких мутных историях он не светился.

– Мы изучили вашу анкету... – начал не спеша сотрудник СБ. – А где вы реально проживаете?

Зигун опешил:

– Как где? Вот же у вас записан адрес.

– Здесь вы не живете. Эту квартиру сдаете. А живете-то где?

– На даче... – признался Зигун.

– Нам нужна полная информация.

– Хорошо, я все подготовлю, – ответил Зигун. – Это все?

– Пока все, – ответил сотрудник.

Зигун встал и уже у двери услышал за спиной:

– И еще момент... Мы изучили все ваши счета... и нигде не нашли поступлений денег от сдачи в аренду.

– Так это не моя квартира, а супруги, – ответил Зигун, порадовавшись, что смог отвести от себя удар.

– Ее мы тоже проверили. И на ее счетах тоже ничего нет... В общем, в отдел кадров занесите, пожалуйста, всю информацию.

Холодок пробежал по телу Зигуна. В этот момент он понял, что шутки кончились, конец его свободной жизни. На каждого сотрудника у силовиков есть свое досье с компроматом. Нелегальная сдача квартиры – это, конечно, мелочь, но то ли еще будет.

Следом прошло несколько дней, и Зигун оттягивал представление документов в отдел кадров. В итоге же он туда так и не дошел, и звонков из ФСНК ему больше не поступало.

Был у него и третий шанс изменить свою судьбу. Он тогда решил уйти из центрального аппарата Минюста, имея отличные шансы стать судьей. Эта работа привлекала Зигуна, он был уверен, что будет вершить дела по закону и по справедливости. Но и тут он вдруг... не пошел сдавать экзамен на судью.

И вот здесь, на небесах, Зигун понял, что все было непросто, каждый его шаг был под контролем ангелов. Если бы не те судьбоносные решения, то Зигун превратился бы в обычный винтик, работающий на систему, без собственного мнения и разума. Ему пришлось бы защищать действующий

режим и принимать решения не на основе закона, справедливости и совести, а действовать по сложившимся в системе понятиям. Ведь все построено на них. Если ты член системы, у тебя будет работа, зарплата, какая-то социалка, красное удостоверение в кармане и связи, которые помогут тебе решить многие важные вопросы. Но любой человек, попадая в эту систему с самыми благими намерениями, потихоньку начинает понимать всю суть происходящего. Он видит, что все тут такие, нет никакой справедливости, и постепенно... ломается. Из свободного и гордого человека он превращается в винтик, который работает по правилам системы.

Все это, увы, касается огромного количества людей. Начиная с учителей, которые сидят в избирательных комиссиях, заканчивая бюджетниками, которым вдолбили в голову, что если они не проголосуют как надо, то лишатся работы. Ну а сотрудники правоохранительных органов и вовсе стоят на страже этого режима.

Зигун помнил, какой первый документ ему принесли для юридического заключения, когда он работал в Минюсте: указ президента по *решению* каких-то вопросов. Это были уже «нулевые», и девяностые миновали совсем недавно. Зигун тогда учился в институте, жил в общежитии и сталкивался и с братками, и с ментами, потому прекрасно помнил, что выражение «решать вопросы» пошло из криминальной среды. Он всегда думал, что решать можно задачи и проблемы, а вопросы нужно задавать, ну и отвечать на них. А в главном

юридическом ведомстве страны на стол ему лег документ с той самой формулировкой о *решении вопросов*.

Спустя много лет Зигун понял, что общество живет по понятиям, поэтому управление страной перешло тоже на систему понятий, а не закона. Сложно представить себе другую такую страну, где за плакат с надписью, с которой выходила вся страна первого мая, студенту дали бы реальный срок, а ведущему с одного из ТВ каналов за призыв топить детей не сделали ровным счетом ничего. И вся страна это молча проглотила, потому что *по понятиям* бедный студент был неправ. А ведущий с ТВ знал, что можно говорить все что угодно, поскольку он член этой системы, а система своих не бросает.

По сути, все население страны стало одной большой группировкой с активными и пассивными членами. И после своего молчания последние стали соучастниками. И похоже, что ангелы отводили Зигуна от работы в правоохранительных органах, чтобы он... не потерял свое лицо и себя самого. Система поломала бы его, а потом Зигун от внутреннего конфликта просто бы сгорел как свечка. Похоже, те же внутренние конфликты – причина высокого уровня смертности в стране. Если все-таки принять вышеуказанные рассуждения, то, получается, миллионы людей живут со своим внутренним конфликтом. Все это у людей на подсознательном уровне, ни в каких медицинских картах это не отображается, но скрытая депрессия от несправедливости и загоняет людей

в гроб раньше времени.

В существующей системе управления по понятиям при этом нет места настоящему патриотизму. Когда человек уничтожается как личность, у него пропадает желание что-то делать ради страны. Получается, в организованном преступном сообществе не может быть настоящих патриотов: нет гордости у граждан за свою страну и за ее достижения, нет осознания каждого гражданина, что лично он принимает участие в чем-то важном.

Кажется, гордиться страной Зигуну приходило в голову только в советское время. Гордиться было за что: покорили космос, строили свои самолеты, поезда и пароходы. Спортсмены защищали честь страны, учителя учили добру и справедливости, врачи искренне хотели помочь и вылечить человека, а не сэкономить на лечении, поскольку страховая не оплатит эти услуги. Гордиться можно было и военно-промышленным комплексом, и армией. Но ныне из предметов гордости осталась только... добыча природных ресурсов, доходы от которой утекают куда угодно, только не в карманы граждан страны. Получается, что гордиться уже нечем, и у граждан нет осознания причастности к созданию чего-то великого. Народ и власть живут в двух разных параллельных мирах, общество раздроблено, и не может уже вся страна встать, когда требуется, «плечом к плечу».

С вопросом «кто виноват?» проще, но остался вопрос «что делать?». Один из вариантов – смена курса развития

страны на социалистический. И этот сценарий рано или поздно реализуется, вопрос лишь времени. И чем раньше это произойдет, тем меньше будет жертв.

* * *

Центральный аппарат Минюста находился на улице Житной. Через забор по соседству сидели коллеги из министерства внутренних дел. В теплое время года Зигун любил выйти в обеденное время погулять на улице. Кабинетная работа его немного напрягала. Постоянно сидеть на одном месте было не для него – он любил активный образ жизни. Возможно, это впоследствии и повлияло на его будущий уход из Минюста, но это случилось потом.

Во время очередной прогулки у проходной МВД Зигун увидел своего старого товарища. Познакомился он с ним, когда тот был обычным опером в районном отделении полиции.

– Какими судьбами?! – увидев его, закричал Зигун.

– Привет! Работаем тихо-тихо, – ответил товарищ.

– И кто ты сейчас? – нетерпеливо поинтересовался Зигун.

– Старший оперуполномоченный по особо важным делам центрального аппарата МВД.

– Ух ты, круто! – воскликнул Зигун.

– Ну как-то так... – скромно ответил товарищ.

Зигун вообще его знал как скромного и порядочного полицейского. Он раньше думал, что таких не бывает, но ока-

залось, что такие очень даже бывают.

– Чем сейчас занимаешься? – спросил Зигун.

– Да вот... убийство расследуем, – ответил товарищ – и назвал фамилию очень известного шансонье. В свое время песни этого певца звучали из каждого окна, особенно в лихие девяностые.

– Так вроде уже сколько времени прошло. Там же уже занимались расследованием... – удивился Зигун

– Да никто, оказывается, толком и не занимался, пока мы не взялись.

– Вот те на, я думал, что убийство такого человека сразу у всех на контроле.

– Не было никакого контроля, да и убийства, собственно, не было.

– Это как?! – от удивления воскликнул слишком громко Зигун, и стоявшие неподалеку оперативники, вышедшие покурить, даже оглянулись.

– Да не кричи ты так... – товарищ взял за руку Зигуна и отвел его в сторону.

– Подожди, подожди, – не унимался Зигун. – Бандиты были?

– Были.

– Ранение было?

– Было.

– А как тогда убийства не было? – нервно спросил Зигун.

– Все было, – спокойно ответил товарищ. – Только ране-

ние было не смертельное. Когда приехала скорая помощь, шансонье был в полном сознании. По дороге в больницу он даже к медсестре кадрился. Привезли его в больницу, а оперирующих врачей нет. А те врачи, которые были, оказались пьяными. Это же новогодние праздники были, помнишь? – спросил товарищ Зигуна.

– Ну да, на Новый год вроде, – вспомнил Зигун

– Вместо того, чтобы срочно операцию сделать, его оставили в палате до утра. В надежде, что утром кто-то трезвый придет и прооперирует. А до утра он просто не дожил, – рассказывал товарищ.

– Выходит, он умер от неоказания медпомощи? – Если известного на всю Россию человека так бросили и не смогли помочь в больнице, то что говорить о простых людях, которые лечатся в районных, да и не только в районных больничках. Опять наше пресловутое здравоохранение, смерти пациентов и отсутствие виновных в них, подумал Зигун. – А почему не сообщили, что врачи так отнеслись? – наивно поинтересовался он.

– Кому сообщать? Как докажешь, да и кому это вообще надо... – обреченно ответил товарищ и пошел к своей проходной.

Зигун еще долго стоял на месте и пытался все это осмыслить.

Больше всего его поразили даже не результаты оптимизации здравоохранения, а отношение врачей. Ведь это был

всеми любимый и известный человек, но даже к нему оказалось у медперсонала такое отношение. Ладно, что сократили больницы, врачей, финансирование и остальное. Но почему же отношение врача к пациенту так изменилось?

Он вспомнил свой спор с одним из депутатов Госдумы по поводу здравоохранения. Зигун утверждал, что в советское время здравоохранение было лучше. Его оппонент возразил, что не такое уж оно было и хорошее. Но вот отношение врачей к пациентам было иное, более участливое и человеческое.

Что же такое произошло с людьми, которые шли в профессию вроде бы по призванию? Это не только врачи, но и учителя, которые стали халатно относиться к своей работе. Не результат ли это всеобщей монетизации и социальной политики государства? По сути, за эту политику выдавалось разобщение общества, чтобы каждый занимался своим делом и не в коем случае не интересовался делами государства. А если уж ты пытаешься влезть в это, то будь добр играть по установленным понятиям, а не по закону. И когда человек видит, что есть закон, а есть правила жизни, которые не всегда соответствуют закону, в этот момент внутри него возникает диссонанс. И он думает, нужно ли ему это, если все равно ничего не добьешься. Результатом этого внутреннего спора является безразличие к судьбе своей страны, к политике, к выборам, к референдумам, к знаковым событиям в государстве. И это безразличие проецируется на всю жизнь и деятельность человека. Отсюда безразличие в работе, а воз-

можно, и в семье. Это безразличие могло становиться причиной разводов при отсутствии общих норм морали на всех этапах бытия. Это же равнодушие распространилось и на желание встать всей страной плечом к плечу, если такое, не дай бог, понадобится: в разрозненном на уровне ячейки общества государстве такого не увидеть. Таким образом, власти сами себе вырыли яму, оптимизируя здравоохранение, поднимая пенсионный возраст и не думая о народе.

С этими мыслями Зигун и вернулся тогда к себе в кабинет.

Глава 19

После госслужбы Зигун ушел работать в бизнес, в медицину: они с товарищем открыли медицинский центр.

У них работала девушка Зарина. Устроилась она на место помощницы, которая ушла в декрет. В ее обязанности входило начисление и выплата зарплат сотрудникам. Занималась она этим месяца три без всяких эксцессов. Но однажды Зигун приехал на работу и увидел, что Зарина вся в слезах. В причине слез она не признавалась, выскочив из кабинета.

Зигун пошел к главврачу узнать, в чем же дело. Оказывается, у Зарины в аварии погибли отец и брат. Две смерти разом в одной семье – это, конечно, было ужасно. Зигун попросил весь коллектив собрать деньги на похороны и доложил от себя еще столько же, сколько собрали другие. Деньги отдал Зарине, сказав о соболезнованиях.

Как еще помочь девушке, он не знал. Может, отпустить в отпуск, но сейчас ей, наверное, лучше отвлечься. Ну и если бы надо было, она бы попросилась в отпуск, кто бы ей отказал.

После Зарина исправно выходила на работу, но дела двигались медленно, со своими обязанностями она справлялась еле-еле. Зигун понимал, что ей тяжело, и ждал, надеясь, что вскоре все встанет на свои места.

Однажды Зарина обратилась к Зигуну с просьбой одолжить 150 000 рублей.

– А что случилось? – спросил он.

– Понимаете, я не могу иметь детей. И уже несколько месяцев езжу по выходным в один детский дом в Подмосковье. Хочу усыновить ребенка...

– Так ты же не замужем, разве дают детей на усыновление одиноким женщинам?

– Если очень попросить, то можно все... Я еле-еле их уговорила, собрала справки. Но если сейчас они узнают, что у меня погибли отец и брат, то точно не дадут разрешение.

– А деньги тебе зачем?

– Дать взятку, – призналась девушка. – И еще мне нужна от вас характеристика.

– Характеристику мы напишем, – пообещал Зигун. Он понимал, что, возможно, ребенок отвлечет Зарину от тяжелых мыслей. Но сумма была по тем временам немаленькая, он понимал, что вряд ли ее вернут. И спросил, как Зарина пла-

нирует возвращать такие деньги.

– Я все верну. Частями. У нас осталась дача, мы продадим ее – и я верну.

– Давай договоримся так, – сказал Зигун, – я тебе дам денег. Но ты будешь много работать. Это будет как бы премия за год вперед, но год ты должно добросовестно отпахать. Договорились?

– Конечно! Я буду стараться! – обрадовалась Зарина.

– Подожди... А как же ты будешь работать, если у тебя появится ребенок? Кстати, сколько ему?

– Он еще маленький, полтора годика. Не беспокойтесь – мама приедет, будет помогать.

Зигун открыл сейф, отсчитал сто пятьдесят тысяч и отдал Зарине.

Прошло месяца три. Ребенка Зарина получила, и все вроде бы было хорошо. Но, к сожалению, недолго. Следующее известие от Зарины было трагическим: ребенок умер.

Зигун срочно приехал на работу и расспросил главврача о том, что случилось. Оказалось, мальчика купали на даче, он сильно простыл и получил пневмонию. На скорой его отвезли в районную больницу, но Зарина по непонятной причине написала отказ от госпитализации и увезла ребенка в Москву. Тамошняя больничка была, конечно, не очень, но врачи отговаривали мать забирать ребенка. Она же считала, что ей лучше знать. А ночью ребенок умер во сне: задохнулся собственной мокротой.

Зигун был подавлен: получалось, что он тоже имел отношение к этой смерти. Если бы не дал денег, то ребенка не усыновила бы Зарина, а новые родители, возможно, более трепетно относились бы к ребенку.

Зигун снова попросил всех собрать деньги на матпомощь, положил и свои. Он, честно говоря, не понимал, за что столько горя досталось одной семье.

Прошло несколько недель. Зарина фактически не работала, она все время плакала. Зигун не знал, что с этим делать. Отправить в отпуск? Но на что она будет жить. Оставить как есть? Но работу нужно делать, накопилось много текучки, а за Зарину ее выполнить было некому...

Однажды, придя на работу, Зигун не обнаружил Зарину на рабочем месте. Зашел к главврачу поинтересоваться, узнав, что у девушки... умерла мама.

Четыре смерти за полгода в одной семье – это было слишком, будто какие-то высшие силы принимали в этом участие. Оказывается, у мамы Зарины были давние проблемы со здоровьем, особо ее не беспокоившие. Но Зарина уговорила маму на операцию... и та умерла на операционном столе.

Зигун снова дал деньги на похороны, при этом с Зариной в этот раз они даже не встретились. А после похорон Зарина заявила, что увольняется и уезжает со своим молодым человеком в Болгарию, у него там какой-то бизнес.

Наверное, в новой обстановке ей было бы лучше. Остался вопрос с деньгами: требовать их Зигун не собирался,

но ждал, что сама Зарина про них скажет, ведь деньги давались как премия за будущую хорошую работу, с которой не вышло. Да и ведь она обещала что-то там продать и вернуть долг.

Нового сотрудника нашли довольно быстро. Перед увольнением Зарины оказалось, что ей остались должны зарплату за последний месяц. Зигун надеялся, что Зарина поговорит с ним, когда будет забирать деньги, и положил всю сумму к себе в сейф.

Зашел главврач, сказал, что звонила Зарина, просила от-дать ее зарплату, а она заедет за ней, когда сможет. С под-державшим ее коллективом при этом попрощаться она даже не собиралась. Как-то это было неправильно.

– Передайте ей – я сам выдам зарплату, пусть приезжает, – попросил Зигун.

Но за зарплатой девушка так и не пришла. Может, боя-лась, что начальник с нее спросит долг, хотя он даже и не собирался это делать. Вышло как-то не по-человечески, но Зигун списал все это на эмоциональное состояние девушки и отпустил эту ситуацию. А дальше случилось то, чего бы ему лучше было не знать.

Новая помощница оказалась очень исполнительницей. Че-рез месяц Зигун оставил ей ведомость на 35 человек с зар-платой на всех – 500 000 рублей. Через неделю он поинтере-совался, все ли получили свое.

– Да, – ответила новая девочка. – Вот только пятьдесят

тысяч осталось.

– Как осталось? – не понял Зигун.

– Я проверила все несколько раз. Потом подняла личные дела и даже обзвонила всех. Два человека уволились около года назад – это те, что работали на удаленке. А деньги были выписаны на них.

Зигун никогда не вмешивался в оперативную деятельность, всем доверяя и особо не контролируя. Ему просто подавали данные на количество сотрудников и делали расчет по зарплате, а он, соответственно, добросовестно выплачивал эти деньги. И оказалось, что Зарина получала деньги на давно отсутствующих и ничего не возвращала, приворовывая с самого первого дня работы. Потом еще и попросила денег в долг, не отказываясь от собранных с коллектива сумм после каждого печального известия.

На душе у Зигуна стало погано: разве же стоили эти несчастные деньги того. Теперь ему стали понятны причины бед Зарины и ее бездетности. Ей, видимо, прилетело за ее деяния немало черных шаров.

И лучше бы Зигун подробностей этой истории не знал. Лишь в прощении нашел он успокоение.

«Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то прости и вам Отец ваш Небесный».

«Снова учит нас не помнить о зле и напоминает нам об Отце, чтобы мы стыдились и не делали подобными зверям,

будучи Его детьми». (Толкования на Мф. 6:14.)

«А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

«Ничего не ненавидит так кроткий Бог, как жестокость». (Толкования на Мф. 6:15.)

А сколько за свою относительно недолгую жизнь Зигун успел нагрешить сам, делая это каждый день: на кого-то разозлился, кого-то обругал в пробке, кому-то солгал. Плюс страсть к богатству, которая тоже греховна.

Перед открытием медцентра его товарищ Гамид оставался без работы около года. Он был готов уже на любую. Когда Зигун предложил ему открыть совместно медицинский центр, Гамид не поверил в успех, но все же согласился. Сейчас Зигун понимал, что судьба посылала ему знаки, лишь бы не открывал это дело. Но Зигун был молодым, настойчивым и упорным, уверенным, что сможет прогнуть под себя судьбу.

Начиналось все очень просто: Зигун познакомился тогда с человеком, который входил в комиссию департамента здравоохранения Москвы по выдаче лицензий. Тот пообещал без проблем помочь новому начинанию и после не раз выручал Зигуна. Зигун вместе с Гамидом сняли помещение, сделали ремонт и подали документы на лицензирование. Зигун при этом вложил в дело все свои сбережения. У Гамида же денег совсем не было.

Позвонив после подачи заявления своему человеку в депздрав, Зигун оторопел: оказывается, пока они искали помещение и делали ремонт, право выдавать лицензии у комиссии отняли и передали федеральным органам. А там у депздравовца не отказалось никаких связей, и даже более того: тамошний «клан» считался недружественным столичному.

Но Зигун не привык так просто отступать, он заново собрал весь требуемый пакет документов и понес федералам. Там, посмотрев на него, только улыбнулись и добавили еще целый список необходимых бумажек, которого у Зигуна не было и быть не могло. Требовались, например, категории врачей узкой специальности, которых он не планировал вводить в штат: профпатологов. Пришлось открыть справочник и искать единственный в стране институт, где готовили этих врачей, а после выезжать прямо туда, не имея там никаких связей.

На проходной Института профпатологии у него поинтересовались, к кому он пришел.

– Я к доктору.

– К лору? К Сергею Адамовичу?

– Да к нему, – сказал Зигун.

Зигуну, кстати, нужны были специалисты еще пяти специализаций. Найти все сразу было бы невероятной удачей, но деваться было некуда.

– Проходите, двести десятый кабинет, второй этаж.

Зигун нашел кабинет, там в очереди был всего один чело-

век. Зигун сел, стал ждать. Когда пациент перед ним вышел из кабинета, из-за двери послышалось:

– Проходите.

– Здравствуйте, – сказал Зигун, медленно открывая дверь. Перед ним был молодой врач приятной внешности, немного худоватый. Взгляд у него был добродушный.

– Слушаю вас... – сказал доктор.

Зигун решил рассказать все как есть: что он планирует открыть медцентр, что ему нужны врачи, у которых должны быть сертификаты профпатологов, и найти ему их больше негде.

Сергей Адамович молча все выслушал.

– У меня сейчас нет нужных документов, они дома. Но завтра могу принести.

– Только надо их нотариально заверить, – смог только вымолвить ошарашенный Зигун.

– Ну это вы уже сами. У меня времени нет, – пожал плечами доктор.

– Конечно, сам! – ответил Зигун

– Вы же мне вернете их в целости и сохранности?

– Конечно, верну!

Зигун все никак не мог поверить, что можно так просто прийти – и чтобы ему немедленно пошли навстречу, без каких либо условий.

– Значит, я завтра подойду?..

– Да, приходите в одиннадцать.

– Спасибо огромное... – Зигун замялся. – А вы не подскажите, где у вас тут терапевт? Мне еще документы терапевта-профпатолога нужны.

– Сейчас, – врач взял трубку и набрал номер. – Юлия Владимировна? Сейчас к вам молодой человек подойдет. Примите его?.. Спасибо. – Он положил трубку. – Идите на четвертый этаж, четыреста тридцать четвертый кабинет.

– Спасибо! – Зигун вылетел из коридора и немедленно отправился на четвертый этаж.

В кабинете № 434 он быстро повторил все сказанное лору, уточнив, что всего нужно пять специализаций врачей. Тут в кабинет вошла еще одна дама в белом халате.

– Вам невролог нужен будет? – спросила терапевт.

– Да, нужен, – ответил Зигун.

– Ну вот вам и невролог.

Невролог выслушала версию Зигуна про документы и бесцеремонно спросила у коллеги:

– А кто это вообще такой?

Испарина возникла на лбу Зигуна: еще немного – и все могло покатиться в обратную сторону. Он уже хотел честно сказать, что он никто и звать его никак, но терапевт его опередила:

– Это от Сергея Адамовича.

– А, – смягчилась невролог, – тогда ладно. Завтра принесу документы, – пообещала она и вышла из кабинета.

Зигун стоял столбом.

– Ну что стоите, вы же слышали.

– Да, слышал... А не подскажите, где у вас сидят хирург и офтальмолог? У меня остались только эти два врача.

– Так... Хирург сидит на третьем этаже. Офтальмолог на пятом. Вот номера кабинетов...

Выскочив от терапевта и все еще не веря во все это, Зигун отправился на третий этаж, потом на пятый. Там история повторилась, и Зигун сам уже козырял, что он от Сергея Адамовича, а сейчас пришел от терапевта. Лишних вопросов ему не задавали и обещали завтра принести все документы.

На следующий день ему все передали, он отправился к нотариусу, все заверил, сделал на всякий случай по две копии. Накупив всяких деликатесов, он вернул всем врачам их документы, раздал вкусняшки и пообещал зайти, когда все решится окончательно.

Рассматривали новый пакет документов в течение месяца. При этом пришлось платить аренду за помещение. А через месяц пришел отказ по формальным признакам. Оказалось, что у главврача должна быть тоже узкoproфильная специализация пропатолага.

Зигун поехал к Сергею Адамовичу, но тот только развел руками: таких специалистов у них не было. Это вообще было бредом, придуманным лицензирующим органом. Подобный сертификат мог быть вроде бы у врачей «Газпрома», по его сведениям. У тех было денег много, они соблюдали все новые требования, даже идиотские, потому просто обучили

своего врача.

Делать было нечего, пришлось ехать в «Газпром» на юго-запад столицы.

На месте Зигун спросил у охраны, как ему попасть в мед-часть:

– Мне нужен главврач.

– Вон справочник. Там телефон.

– А пройти можно?

Охранник посмотрел на Зигуна как на сумасшедшего.

Зигун набрал номер из справочника. В трубке раздался приятный женский голос. Он объяснил все как есть, добавив для солидности, что из НИИ документы на врачей все собрал, осталось последнее препятствие – нужны документы врача «Газпрома», такой сертификат есть только у него.

– Завтра в обед ждите на проходной. Я вынесу нужное вам.

Зигун не поверил своим ушам: человек, не видя его, просто поверил. Видимо, оба его ангела работали на полную катушку в те дни.

– Только мне нужна нотариальная копия, – робко признался он.

– Хорошо, я посмотрю.

Понимая, что это «Газпром», конфетами тут не отделаешься, на следующий день Зигун пришел к проходной с коньяком Hennessy XO. Вышла милая женщина, отдала ему документы, он ей протянул пакет с коньяком.

– Да что вы, не нужно! – запричитала она.

Зигун переполняли чувства:

– Возьмите, это от чистого сердца!

– Ну хорошо. Спасибо!

Зигун вышел на улицу, уверенный, что теперь-то его ничто остановит. Он еще не знал, что такое российские чиновники.

В лицензионном органе Зигун, помахав документом, попросил приложить его к делу, но не тут-то было. Государственная система работает не для человека и уж точно не для предпринимателя, она исходит из того, что все люди, что обращаются в госорганы, – это заведомые преступники, которые еще должны доказать свою невиновность.

Зигуну холодно сообщили:

– Ваше дело сдано в архив. Подавайте заново.

Он чуть не взвыл, лишь порадовался, что сделал по две нотариальные копии документов от врачей.

Быстро собрав второй комплект документов, подал пакет снова. Денег оставалось у него на месяц аренды, он больше не мог допустить ни одного промаха. Заодно выяснил порядок принятия решений. Оказалось, что после подачи документов их рассматривают в отделе, потом готовится приказ. Узнать судьбу документов было невозможно, но сидеть и ждать отказ в очередной раз было для Зигуна смерти подобно.

В том же здании, где сидел лицензионный орган, было еще

одно госведомство. Пост охраны на два ведомства был один, находились они на разных этажах. Зигун записался на прием в ненужное ему ведомство на нужную дату и прошел через охрану, но отправился в контору этажом ниже. Там, к счастью, охраны не было. В канцелярии он уточнил название отдела, где рассматривают дела.

В огромной комнате, где стояло много столов с экспертами, Зигуна строго спросили:

– Вам чего, молодой человек?

– Я хотел уточнить по поводу приказа, – сказал Зигун. – Мы подавали документы от организации.

Девушка за компьютером посмотрела списки.

– Нет, вас нет в приказе.

– Почему?

– Не знаю, – ответила девушка. – Так или иначе, уже поздно: приказ уже готов, перепечатывать его никто не будет, завтра несем на подпись.

Зигун не отставал:

– Но по какой причине отказ?

– Мы не знаем, идите к начальнику отдела.

Зигун понял, что без денег или связей ему ничего не дадут. А причину отказать всегда найдут. Ну что ж, начальник так начальник. Терять ему уже было нечего.

В кабинете начальника он объяснил суть проблемы, рассказав, что подает документы уже во второй раз – и его опять нет в приказе.

– А вы вообще как сюда попали... и кто вас ко мне направил? – кажется, начальственная дама поняла по виду Зигуна, что он пойдет до конца. Но причину отказа ей, похоже, не объяснили, а все документы при этом были в порядке.

– Вот та дама, которая сидит справа в общем отделе, – сказал Зигун.

– Понятно, – ответила начальница. – Ну что же, если в отделе вам так ответили, то пусть перепечатают весь приказ. Чтобы в следующий раз думали, кого ко мне посылать.

Зигун понял: это своеобразная месть начальника своим подчиненным. Но ему было уже все равно.

В отделе все стояли на ушах:

– У нас все по номерам, а теперь все переделывать!..

– Понимаю, – ответил Зигун. – Но извините, мы в третий раз подаем. Давайте после приказа я вам стол организую... Всем отделом отметите конец рабочей недели!

Большинству эта идея понравилась.

– Только пропуск выпишите, – попросил Зигун. – А то меня не пустят.

Зигун вышел из здания, решив, что теперь уж точно все сделано. Но не тут-то было...

На следующий день он приехал в лицензионку с коробками угощений и спиртного. Приказ был подписан, осталось дожидаться саму лицензию. Зигуну не верилось, что все закончилось. Застолье получилось недолгим, ему предложили прийти через три дня за лицензией.

В назначенное время Зигун приехал в лицензионное ведомство и зашел в отдел.

– Здравствуйте! – весело сказал он. – Как наши дела?

Начальник отдела медленно встала.

– Мы не знаем, что произошло, но руководитель вашу лицензию не подписал. Он к ней прикрепил листочек с надписью «Осуществить проверку с выездом на место». Никогда раньше такого не было! – оправдывалась дама. – Вам действительно не везет.

– Может, вам в церковь сходить? – предложила еще одна сотрудница.

У Зигуна все внутри будто оборвалось.

Видать, не для того федералы забрали себе выдачу лицензий, чтобы выдавать их запросто всем желающим: контроль за каждой выданной лицензией был на самом верху.

– Хорошо, – грустно сказал он. – Что теперь?

– Теперь ждите проверку

– А кто придет?

– Не знаем, как начальник решит.

– Когда?

– Позвоните завтра.

– Хорошо.

Опять он шел против ветра, наперекор судьбе.

Почему с такими трудностями давалось ему открытие этого медцентра, Зигун узнал гораздо позже, и если бы знал тогда, что в результате открытия совместного бизнеса с другом

детства он потеряет своего друга, то покорился бы судьбе и отступил. Но молодость и напор сделали свое дело: Зигун не отступил, и впоследствии все события, связанные с этим медицинским центром, повлияли на многое в жизни Зигуна.

Проверку назначили быстро, и через два дня к нему уже приехали. В числе проверяющих были те же люди, с кем вместе праздновали будущее получение лицензии.

Придаться можно было к чему угодно. Бери любой пункт – и верти как хочешь. Зигун был в отчаянии.

– Что делать будем? – спросил один из членов комиссии.

Старшей была та самая дама, что посоветовала сходить в церковь.

– Пиши, что все хорошо... – тихо ответила она.

Зигуна просто пожалели: сотрудники службы решили поступить по совести. А вот руководитель службы, направляя проверку, был уверен, что можно найти кучу нарушений, а рядовые сотрудники правильно поймут его сигнал. Они все поняли, но поступили по-своему. По той самой совести.

Все члены комиссии молча подписали акт, один экземпляр оставили Зигуну – и поехали к себе.

– Что теперь? – спросил их в дверях Зигун .

– Ждите...

У Зигуна уже не было никакой уверенности в предстоящем положительном решении, но он все-таки надеялся на что-то, и не зря: через три дня он все же получил лицензию.

Через пару месяцев они с Гамидом стали зарабатывать уже по тысяче долларов в месяц. Получая эти деньги, Гамид проворчал, что на эти деньги не проживешь, на квартиру не накопишь. Зигун удивился: каких-то три месяца назад тот не мог найти работу и мечтал о хоть какой-нибудь зарплате, а сейчас ему уже мало.

Но дела шли в гору. Еще через полгода они зарабатывали уже пять тысяч долларов в месяц. Можно было подумать спокойно и о квартирах, и о машинах.

В начале этих заработков был один зацепивший Зигуна момент. Зигун любил чай с лимоном. И попросил, чтобы для него всегда оставляли лимоны в холодильнике. Конечно, чай с лимоном пил не только он. Расходы, разумеется, относили на счет фирмы. Была идея наладить вопрос питания и сотрудников, но им решили просто доплачивать за питание, чтобы каждый сам решал, что и как ему есть. Ну а чай-кофе всегда были за счет компании.

Через год после открытия компании, заехав в офис, Зигун попросил чай с лимоном.

– А лимонов нет, – сказала девочка на рецепции.

– Как это нет? Я же просил, чтобы всегда были!

Девушка только пожала плечами.

Тогда Зигун поинтересовался у Гамида:

– Почему лимонов нет? Я ведь просил.

– Ты так редко заезжаешь, так что они, – Гамид показал в сторону кабинетов, – все съедают. Я тебе сам буду покупать

лимоны.

В итоге Зигун остался без чая с лимоном и с неприятным чувством досады на душе.

Время шло, денег прибавлялось. Иногда они с Гамидом заезжали в казино немного поиграть. Обычно они или немного проигрывали, или оставались при своих – без фанатизма.

Однажды в пятикарточном покере Зигуну пришли хорошие карты: восьмерка бубновая, девятка бубновая, десятка бубновая, дама бубновая, король бубновый. Во всей этой красоте не хватало только бубнового валета. Зигун, не задумываясь, докупил шестую карту. При этом можно было застраховаться от невыигрыша, но тогда половину выигрыша пришлось бы оставить казино. Зигун же решил рискнуть и сыграть без страховки.

Крупье положил перед ним карту – и весь стол приутих. Зигун медленно перевернул карту: валет бубновый! Так ему еще не везло, даже жаль, что ставка была маленькая.

В тот день Зигун выиграл около \$1 800. Выходя из казино, он отчитал из этих денег сумму, которую сегодня потратил. Оставшееся же разделил пополам – и половину отдал Гамиду.

– Что это?

– Выигрыш. Мы же вместе пришли.

– Точно? – удивился Гамид.

– Конечно.

Через пару месяцев они опять заехали в казино. Зигун сел за покер, Гамид отправился к автоматам.

В тот день Зигуну не везло, он все проиграл. Он уже собирался уходить, как к нему подбежал Гамид.

– Смотри, – показал он гору фишек, – аппарат выдал какой-то суперприз!

– Класс! – обрадовался Зигун.

– Мне как раз деньги нужны на новый холодильник! – радовался Гамид.

– Конечно... – тихо ответил Зигун. – Ну я поехал, у меня сегодня не очень...

– Да, давай, – и Гамид побежал менять фишки на деньги.

Через месяц Гамид позвал Зигуна обмыть ремонт в квартире.

– Помнишь, мы выиграла в казино, – гордо показывая на редкой марки холодильник, похвастал Гамид. – Купил на тот выигрыш.

– Круто, – ответил Зигун, – поздравляю.

Посидели, попили чай – и Зигун уехал. Он не хотел никого осуждать. Но осадок все равно остался.

Прошло еще несколько месяцев. За это время они встречались один раз на общем корпоративе. По какому случаю собирались, Зигун уже не помнил, но там произошел один инцидент, суть которого Зигун понял только спустя некоторое время.

Теперь же, проезжая по центру Москвы, Зигун позвонил

Гамиду:

- Ты в медцентре?
- Да, – ответил Гамид.
- Я подъеду через полчаса.
- Отлично, как раз вместе пойдем пообедаем.
- Договорились.

Зигун приехал даже раньше, но Гамида не было на рабочем месте. Оказалось, что они вместе с Дашей, девушкой с рецепции, ушли куда-то.

Через двадцать минут они не вернулись, тогда Зигун позвонил Гамиду на мобильный:

- Ты где?
- Щас-щас, подожди, скоро буду, – каким-то слишком возбужденным тоном ответил Гамид.

Прошло еще двадцать минут – никто не пришел. Не было даже Даши, у которой в разгаре вообще-то был рабочий день. Зигун стал выходить из себя: кажется, над ним просто издевались.

– Сообщите Даше, – приказал он, – что если ее не будет через десять минут, она уволена.

Через десять минут прибежала Даша.

- Ты где была? – поинтересовался Зигун.
- Гамид пригласил меня на обед.
- У него все хорошо? – спросил Зигун.
- Да, у него все замечательно, – ответила Даша.

Зигун вообще ничего не понимал. Он вспомнил, что пару

неделю назад была пьянка. И там Гамид, напившись, начал все крушить. Когда его бросились останавливать, тот отправился к себе в кабинет и разбил аквариум. Вода залила пол, рыбки беспомощно трепетали на столе.

Зигун тогда вошел в кабинет. Там Гамид в пьяном угаре кричал:

– Это все мое, ясно вам, хочу и крушу! Ты что-то хочешь мне предъявить? – с вызовом обратился он к Зигуну.

– Нет. Ничего... – тихо ответил Зигун.

Даже сейчас, уже на небесах, Зигун не мог понять, что именно руководило тогда Гамидом и когда начался разлад. Все трения, происходившие между ним и Зигуном, понемногу складывались в одну общую картину.

Был еще случай, когда они весело отпраздновали свадьбу Гамида. У пары довольно скоро родился ребенок, но при этом Гамид не стал признавать свое отцовство и оформлять на свою жену свое имущество.

А в тот день, когда они договорились пообедать, Гамид так и не появился в офисе. Видимо девочки с рецепции ему сообщили, что Зигун сильно недоволен, и он просто испугался объяснений.

На следующий день Зигун позвонил Гамиду, распорядившись, чтобы тот пошел к нотариусу и переоформил весь бизнес на Зигуна. Гамиду полагалось при этом выходное пособие за три месяца.

Гамид безропотно сделал все так, как ему велели. В кафе

Зигун передал Гамиду деньги за три месяца вперед.

– Чего ты хотел добиться, – поинтересовался Зигун, – когда мы планировали пообедать?

– Я сам не знаю... – обреченно признался Гамид.

Через несколько месяцев они случайно встретились в банке рядом с работой, и Зигун его не узнал поначалу: Гамид весь был осунувшийся, с лицом темного цвета.

Они перебросились парой фраз:

– Как дела?

– Все нормально.

– Ну давай...

– Давай.

Спустя месяц Гамид умер от передозировки.

Черный шарик скатился в чашу Зигуна.

* * *

Во время работы в медцентре был еще один случай, о котором сожалел Зигун. У них работал его давний хороший знакомый, он помогал в продвижении в интернете. Но в какой-то момент этот товарищ запил. Он и раньше любил выпить, но тут запил конкретно, и работа встала.

Зигун долго надеялся, что все наладится, но становилось все хуже. Зигун знал, что шеф этого запойного друга на основной работе умер. У них были очень теплые отношения с шефом, потому что друг так и переживал. Но в итоге Зигуну пришлось искать другого человека на замену пьянице.

Когда он последний раз видел своего приятеля, выглядел тот очень плохо: руки тряслись, он был весь худой и бледный.

– Может, нужна помощь? – спросил Зигун.

– Нет. Ничего не надо.

– Ну если не надо, тогда мы нашли нового человека, передай ему дела.

– Хорошо.

Больше Зигун его не видел, через месяц тот приятель умер. Подробности Зигун узнал гораздо позже: оказывается, у его приятеля были проблемы со здоровьем, неизлечимые. Он это знал – и от этого пил. Смерть шефа, видимо, его подломила окончательно.

О чем жалел Зигун? Он не смог бы вылечить товарища, судьба его была предрешена, вины Зигуна в этом не было. Но они так и не поговорили по душам. А тот, может, пил, потому что знал, что осталось ему недолго...

Вот и еще один черный шарик медленно скатился...

* * *

Зигун все больше пытался понять, что происходит на Земле. И чем сильнее он пытался разобраться, тем мрачнее его посещали мысли. Выбранный курс развития страны оказался провальным. Когда в правительстве долларовые миллионеры, в первую очередь они будут защищать корпоративные шкурные интересы, мало задумываясь о будущем страны и уж тем более о долгосрочных перспективах. В итоге

получилось, что собственного производства и всей экономики просто нет, сплошные декларативные призывы последние два десятка лет.

Но что лично Зигун попробовал сделать для своей страны и пытался ли он исправить ситуацию? Справедливости ради надо сказать, что Зигун на занятия политикой потратил пару лет своей жизни. Началось все это со знакомства с одним политиком по фамилии Плутошкин. До личной встречи Зигун слышал много выступлений этого человека в интернете и искренне восхищался им: говорил Плутошкин грамотно и красиво, не боялся высказывать свои мысли без оглядки на власть имущих. Он критиковал всех по делу, мог ответить на любой каверзный вопрос и был прирожденным оратором.

И вот волею судеб, а может, и по воле ангелов, Зигун познакомился с Плутошкиным. На тот момент в штабе этого политика уже сложился свой коллектив. Все были искренне увлечены реализацией надежд на перемены под руководством Плутошкина. Зигун давно уже не видел столько искренних людей, свято верящих в идею. При этом все работали на голом энтузиазме, с блеском в глазах. Зигун с первых минут заразился этим духом и тоже ринулся в бой. Работы было много. Нужно было находить новых сторонников, вести их учет, давать им задания, печатать и раздавать листовки.

В личном общении Плутошкин при этом был резок, высокомерен, даже надменен, порою он вел себя по-хамски. Во

время знакомства с Зигуном он, например, сказал:

– А сейчас мы вас проверим на вшивость.

Зигуна внутри аж передернуло: что за обращение, он вроде не собака. Но Зигун настолько оказался увлечен идеями Plutoшкина, что почти не замечал этих хамских выпадов. Со временем он понял, как ошибался, и нужно было сразу делать выводы, но это случилось нескоро.

Plutoшкин организовал движение, целью которого была смена политического курса страна и переход на социалистические рельсы. Иначе говоря, предлагался обновленный СССР. Все понимали, что нынешний авторитарно-коррупционно-капиталистический строй действует явно не в интересах страны и народа. Если кто-то хотел как-то продвинуться в этой системе, то для начала надо было принять ее условия: быть лояльным власти, отказаться от своего мнения, действовать в интересах правящего клана. По большому счету, все это похоже на мафиозную структуру: если ты работаешь в интересах мафии, то у тебя будет нормальная зарплата, соцобеспечение и возможность решать вопросы. Но как только тебя допускают к кормушке, ты становишься не просто членом мафии, а должником мафии, оказываясь у нее на крючке. Но ты можешь стать и неудобным ей, если не поделился с кем надо, перешел кому-то дорогу или пожадничал, воруя неприлично много и некрасиво. Самое страшное происходит с теми, кто по какой-то причине забывается, «ловит звезду», позволяя себе критиковать власть. Или

же вдруг вспоминает, что он народный избранник, потому никто ему не указ. Вот тогда система начинает работать на полную катушку: достаются на свет все старые делишки, заводятся уголовные дела. Все это, разумеется, в рамках борьбы с коррупцией. Так человек может дойти до губернатора или министра, и никто его не трогает, а потом в один момент находится причина его устранить, и тут же выясняется, что негодяй состоял в ОПГ и готовил убийство. А другой бедолага просто попросил слишком большую взятку или потребовал ее не у того, у кого можно такое требовать.

Как только человек начинает движение наверх на высокие позиции – в министерства это должности, начиная с директоров департамента, – перед каждым назначением он идет на собеседование в администрацию президента. В народе эту администрацию называют «аптекой». И на собеседовании у скромного сотрудника «аптеки» лежит папочка с делом, где есть про соискателя абсолютно все, включая медицинскую карту, где указано, сколько раз он лечился от половых инфекций. Если в этой папке не будет причины, за которую потенциального назначенца можно посадить, то его никогда не поставят на должность, где можно воровать. Иначе как объяснить случаи, когда берут губернаторов за хищения. Это же получается, что до назначения на губернаторскую должность он был абсолютно белый и пушистый, а после назначения его прорвало.

Система эта построена ради одной цели: чтобы ни у одно-

го чиновника даже мысли не было возразить вышестоящим и критиковать власть. Из-за этой системы на ведущие позиции назначаются не профессионалы, а лояльные и зачастую недалекие люди.

Так и сформировалась фантастически уродливая система государства. Государства, по своей структуре очень похожего на организованную преступную группировку, действующую по понятиям, а не по закону. А когда государству нужно узаконить понятия, то принимается нужный закон. А что законы давно не соответствуют Конституции и нормам морали, это уже никого не волнует.

Плутошкин же начал собирать вокруг себя равнодушных людей, которые болели душой за свою страну. При этом набор шел так активно, что кто-то наверху испугался, если, конечно, не брать в расчет вариант, что это был с самого начала проект «аптеки». Оказалось, кстати, что в штабе работало два сотрудника спецслужб, айти-специалисты.

Плутошкин при этом ругал абсолютно всех, не давая оппозиции возможности объединиться. Сам же он не с кем не объединялся, только декларируя стремление к этому. Поначалу все смотрели в рот Плутошкину – и ни у кого не было сомнений в правильности решений лидера, как он сам себя назвал. Но со временем стали слышны призывы к объединению. Плутошкин все призывы игнорировал, включая аналитические записки Зигуна. По каждой предложенной кандидатуре он критиковал оппонентов, заявляя, что они недо-

стойны быть рядом с ним.

Дела тем временем шли в гору, количество сторонников, зарегистрированных на сайте движения, все время росло. Как потом оказалось, доблестные сотрудники спецслужб при этом сделали все, чтобы реальное число сторонников никто не узнал, занижая его примерно в три-четыре раза при помощи специальных программ. Ну а часть анкет просто не доходило до базы.

Зигун был одним из кураторов движения. За ним закрепили определенную территорию, и он за несколько месяцев наладил работу практически во всех городах, входивших в его регион. Все кураторы собирались каждую неделю в штабе на отчет, где каждый из них докладывал обстановку и сообщал об увеличении количества новых сторонников. Выглядело это так: человек на сайте движения заполнял анкету и отправлял через форму обратной связи. У кураторов были доступы к базе, где они видели все поступившие анкеты: каждый день приходило около 100 анкет.

Зигун проверял информацию каждый день. И вот однажды он не поверил своим глазам: за день пришло более 300 анкет. Он, признаться, ждал такого развития событий, поскольку каждый новый сторонник приводил за собой несколько новых. Но на следующий день обнаружил возвращение к прежним темпам пополнения сторонников: появилось не более 100 новых анкет.

На ближайшем собрании кураторов Зигун поделился этой

информацией с другими кураторами. И оказалось, что у всех такая же история с разовым всплеском активности.

На собрании присутствовал весь штаб, включая айтишников. И во время обсуждения они стали вести себя крайне нервно.

– Как такое может быть, – спросил у них Зигун, – будто кто-то краник открыл, а потом его закрыл?

– Мы ничего не знаем, такого не может быть... – промямлил один из специалистов.

– Но у всех ведь такая картина! – не унимался Зигун.

В итоге разговор замяли и перешли к другим вопросам. Но осадок, как говорится, остался. Только спустя год, после того, как Plutoшкина посадили под домашний арест, а эти айтишники испарились, Зигун понял причины происходящего.

Движение тем временем росло не по дням, а по часам. Увеличивалась нагрузка и общий объем работы. При этом все делалось на коленке. Зигун и другие кураторы предложили создать структуру и регламент движения и прописать хоть какие-то правила включения в движение, исключения из него и правила назначения и снятия кураторов. Но Plutoшкину это все было не нужно, он панически боялся выстраивания правильных отношений в движении. Как потом понял Зигун, Plutoшкин боялся организованной структуры из-за того, что если она возникнет, то при желании можно будет снести из руководителей самого Plutoшкина. Да и в

случае принятия регламента движения роль самого Plutoшкина была бы ограничена этим самым регламентом, чего он допустить не мог, ведь все ключевые решения должен был принимать лично сам лидер.

Одна из сторонниц Plutoшкина, у которой открылись на него глаза, сказала, что руководитель – самовлюбленный нарцисс. Поначалу и Зигун был уверен, что все проблемы Plutoшкина идут от его собственных комплексов. Но после он понял, что Plutoшкин был *проектом*. А целью этого проекта был раскол левого движения, ослабление КПРФ путем оттягивания его членов в движение Plutoшкина. Без структурированной организации, без объединения с соратниками, без четкой программы вся эта затея была обречена на провал. А в сухом остатке оппозиция получила людей, которые поверили Plutoшкину, а потом поняли, что их кинули.

Зигун был уверен, что проект Plutoшкина – самая лучшая операция по развалу оппозиции. Возможно, у самого лидера даже была медаль за это, выданная секретным указом. И, что самое печальное, Зигун имел к этому самое непосредственное отношение, так как он активно помогал в наборе новых членов движения.

И вот Plutoшкина арестовали. Обвинения были нелепыми, но был бы человек, а дело найдется. Ему, во-первых, инкриминировали введение в заблуждение населения по поводу ковида. Plutoшкин ведь утверждал в своих выступлениях, что информация о ковиде от официальных источников

не соответствует действительности. Во-вторых, Plutoшкин якобы собирался сменить действующую власть незаконными методами. Свои желания он при этом не озвучивал, но думал о них, а значит, был виновен. Следователи, выходит, умудрились залезть в голову к Plutoшкину, что, конечно, было анекдотично.

После ареста Plutoшкина вся деятельность движения свелась к попыткам освободить его из-под домашнего ареста. Всех сотрудников штаба вызывали по повесткам в Следственный комитет для дачи показаний. Возглавившая движение супруга Plutoшкина наняла адвокатов и очень переживала, чтобы никто ничего не сказал лишнего следователю. Поэтому было принято решение, чтобы с каждым, кого вызывают к следователю, присутствовал адвокат. Договорились на все вопросы отвечать цитатой из пятьдесят первой статьи Конституции, позволявшей не свидетельствовать против себя и своих близких.

Зигуну повестка никак не приходила. Он уже надеялся, что про него забыли, но ему все-таки позвонили и уточнили, когда Зигун сможет подъехать в комитет для дачи показаний. Повестку прислали прямо в соцсетях, и Зигун скинул ее в чат кураторов. Не прошло и пяти минут, как ему позвонил адвокат с убедительной просьбой пойти к следователю вместе с ним. Кажется, Зигуну не доверяли: вдруг скажет чего лишнего.

Еще до этого на одном из заседаний штаба супруга Плу-

тошкина поручила кураторам Москвы и Московской области организовать сбор всех сторонников в центре Москвы в поддержку Плутошкина. На возражения одного из кураторов, что возможны последствия в виде задержаний и штрафов, последовал ответ – ничего страшного. Когда же посетовали на отсутствие юристов, чтобы защитить сторонников, супруга Плутошкина пообещала решить все вопросы.

В назначенный день все собрались на площади в районе Тверской улицы. Зигун тоже приехал, встретился со всеми, пообщался. Пробыл он там недолго, у него еще были дела. Через какое-то время весь собравшийся народ двинулся по улице. Сразу же появился ОМОН, улицу перекрыли, начались задержания, многих отвозили в участок. Всем задержанным вынесли административные приговоры со штрафами от десяти до двадцати тысяч рублей.

На следующем собрании штаба Зигун доложил ситуацию супруге Плутошкина и спросил, как будут решаться вопросы со штрафами. Всего надо было собрать около двухсот тысяч рублей. Ведь люди поверили им, вышли на улицу, а лишних денег ни у кого нет. Зигун предложил организовать сбор в счет оплаты всех штрафов, разместив объявление на YouTube-канале Плутошкина. При помощи сторонников можно было бы собрать необходимую сумму на адвокатов и на штрафы в течение дня. Какого же было удивление Зигуна, когда супруга Плутошкина ответила отказом. При этом пожертвования Плутошкину шли со всей страны, все

это знали, но супруга Plutoшкина сказала, что шлют немного, потому денег нет.

Зигун вспомнил, как быстро с ним связался адвокат, когда дело касалось самого Plutoшкина, а теперь сторонников, которые выходили за него на улицы, просто кинули. В итоге деньги на штрафы Зигун с товарищами собрали сами, без участия со стороны. Но на этом история не закончилась.

Прошло около года с того случая, Plutoшкина выпустили из-под домашнего ареста. Его супруга баллотировалась в депутаты Госдумы. Все кандидаты, как известно, подают налоговые декларации, из них Зигун узнал доходы супруги Plutoшкина за тот год, когда произошли задержания сторонников движения. Там обнаружилось более десяти миллионов пожертвований, а общий доход за два последних года составил около 20 миллионов рублей. И этот человек врал, что денег нет, не захотел компенсировать штрафы своих сторонников и даже не дал возможность собрать деньги через канал Plutoшкина. 200 000 рублей были всего лишь одним процентом от всех собранных пожертвований, но дружба дружбой, а денежки врозь.

Есть такое слово – порядочность. И оно точно не про чету Plutoшкиных. Зато как же сладко пел Plutoшкин про социалистическое неравенство и про то, как бедно живет российский народ.

Глава 20

Перед судом над Зигуном к нему зашел Егор.

– Как дела? – спросил Зигун. По Егору было видно, что что-то случилось. – Что-то с Машей?

– Нет, с ней все хорошо... – замялся Егор.

– А что тогда?

– Ее отец... – начал медленно Егор. – Он умер. Инсульт...

Только этого не хватало... Бедная девочка, как он ей сейчас был нужен... Зигун заметался по камере, но вдруг резко остановился:

– Приговор?

– Не знаю... – ответил Егор. – Не слышал, чтобы ему что-то выносили. У него не было ангела, но я, как и обещал, приглядывал за их домом. Черных не замечал рядом. Значит... не приговор, сам. Судьба...

Точнее, отечественное здравоохранение, горько подумал Зигун, вспомнив свои беды с врачами.

– Ну ладно, – сказал Зигун. – Ты не знаешь порядок действий в случае... отлучения ангела от работы? – Зигун имел в виду, конечно, отправку ангела на вечные мучения.

– Все решает специальная комиссия. Девочке должны дать нового ангела, но ты же знаешь – с ангелами проблема, не хватает специалистов. Поставят в очередь. Когда дойдет, тогда дадут. Но ты не переживай: я буду приглядывать за Машей.

Да уж, успокоил...

– Как у тебя с Алёной? – осторожно спросил Зигун.

– Да не знаю... – признался Егор. – Сам не понимаю. В какой-то момент было все очень хорошо, и я сам даже не мог поверить. Но это было недолго. А теперь все снова как-то прохладно, и причин я не знаю... Был один момент... – замялся Егор. – Я все хотел тебе сказать...

– Да что случилось? – не выдержал Зигун. – Говори уже, не томи.

– В общем... помнишь ситуацию с самолетами? Которые столкнулись в небе.

– Конечно, помню, – ответил Зигун.

– Так вот... Алёны не было тогда на командном пункте. Мы с ней гуляли той ночью. Я не мог ее подставить, поэтому дал показания, что она была на месте.

– Оч-чень интересно... – протянул Зигун. – Оч-чень... А ты не помнишь, при каких обстоятельствах было это приглашение пойти погулять?

– Да какая разница! – вскипел Егор. – Ты что, не понимаешь, что это из-за меня случилась авария?! Если бы мы не пошли гулять, то, может, все сложилось бы иначе, и катастрофы бы не было. А теперь люди погибли, и я Алёну подставил, – обреченно сказал Егор. – Нет мне прощения...

– погоди, не торопись делать выводы... Скажи, а ты помнишь, как вы договаривались о встрече? Кто кого пригласил?

– Какое это сейчас имеет значение! – опять вспылел Егор. – Не помню... Я, наверное... Хотя... подожди... Как-то обоюдно вышло, само собой. Вроде она предложила, а я

пригласил... Да, точно! Это было как раз накануне ее дежурства. Она еще посетовала, что не против, но у нее дежурство. А я сдуру и предложил, чтобы она прогуляла его.

– Ты предложил? – спросил Зигун.

– Да. Точно я, – ответил Егор. – Хотя...

– Ладно, все понятно.

– Что тебе понятно?! – крикнул Егор, но ответить Зигун не успел – в карцер вошли двое.

– На выход, – коротко сказал один из них.

Зигун обнялся с Егором.

– Все будет хорошо, – сказал тот.

– Да уж... – ответил Зигун. – Надеюсь.

* * *

Три месяца шло разбирательство. Многих поувольняли из-за Зигуна. Были предложения изменить законодательство. Как всегда бывает, насоздавали разные комиссии, шли дискуссии. В общем, все это стало превращаться в некое шоу, где про Зигуна уже особенно не вспоминали. Каждый старался использовать этот суд для достижения каких-то своих целей: кто-то продвигал новый закон, кто-то устранял конкурентов, кому-то устраивали проверки.

Как и полагается, Зигуну назначили адвоката, дедушку в очках. Зигуна он мало о чем расспрашивал, и подсудимого это устраивало. Зигун при этом дал показания, что, мол, раскаивается, в первый раз такое, помыслы были самые чистые

– спасти ребенка. Информацией он не владел по уважительной причине – не знал о совещании, где решали вопрос с катастрофой. И вообще, система оповещения ангелов, мол, несовершенна.

Зигуну адвокат нравился, потому у него зародилась надежда на оправдание. Правда, слишком много народу было недовольно выходкой Зигуна, особенно за причинение вреда демону. С демоном, впрочем, адвокат договорился, тот не имел претензий. А еще потом ответственным демонам пришлось каждый приговор исполнять индивидуально.

Поскольку прецедентов не было, никто не знал, что делать в такой ситуации: подсудимый действовал во благо своей подопечной, но сорвал грандиозную операцию.

Адвокат и решил всю защиту построить на том, что никакие затраты не стоят жизни ребенка.

Первым выступал обвинитель.

– Данный ангел, – указал он на Зигуна, – нарушил все правила проведения массовых мероприятий, направленных на исполнение приговоров. Он подставил под угрозу срыва выполнение годового плана исполнения приговоров. Нанес телесные повреждения сотруднику. И вообще, подал плохой пример всем ангелам! – несколько истерично закончил он.

В президиуме Высшего суда не оказалось Самого Главного – это был не тот вопрос, который требовал его участия. Заседание было закрытым, но народу собралось много.

Председатель суда, выслушав обвинителя, дал слово ад-

вокату.

– Ваша честь, – начал адвокат, – разрешите мне объяснить поведение моего подзащитного. Этот молодой человек работает у нас относительно недавно. Всех нюансов нашей работы он еще не успел изучить. Его вина в том, что он не обладал информацией о проведении данного мероприятия. Поэтому есть проблема в несовершенстве системы оповещения ангелов о предстоящих мероприятиях. – Зал загудел в поддержку. – Кроме того, давайте разберем помыслы этого молодого человека. Они были самыми чистыми – это защита своей подопечной, защита ее от неминуемой гибели. А разве не это основная цель ангелов?! Он просто выполнял свою работу... Да, он нанес телесные повреждения сотруднику из другой службы, – адвокат не стал упоминать демонов. – Но где в деле заявление от этого сотрудника с предъявлением претензии?.. А по поводу материальных затрат на все мероприятие – тогда в какую стоимость мы оценим жизнь невинного младенца? – На последней фразе все в зале потупились.

– Присяжные, – обратился председатель суда, – вам все понятно? Есть вопросы?..

– Вопросов нет.

– У кого-то в зале есть дополнения по данному делу?

– Надо вообще исключить массовые исполнения приговоров – по причине большой вероятности смерти невинных людей! – вскочил Егор со своего места.

Все чиновники, сидевшие в первом ряду, недовольно пе-

реглянулись.

– Скажи тогда, откуда столько ангелов и черных взять для реализации одиночных приговоров, – проворчал один из них.

– Тишина в зале! – председатель постучал своим молоточком. – Тишина... Предложение отклонено, суд не уполномочен решать такие вопросы. Еще есть предложения?

Предложений больше не было.

– Суд удаляется на совещание. Перерыв.

Перерыв длился недолго. Вскоре все снова расселись по своим местам.

– Приступаем к голосованию, – объявил председательствующий. Присяжные приготовились. – Кто считает виновным ангела в нарушении порядка реализации массового приговора и кто за вынесение ему приговора с высшей мерой наказания? – Трое из двенадцати присяжных подняли руки. – Кто считает ангела невиновным? – Подняли руки девять присяжных. – Итак... решением Высшего суда ангел признан невиновным. Решение окончательное и обжалованию не подлежит!

Зал одобрительно вздохнул и загудел.

Зигун не знал, как и реагировать. Он не был готов к такому повороту событий и к тому, что теперь наконец-то сможет увидеть свою Машеньку. Он поблагодарил адвоката, с трудом сдерживаясь:

– Спасибо!

– Пожалуйста, – просто ответил адвокат.

Глава 21

После обеда назначили экстренное совещание.

– Просьба всем быть, – сообщил голос из динамиков по всему зданию.

– А что за срочность? – поинтересовался выпавший из повестки Зигун у Егора.

– На Земле происходит что-то странное. Там всеобщая эпидемия, от которой гибнут люди. В первую очередь, старики и люди с хроническими проблемами со здоровьем. Такое впечатление, что кто-то решил почистить качественно и численно население планеты, оставив самых здоровых. Дети при этом практически не болели, а если и болели, то без последствий. И умирали на Земле все – и с приговорами, и без них. Во всех отделах только и говорили о том, кому это надо и кто за этим стоит. В общем, все это очень и очень странно, – закончил Егор.

В этот раз всех собрали в большом зале. Он имел форму амфитеатра, в несколько рядов были расставлены стулья, каждый ряд был на возвышении. В президиуме сидело три человека: первый зам Самого, Николай Фёдорович и Суркан. Заседание начали без лишних слов.

– Доложите обстановку, – сказал первый зам, обращаясь к Николаю Фёдоровичу.

– На данный момент информации немного, – начал Нико-

лай Фёдорович. – На земле началась эпидемия. Официально предполагают, что источник в Китае, а зараза передалась от животных человеку.

– А как на самом деле? – спросил первый зам.

– Сложно сказать... – медленно ответил Николай Фёдорович. – Мы сейчас работаем над выяснением. Есть признаки искусственного происхождения вируса...

В зале повисла мертвая тишина. Пауза затянулась, и первый зам не выдержал:

– И кому это выгодно?

Николай Фёдорович помедлил с ответом.

– Ну, во-первых, умирают люди с приговором и без. – Все сразу покосились на Суркана: такой исход был выгоден ему. С другой стороны, Суркан был настолько умен и опытен, что невозможно было допустить мысль о том, что он имеет отношение к такой топорной работе. Суркан же сидел с невозмутимым видом.

– Так, давайте дальше... – потребовал первый зам.

– Выгодна эта ситуация, конечно, фармкомпаниям, – продолжил Николай Фёдорович. – Они просто озолотились на лекарствах и вакцинах. Но там сложно выделить какого-то одного. Фармгиганты, как правило, подконтрольны своим правительствам, навряд ли они способны принимать самостоятельные решения.

– Получается, за происходящим стоят люди, которые контролируют правительства... а те, в свою очередь, фармком-

пании? – спросил первый зам.

– Да, – признался Николай Фёдорович, – но это не главная цель.

– Какая же главная? – занервничал первый зам.

– Однозначно сложно сказать, у каждой страны есть свои проблемы. Самые большие страны по территориям и экономикам и существующим проблемам – это США, Россия и Китай. Но вряд ли Китай сам себе создал вирус и у себя его распространил.

– Логично, – заметил первый зам.

– С другой стороны, в Китае скоро выборы, и властям нужно отвлечь народ. Остаются еще США и Россия. ..

– Давайте тогда искать еще причины. Какие еще последствия этой эпидемии?

– Запрет массовых мероприятий, цензура, смена политической повестки. По сути, отмена выборов во многих странах или их предельно легкая фальсификация. Но рано или поздно эпидемия закончится, а проблемы все останутся. И что будет дальше – никому не известно.

– Да, никому не известно... За исключением тех, кто это затеял, – задумчиво произнес первый зам. – Что же они там придумали и какой будет следующий шаг? И главное, кто за всем этим стоит? – кажется, сам с собой разговаривал первый зам. – А что говорит наша внутренняя служба контроля? – вдруг поинтересовался зам.

С первого ряда поднялся маленький невзрачный человек

– Зигун его видел впервые. Егор ничего не рассказывал ему про эту службу.

– Ты чего молчал? – толкнул Зигун локтем рядом сидевшего Егора.

Тот поправил очки:

– Да я сам его в первый раз вижу. Ранее только слухи ходили...

– По нашим данным, – начал тихо говорить руководитель службы контроля, – здешние специалисты к этому отношению не имеют. – Вздох облегчения раздался по рядам. Даже на лице Суркана появилась снисходительная улыбка. – Это все на Земле: или природное явление, или человеческих рук дело. Мы к этому не имеем отношения.

– Да. Вот только наши ангелы уже месяц без выходных, не успевают спасать людей, – не удержался Николай Фёдорович.

– Понимаю, – кивнул маленький человек.

– Нужно срочно что-то решать, – обратился Николай Фёдорович к первому заму. – Ангелов не хватает. Нагрузка огромная. Помощи нет никакой.

– Я передам ваши пожелания... – неохотно пообещал первый зам. Суркан рядом довольно ухмыльнулся.

После совещания стало ясно, что помощи ангелам ждать не от кого, задача каждого ангела оберегать своих подопечных от заразы, а если те подхватили ее, то способствовать излечению. Вирус при этом был очень заразный, а лечить его

мешала «оптимизированная» система здравоохранения.

Зигун не особо сильно переживал, поскольку дети болели легко. Если только няня не принесет заразу в дом. Но пока ничего не предвещало беды.

После совещания Зигун много думал о том, что там услышал. Он пытался понять смысл происходящего на Земле и не мог его найти. С оптимизацией здравоохранения он уже сталкивался, но зачем же государство экономит на здоровье своих же граждан? Получается, это государственная политика... по сокращению населения.

Для такой же экономии денег затеяли в его стране увеличение пенсионного возраста. При этом сэкономили их на самой незащищенной части общества – на пенсионерах.

Получается, что ослабили здравоохранение, потом подняли пенсионный возраст. Теперь запущена эпидемия, которая косит в первую очередь этих самых пенсионеров, сокращая расходы Пенсионного фонда... И если это звенья одной цепи, то каковым будет следующий ход? Оставалось надеяться, что он будет сделан не скоро. Вот только Зигун, увы, ошибся.

* * *

Это был обычный день. Войдя в зал, где были установлены весы и лежали личные дела, Зигун заметил некоторую суету среди ангелов. Они судорожно искали какие-то личные дела и складывали их в отдельную стопку. Дел было так много, что под них понадобился целый стол. При этом к столу по-

стоянно подходили черные и вываливали из мешков все новые и новые папки с делами. Одна папка упала Зигуну под ноги, и он поднял ее. Перед тем, как положить на стол, пробежал глазами: дело как дело, черных шаров мало, приговора нет. И тут он увидел небольшой штампик в углу: «Мертв». Он пригляделся: такие штапки были на всех личных делах на этом выделенном столе, и дата стояла сегодняшняя.

Зигун ничего не понял: что тут еще понапридумывали?..

Сейчас с вопросами лезть было бесполезно, лучше найти Егора, тот наверняка в курсе. Зигун вышел из зала и хотел было спуститься по лестнице, но увидел, что внизу на площадке стоят двое – Суркан и руководитель внутреннего контроля. Его никто из них не заметил, при этом факт частного общения удивил Зигуна: о какой тогда независимой оценке ситуации можно говорить, если глава службы внутреннего контроля тесно общается с главным демоном.

Говорил Суркан:

– С эпидемией у них ничего не получилось. Вот решили затеять... – Тут вдруг со скрипом открылась дверь на лестницу, и на площадку к Зигуну выбежал Николай Фёдорович. Суркан резко оборвал свой монолог, подняв глаза и уставившись на Зигуна, который торопливо спустился этажом ниже вместе с Николаем Федоровичем.

Уже на следующем этаже ему встретился Егор.

– А я тебя ищу! – радостно закричал Зигун.

– Не шуми... – тихо попросил Егор.

– Что у нас случилось? – Зигун был нетерпелив.

Егор наклонился к его уху и стал тихо шептать.

– Не может быть! – ахнул Зигун.

– Может, – кивнул Егор. – Сегодня рано утром.

Теперь он понял, что хотел сказать Суркан, только возник вопрос: кто такие *они*? И главное – что у них не получилось?

Зигун понял, что тут что-то не чисто. И если Суркан сказал – *они*, значит, сам Суркан не имеет к этому отношение. Но кто у них еще есть выше – и, стало быть, еще хуже Суркана?..

Зигун вдруг вспомнил смешной момент из старого советского фильма, где один герой говорит другому: «Пошли, там наших бьют». А другой ему отвечает: «А может быть, наши – не такие уж и наши? И бьют не наших».

Тут люди гибнут, а я комедии вспоминаю, – устыдил себя Зигун. Но он и впрямь уже перестал понимать, кто тут наши, а кто нет.

«У них», – опять Зигун вспомнил слова Суркана на лестнице. Логика сама подводила к ответу, но разум гнал этот ответ: нет, не может быть! Неужто за всем этим стоит Самый Главный?..

С этим Зигун и ушел к себе. Ему надо было разобраться в собственных мыслях и разложить все по полочкам.

Эпидемия еще не успела закончиться, как был сделан следующий ход в этой кровавой шахматной партии. И это партия, где в результате каждого хода гибли люди, десятки тысяч людей. И это было только начало.

Глава 22

В комнату к Зигуну зашел Николай Фёдорович. Зигун даже опешил от такого неординарного события.

– В канцелярию зайди, – приказал начальник – и сразу вышел, не дав задать вопросы.

Зигун решил, что пойдет в канцелярию, а оттуда сразу к Маше. Наверное, ему хотят вручить копию решения суда – даже тут бюрократию не победить, как и на Земле.

В канцелярии его сразу узнали – такой он стал популярной личностью после всех его приключений.

– Вот, – протянула ему бумаги девушка. – Получите и распишитесь.

Зигун расписался, уверенный, что это копия судебного решения, лишь потом решив прочитать.

Это не было копией судебного решения. Это был приговор. И приговор был выписан в отношении Машеньки.

– Этого не может быть! Это ошибка! – Зигун думал, что возмущался про себя, но оказалось, что он кричал.

На крик сбежались сотрудники канцелярии, включая начальника.

– В чем дело? – строго спросил он. – У нас каждый день сотни ангелов получают на руки приговоры.

– Этого не может быть... Это ошибка, – твердил Зигун. – За что? Что случилось? Я последние три месяца был в carcere. Что за это время могло произойти?

Начальник канцелярии взял бумагу и стал читать.

– Обычный приговор, – пожал плечами он. – Полагаю, сударь, вы к нему не имеете никакого отношения.

– Но я ангел этой девочки... и прекрасно знаю состояние ее весов. Да и вообще, какие могут быть черные шары у ребенка?

– А это не имеет значения, – парировал начальник. – Приговор выносит Высший суд, для него не обязательно иметь черные шары.

– Тогда за что все это?

– На все воля божья... – только и смог ответить начальник канцелярии. – Идите готовьте материалы для передачи черным на исполнение. Хотя подождите... Тут же все сроки вышли, пока вас не было. Документы уже автоматически направлены в канцелярию к демонам.

Зигун знал, как работают демоны и сколько у них работы. Они месяцами не могли выполнить назначенные приговоры. Оставалось идти на прием к Самому Главному, другого выхода не было. И он кинулся в приемную.

На него там посмотрели как на сумасшедшего. Все уже знали, что он набедокурил с самолетом.

– Успокойтесь, молодой человек. Никто вам аудиенцию не даст, нет тому причины. Если есть приговор, то есть за что его выносить. У нас все четко, просто так приговоры не выносят, – дама в приемной была непреклонна.

Он понял, что это конец, и отправился к лифту. В конце

коридора был другой лифт, служебный. На нем загорелась лампочка: лифт куда-то ехал. Может это... *Он?* Зигун никогда не видел Всевышнего, только слышал о нем. И вот теперь надеялся на встречу.

Служебный лифт медленно понимался: пятый... десятый... тринадцатый этаж... На пятнадцатом этаже, там, где была приемная, лифт остановился, двери открылись, и вышел *Он*. Он был в белом балахоне, накинутом на голое тело, на шее висел большой крест. Фигура у него обычная, рост выше среднего. Из-под балахона были видны волосатая грудь и солидный живот.

Поначалу Зигун не мог сказать ни слова, но потом словно проснулся: была не была, ради своей Машеньки он был готов на все. Зигун хотел спросить о многом. Например, где были все ангелы, когда самолет с детьми упал в небе над Швейцарией. Или всем детям выписали приговоры? За что, они же дети, что они успели плохого сделать в жизни?! Но сейчас Зигун только пролепетал:

– Машенька... приговор... – Он наконец-то взял себя в руки: – Ей приговор за что? Она ни в чем не виновата!..

Повисла тишина. Объяснять Главному, кто такая Машенька, было не нужно – Он знал все про всех, потому прекрасно понимал, о ком речь. Похоже, никто к Главному не обращался раньше с такими вопросами, поэтому Он был в затруднении, а послать прочь ангела было как-то неправильно.

Наконец, Главный изрек:

– Глава пятая Евангелия от Матфея, часть тридцать восьмая.

Зигун помнил эти строки наизусть: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб». Тут Христос указывает на упоминавшийся в Ветхом Завете так называемый закон возмездия, встречавшийся и у других древних народов (у римлян – *jus talionis*), который применялся не только по суду, но и в отношениях частных лиц.

У Зигуна даже выступила испарина на лбу: значит... Машенька ни в чем не виновата! Но кто тогда виноват? На этот немой вопрос Главный тоже ответил, словно прочел мысли Зигуна:

– Ее отец в молодости совратил несовершеннолетнюю и заставил сделать аборт, испугавшись последствий и убив ребенка. После этого девушка покончила с собой. Итого – две смерти.

– Да, но прошло столько лет... – Зигун пытался как-то оправдываться, уже понимая, почему наверху ждали рождения девочки. А отец Маши и после, видимо, успел насобирать черных шаров. И вот настал тот момент, когда весы с черными шарами перевесили. А самый близкий человек у него – это дочь. Вот у него и забирают то, что он когда-то отнял у других. – Но он же уже поплатился! – вспомнил Зигун. – Он умер два дня назад от инсульта! – Зигун схватился за последнюю соломинку. – Если приговор приведут в ис-

полнение, то кого накажут? Он все равно уже не узнает о случившемся и не испытает мук. Разве что тут, на небесах. Да он, наверное, уже где-то тут, так и спросите с него тут. Или отправьте в ад...

Эта информация застала Главного врасплох. Оказалось, что Он не такой уж и всеведущий.

– На все воля Божья... – проговорил он.

– Но можно отменить приговор? – Зигун смотрел умоляюще, голос его дрожал, в глазах были слезы.

– Хорошо, – сказал Главный. – Идите в канцелярию, оформите прошение о помиловании.

– А когда в канцелярии узнают об этом? – спросил Зигун.

– Уже, – коротко ответил Главный и отправился в приемную.

Получилось!.. Теперь надо было срочно отправляться в канцелярию, а потом бежать искать исполнителя.

В канцелярии, и правда, были уже в курсе – и в недоумении, поскольку таких случаев не припоминали. Но, тем не менее, быстро подготовили все бумаги и передали Зигуну.

– А кто исполнитель, как мне его найти? – Зигун был уверен, что немедленно найдет демона и сунет ему под нос помилование.

– Сейчас посмотрю по журналу... Так... Исполнитель – Трезор, отдали на исполнение три дня назад.

Ну почему Трезор?! Как же ему не везет!

Он помнил разговор с Трезором – у того уходило на ис-

полнение приговора не больше трех дней, и они уже почти прошли.

У Зигуна оставалась маленькая надежда, и он все-таки пошел к дому Трезора.

Дом Трезора находился в прекрасном месте – на берегу реки. Дома никого не было.

Зигун сел на скамеечку неподалеку. По реке прямо перед ним медленно плыла щепка. Вот так текла жизнь каждого из тех, кто был на Земле, а все живущие были кем-то вроде этой щепки, которую мотало то туда, то сюда. Щепка зацепилась за ветку, ее омывала с двух сторон вода, и было件нятно, что рано или поздно щепка вновь отправится в плавание, и ничего от щепки не зависит.

Зигун думал о том, насколько хрупок мир и насколько мало от него самого хоть что-то зависит: он цепляется, но течение сильнее. Он сидел и плакал. Думал о своих детях и о том, что не смог уберечь Машеньку. Оплакивал всех тех, с кем не смог попрощаться, кому причинил боль...

Вдруг раздались шаги – это был Трезор. В руках у него были какие-то документы. Они поздоровались, но Зигун не поднимал головы, не желая, чтобы Трезор видел его слезы.

– Ну и неделька выдалась, – признался Трезор. – Столько работы, аж завалили приговорами, не успеваю все отработать. Надо будет просить помощника – пусть он и вкалывает, а я немного отдохну.

Зигун безропотно слушал и никак не комментировал при-

знания собеседника.

– Попался мне тут один крендель, – рассказывал дальше Трезор. – Так он будто назло перед исполнением приговора решил, видите ли, искупить все свои грехи. И приперся в храм! Решил отойти от всех дел и уйти в монастырь. И давай там целыми днями молиться, даже поститься стал. А я же не могу в храме приговор исполнять, сам понимаешь. Я уж и так и эдак, но он никак не выходит из храма. Прождал я три дня, потом понял, что толку нет. Пришлось возвращаться сюда и писать объяснительную: так и так, мол, невозможно в храме исполнить приговор, прошу помощи... Связались с ангелом батюшки того храма. Ангел сделал так, чтобы моего подопечного отправили в деревню. А время идет... В общем, еле-еле вытащили его из храма, а я, чтобы не рисковать, договорился с начальником отдела стихийных бедствий. Ну а он не стал особо заморачиваться: только подсудимый отъехал от храма, молнией его и убило, вот и все дела! – весело закончил Трезор.

Только теперь он увидел заплаканное лицо Зигуна.

– Эй, а ты чего плачешь? Из-за своей девочки? Не плачь, бывает... Я видел, что принесли ее приговор. У каждого ангела рано или поздно такое случается, чего ты так переживаешь... Вот отдохну – и пойду этим приговором заниматься... Ты извини, я бы помог, но ты же знаешь: я не могу... Единственное, что могу пообещать: мучиться она не будет, сделаю все моментально, она и не поймет.

Зигун поднял голову:

– Так ты еще не исполнил приговор?

– Вот чудак! – рассмеялся Трезор. – Я же тебе рассказываю, что бегал целую неделю за отшельником, который спрятался в храме. Ты не слушал, что ли?

– Слушал, слушал, – улыбнулся теперь Зигун.

– Ну я пошел, – засобирился Трезор. – Хоть перекушу, а завтра снова рано вставать, дел скопилось из-за этого чудака, весь график поломал мне.

– Погоди... – сказал Зигун. – Вот возьми... – протянул он бумаги.

– Что это? – спросил Трезор, с удивлением взяв в руки. – Ух ты, никогда такого не видел! Помилование! Как это ты смог? Молодец, что тебе сказать! Ну и хорошо, одним делом меньше, – признался он. – Может, теперь и войду в график.

Господи, подумал Зигун, у кого о чем голова болит.

Трезор отправился домой, а Зигун опять присел на скамейку.

Щепки уже не было.

Это что же получается, думал он, все эти детские смерти – это расплата за грехи взрослых? Но не только детские смерти могут быть по этой причине, значит, и его смерть может не зависеть от его поступков. А приговор ему вынесли в качестве наказания тому, для кого он был самым дорогим человеком. И получается, что каждый несет ответственность за жизни других. А в случае совершения греха человеком мо-

гут вынести приговор и тем, кто ему дорог.

А если же посмотреть глобально, то все люди – чьи-то братья, сестры, отцы и дети, все они могут попасть под раздачу и вынесение приговора. А единственное спасение от всего этого – жить по законам божьим и не грешить. Вот только как это реализовать, как это все донести до всех людей... И именно поэтому у нас столько смертей...

«Ибо, ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»

«Будем трепетать, так как мы не походим и на мытарей, но ненавидим даже и тех, кто любит нас». (Толкования на Мф. 5:46.)

«И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного вы делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

«Одним из людей, конечно, друзей, любить, а других ненавидеть есть несовершенство; совершенство же – любить всех». (Толкования на Мф. 5:47.)

Он сидел и думал, что теперь ему делать. Свою жизнь он проанализировал: было, конечно, много грехов, но грехи его никак не тянули на серьезный приговор. Получается, теперь нужно было изучить подробности жизни всех близких в поисках истины. Возможно, его смерть – это плата за их грехи.

Это сколько же уйдет времени на изучение всех-всех-всех биографий, вздохнул Зигун, но потом усмехнулся: а куда ж ему торопиться. Времени у него теперь предостаточно.

Времени у него – целая вечность.

*Дмитрий Кондратенко,
декабрь, 2022 г.*